

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Георгий МАРТЫНОВ

ПЛАНЕТНЫЙ ГОСТЬ

*Фантастические произведения
Журнальные варианты*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК»
2021**

В предлагаемом издании собраны все известные журнальные публикации произведений Г. Мартынова, не вошедшие в Собрание сочинений в 7 томах, М., Престиж Бук, 2015-2019.

Издатель благодарит Фантлаб и лаборантов, особенно **formally, Garvi, mikaei** за предоставленные сканы.

ПЛАНЕТНЫЙ ГОСТЬ

Фантастическая повесть

Рисунки А. Побединского

Иллюстрации в тексте: А. Побединский.
Использованы две иллюстрации из публикации отрывка из
романа «Каллисто» в журнале «Наука и жизнь», 1960, № 11,
Художник Е. Скакальский

Георгий МАРТЫНОВ

Планетный Гость

Фантастическая повесть

Рисунки
А. Побединского.

Г. Мартынов

Журнал «Юность» 1957, № 9-10
Примечание от редакции «Юности»:
Печатается с сокращениями

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЛЫЙ ШАР

Блестящая точка

Было ясное утро конца июля. Высоко в небе расходились легкие перистые облака. Быстро испарялась ночная роса, и отдаленные предметы казались дрожащими в прозрачном воздухе. Солнце только что поднялось, а уже чувствовалось, что день будет жарким.

Дачный поселок Академии наук еще спал. На песчаной улице никого не было видно.

Чуть слышно скрипнула дверь, и на крыльцо одной из дач вышел мужчина в полосатой пижаме. Это был полный человек среднего роста, с гладко выбритым лицом, редкими седыми волосами, зачесанными назад. Глубокие залысины делали его лоб очень высоким. Мясистый нос и большой рот придавали лицу добродушное выражение.

Он медленно спустился с крыльца и пошел по дорожке сада. С наслаждением вдыхая чистый утренний воздух, он сел возле калитки на скамью и стал смотреть по сторонам. Нет ничего лучше этих ранних часов! А скоро проснется жена и позовет завтракать. Потом придет машина, и надо будет ехать в душный и пыльный город. Только поздно вечером, когда солнце низко опустится над горизонтом, он вернется и снова будет сидеть на своей любимой скамейке, пока не настанет время ложиться спать.

Он посмотрел через улицу на окрашенную в желтый цвет дачу, и чувство, похожее на зависть к ее владельцу — известному астроному академику Штерну, — невольно проснулось в нем. Сосед был в отпуске и целыми днями лежал с книгой в шезлонге. Есть же такие счастливицы!..

Доктор медицины профессор Куприянов обычно не завидовал людям, которые ничего не делают, но сейчас ему казалось, что лучше безделья ничего быть не может.

До желанного отдыха оставалось уже немного дней, но отпуск все же не радовал профессора. Хорошо бы провести его здесь, на даче, весь день лежать и читать, но это невозможно. Пошаливало сердце, и необходимо было ехать в санаторий. Путевка уже лежала в ящике письменного стола.

Прислонившись к забору, Куприянов стал смотреть вверх. Облака уже совершенно исчезли. Ясная, прозрачно-голубая бездна чуть заметно дрожала. Нагретый солнцем воздух казался видимым и физически осязаемым. Профессор пристально вглядывался в бездонную глубину, и вдруг ему показалось, что прямо над его головой, в зените, внезапно вспыхнула крохотная яркая точка.

Он на секунду закрыл глаза. Посмотрев опять, убедился, что не ошибся. Едва заметная блестящая точка сверкала на том же месте. Вот она как будто погасла, снова вспыхнула и больше не исчезала.

«Самолет? — подумал Куприянов, — Нет, слишком высоко, и не видно белого следа, который всегда оставляют за собой высоко летящие самолеты. Звезда не может быть видна днем. Значит, это какая-нибудь планета».

Блестящая точка была так мала, что профессор несколько раз терял из виду и потом с трудом находил опять. С полчаса Куприянов наблюдал за ней, но она не изменила своего положения на небе.

Напротив отворилась калитка, и на улицу вышел академик Штерн. Это был маленького роста, слегка сутулый, грузный старик с длинными седыми волосами и огромной густой бородой, в которой сейчас блестели капли воды. (Он только что умылся.)

— С добрым утречком! — сказал он, подходя к скамейке и тяжело опускаясь на нее.

— Поздно встаете, — сказал Куприянов, пожимая протянутую руку. — Я уже с час как вышел.

— Ваше дело молодое! — засмеялся академик. — А мы, старики, любим поспать. Поздно лег вчера, — прибавил он.

Куприянов опять стал смотреть в небо. Несколько секунд он безуспешно искал блестящую точку, и решил было, что она совсем исчезла, но скоро нашел ее на том же месте.

— Что это за планета, Семен Борисович?

— Какая планета?

— Да вон! Прямо над головой.

Штерн некоторое время пристально вглядывался в небо.

— Это не планета. При таком ярком свете можно видеть только Венеру, но она никогда не бывает так высоко над горизонтом на параллели Москвы. Это самолет!

— Не похоже. Почти час эта точка находится на одном и том же месте.

— Посмотрим! — сказал академик и, повернувшись к своей даче, крикнул: — Лида!

Внучка Штерна, девушка лет семнадцати, вышла на крыльцо.

— Лидочка, принеси-ка мне мою трубу. Она у меня на столе. Сейчас узнаем, что это такое, — сказал он.

Приставив трубу к глазу, он около минуты смотрел в нее.

— Это не самолет и не аэростат. Посмотрите!

В маленьком круглом отверстии объектива Куприянов увидел ту же точку. Она не увеличилась в размерах и так же сверкала золотистым блеском.

— Ни самолет, ни аэростат не может находиться за предела-

ми атмосферы, — сказал Штерн, беря у Куприянова трубу.
— А эта штука находится именно там.

Улица постепенно наполнялась людьми. Увидя, что академик разглядывает что-то на небе, несколько соседей подошло к нему.

Куприянов ушел пить чай. Позавтракав, он переоделся и снова вышел к калитке.

Штерн по-прежнему смотрел в трубу. Около него собралось уже много народу.

— Может быть, это новая комета? — сказал кто-то.

— Или стратостат...

— Комета!.. — сердито сказал академик. — Аэростат, стратостат, самолет... Ну, что глупости говорить!

Куприянов хорошо знал Штерна и сразу заметил, что старый астроном сильно взволнован.

— Что же это такое? — спросил он.

Академик, не отвечая, направился к дому.

— Что это такое, Семен Борисович? — настойчиво повторил Куприянов.

— Позвоню на обсерваторию, — ответил Штерн.

Из-за угла бесшумно появился большой синий автомобиль. Мягко затормозив, он остановился у калитки.

Прежде чем сесть в машину, профессор еще раз отыскал на небе блестящую точку. Она по-прежнему сверкала на том же месте. Автомобиль плавно выехал из ворот и помчался по шоссе.

Немедленно приезжайте!

Куприянов был очень рассеян в этот день. Он отвечал невпопад, забыл проверить результат анализа, уронил и разбил мензурку. Это было так не похоже на обычно спокойного профессора, что сотрудники Института экспериментальной медицины с изумлением смотрели на своего шефа.

Куприянов часто подходил к окну и подолгу смотрел куда-то вверх. Отрываясь от этих непонятных наблюдений, он хмурился, и было видно, что какая-то навязчивая мысль не дает ему покоя.

Иногда он надолго задумывался и, если ему задавали в это время какой-нибудь вопрос, вздрагивал и просил повторить.

— Может быть, он болен? — шептались его помощники.

Петр Широков, старший ассистент и любимый ученик Куприянова, выбрал момент, когда профессор находился один в своем кабинете, и в осторожной форме посоветовал ему уехать домой, так как профессор, по-видимому, не совсем хорошо себя чувствует.

— Я здоров, — сухо ответил Куприянов.

Молодой человек смутился.

— Я совершенно здоров, — повторил профессор. — Правда, я сегодня немного невнимателен. Меня все время занимает одна мысль. — Он задумчиво посмотрел в лицо ассистенту и вдруг спросил: — Как вы думаете, Петр Аркадьевич, есть на Марсе разумные существа?

При этом неожиданном вопросе на лице молодого ученого появилось выражение тревоги.

— Видите ли... Я, собственно... До сих пор... Я совсем не думал об этом.

— Я тоже, — сказал Куприянов. — Где вы живете? — задал он опять неожиданный вопрос.

— Обычно в городе, а сейчас на даче.

— Так! А сегодня утром вы смотрели на небо?

— Нет. — Молодой ассистент всеми силами старался скрыть тревогу, которая все сильнее охватывала его. — Сегодня я как будто не смотрел на небо.

— Напрасно!

Куприянов подошел к окну.

— На небе бывают интересные вещи. Вот, например, сегодня... — Он рассказал о блестящей точке и о беспокойстве академика Штерна. — Когда я ехал в Москву, — закончил Куприянов, — мне пришла в голову мысль, что этот маленький блестящий предмет, который находится, как сказал Штерн, за пределами атмосферы, может оказаться космическим кораблем, летящим на Землю с другой планеты. Я никак не могу избавиться от этой мысли.

Молодой человек успокоился и тоже подошел к окну.

— К сожалению, — сказал Куприянов, — в городе не видно этой точки. Тут воздух не так чист.

— Вы серьезно думаете, что это может быть корабль с Марса? — спросил Широков.

— А почему бы нет! Люди думают, что непременно они первыми полетят на Марс и другие планеты. Но если там есть разумные существа, может случиться, что не мы, а они первыми прилетят к нам.

— Это было бы интересно.

— Не только интересно! Ведь у нас еще нет космического корабля. Если на Землю прилетит такой корабль с другой планеты...

Зазвонил телефон. Куприянов снял трубку:

— Алло!

— Кто у телефона? — услышал он голос Штерна.

Профессор внезапно почувствовал волнение. Рука с трубкой задрожала.

— Это я, Куприянов.

— Бросайте все и немедленно приезжайте ко мне на обсерваторию. Как можно скорее!

Штерн повесил трубку.

— Ну!.. — Куприянов развел руками и тяжело опустился в кресло. — Академик Штерн срочно просит приехать к нему на обсерваторию. По-видимому, он очень взволнован.

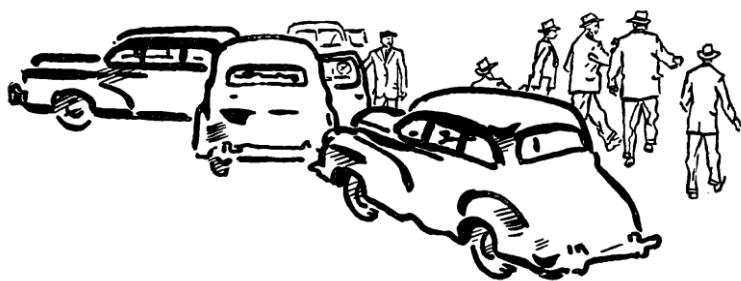
— Вы поедете?

— Немедленно!

— Михаил Михайлович! — умоляюще сказал Широков.
— Возьмите меня с собой.

— Хорошо! Вызовите мою машину!

Профессор и его ассистент были одинаково взволнованы. Как ни далеки они были от астрономии, они знали, что наука считает Марс и Венеру обитаемыми, не говоря уж о других планетах.

У главного входа в обсерваторию стояло несколько автомобилей. К подъезду подошла еще одна машина. Из нее вышел профессор Лежнев, известный лингвист, книги которого по истории языка пользовались большой популярностью. Он был очень высок, толст и неповоротлив. Кивнув головой, он пожал руку Куприянову и, отдуваясь толстыми губами, сказал:

— И вы здесь!.. Подумать только!

Вместе с ним приехал китаец средних лет в больших роговых очках. Он мельком оглядел Куприянова и Широкова и молча стал подниматься по лестнице.

Они вошли в обширный, отделанный белым мрамором вестибюль, вдоль стен которого стояли низкие скамьи, обитые красным бархатом. Сотрудник обсерватории подошел к

ним и пригласил подняться на третий этаж, в кабинет директора. Там уже находилось человек двенадцать. Они сидели вокруг стола, покрытого темно-малиновым сукном. Академик Штерн быстро ходил по кабинету, заложив руки за спину. — Ну, наконец-то все! — сказал он. — Садитесь, время не терпит.

Среди присутствовавших Куприянов увидел крупнейших ученых самых различных специальностей. Тут были биологи, химики, энергетики, языковеды, географы.

Куприянов сел на свободный стул, не понимая, зачем собралось столько ученых,

Когда Штерн вызвал его по телефону, он полагал, что астроном просто хочет показать ему блестящую точку, которую они наблюдали утром в телескоп.

Если даже эта точка и в самом деле космический корабль, то зачем все-таки это собрание?..

Штерн подошел к столу. Тотчас разговоры прекратились, и все нетерпеливо повернулись к нему.

Штерн обеими руками расправил сбою могучую бороду («Нервничает старик!» — подумал Куприянов) и начал говорить.

— Сегодня утром, — сказал он, — произошло событие, равного которому еще не случалось за всю историю нашей планеты. Впрочем, не так! Вернее будет сказать, что такого события еще не случалось за всю историю сознательной жизни человечества на Земле. Так вот, сегодня утром на небе было замечено появление непонятной блестящей точки. Наша обсерватория выяснила природу этой точки, и оказалось, что она представляет собой металлический шар, имеющий около тридцати метров в диаметре. С помощью одного из наших рефракторов шар был детально рассмотрен. Нет никакого сомнения, что он является искусственным и имеет внеземное происхождение. Я сам его видел. Вероятнее всего, мы имеем дело с космическим кораблем обитателей другой планеты, и корабль этот, по-видимому, намерен опуститься на поверхность нашей Земли. Этот вывод вытекает из наблюдений, которые удалось провести, пока шар был виден. В шесть часов утра он находился над Москвой, почти в зените. В девять корабль отклонился на восемнадцать градусов к западу и летел на высоте четырех тысяч километров. Потом он постепенно стал опускаться, одновременно двигаясь на запад. Благодаря тому, что наша Земля имеет привычку вращаться вокруг своей оси, корабль к двум часам дня исчез за горизонтом. Последнее определение его высоты — три тысячи километров. Это значит, что корабль опускается со скоростью почти двести шесть километров в час, или пятьдесят семь метров в секунду. Вероятно, он вполне может замедлить или, наобо-

рот, ускорить быстроту снижения. По этому поводу мы пока не можем сказать ничего. Намерения экипажа нам неизвестны, но если корабль начал снижаться, то нет никаких оснований думать, что он прекратит спуск и улетит от Земли, не опустившись на нее. Вопрос заключается в том, где он опустится. Я обо всем сообщил президенту Академии наук Неверову, а он — правительству. Вы сами понимаете, что подобное событие требует принятия самых срочных мер. Корабль может приземлиться в пределах СССР, или Китая, или в какой-нибудь капиталистической стране. Но не надо забывать, что СССР и Китай по площади, занимаемой ими, довольно заметная величина на поверхности Земли. Шансы примерно равны. Я даже думаю, что у нас больше шансов, если учесть скорость, с которой корабль опускается. Продолжая двигаться так же, он достигнет Земли завтра утром и как раз на нашей территории. Время не ждет, и на предварительные разговоры его у нас нет. Необходимо срочно создать научную экспедицию для встречи гостей. Корабль близок к Земле и хотя летит сейчас очень медленно, но опустится не позднее ближайших двадцати часов. Список членов экспедиции уже составлен в количестве девяти человек. Начальником экспедиции назначен член-корреспондент Академии наук, профессор Куприянов, которого вы все знаете. Он здесь присутствует.

Никак не ожидая подобного конца, Куприянов с изумлением посмотрел на Штерна. Старик усмехнулся в бороду.

— Да, да, Михаил Михайлович! Решили поручить вам встречу гостей, если они пожалуют. Главное, чтобы они у нас на Земле были живы и здоровы. На разных планетах разные атмосферы, а в них могут быть разные бактерии. Первая и главная роль принадлежит медицине. Мы не должны допустить, чтобы наши гости, хоть в малой степени, повредили свое здоровье. Вот поэтому и решили поручить руководство всей экспедицией именно вам как руководителю Института экспериментальной медицины. Я полагаю, что вы, как и все остальные товарищи, занесенные в список, не откажетесь от участия.

Никто ничего не ответил. Взволнованные ученые молча переглядывались. Было видно, что неожиданное и столь необычайное сообщение Штерна потрясло всех. У Лежнева лицо покрылось красными пятнами, и он нервно мял пальцами сукно на столе. Широков умоляюще смотрел на Куприянова, и, встретив его взгляд, профессор понял, что молодой человек горит желанием быть зачисленным в состав экспедиции. Китаец, приехавший с Лежневым, сидел неподвижно.

— Так что же, товарищи? — спросил Штерн. — Время не ждет. Давайте решать вопрос. Слово за вами, Михаил Михайлович.

Куприянов поднял голову. Он успел уже обдумать неожиданное предложение. Задача, которую хотели возложить на него, была трудна и ответственна, он это хорошо понимал.

Он встал. Все глаза устремились на него.

— Я согласен, — сказал он, — и благодарю за доверие. Участие в подобной экспедиции — большая честь...

— Ближе к делу, Михаил Михайлович! — сказал Штерн. — Время не терпит.

— У меня есть несколько вопросов, — продолжал Куприянов. — Что будем делать, если корабль опустится не в Советском Союзе? Каким образом мы узнаем место приземления и как доберемся до этого места? Кто зачислен в состав экспедиции?

— Как я уже говорил, — сказал Штерн, — вся наша подготовка должна вестись из расчета, что космический корабль приземлится в СССР или в Китайской Народной Республике. По счастливой случайности, в Москве сейчас вице-президент китайской Академии наук профессор Ляо Сен.

Китаец, приехавший с Лежневым, встал.

— По поручению китайского народного правительства, — сказал он на чистом русском языке, — с которым я связался сегодня утром, в случае приземления корабля на китайской территории приглашаю вас к нам.

— Прекрасно! — сказал Штерн, — Но может, конечно, случиться, что космический корабль опустится в Африке, Америке или Австралии. Гадать бесполезно. Нам остается только надеяться, что случится так, как мы рассчитываем. По всей территории Советского Союза и Китая идет подготовка. Авиационные соединения, военные и гражданские, получили приказ: как только корабль покажется, навстречу ему вылетят скоростные самолеты и проводят до места приземления, а затем немедленно сообщают об этом в Москву. Мы с вами будем находиться здесь и сразу же вылетим. Самолеты нас ждут.

Он надел очки и взял со стола бумагу.

— Состав экспедиции! — Он оглядел сидящих за столом. — Начальник экспедиции — профессор Куприянов Михаил Михайлович. Согласие имеется. Заместители или помощники начальника экспедиции: Штерн Семен Борисович («Согласен!» — ответил он самому себе), вице-президент Академии наук Китая профессор Ляо Сен.

— Согласен!

— Доктор биологических наук, профессор Лебедев Семен Павлович.

— Конечно, согласен! — сказал высокий мужчина с очень моложавым лицом и гладко зачесанными седыми волосами.

— Члены экспедиции: профессор филологии Лежнев Анатолий Владимирович, доктор химических наук Аверин Кондратий Поликарпович, доктор технических наук Смирнов Александр Александрович, доктор технических наук Манаенко Артем Григорьевич. И последний: доктор географических наук Степаненко Владимир Петрович. Названные мною товарищи, — продолжал Штерн, — составляют основной костяк экспедиции. В случае необходимости к нам присоединятся ученые других специальностей. Каждый участник отвечает за работу с гостями по своей области.

— А позвольте узнать, на каком языке вы собираетесь говорить с этими самыми гостями? — спросил Лежнев.

— Задача найти общий язык как раз ложится на вас, Анатолий Владимирович, — сказал Штерн, — и на товарища Ляо Сена. Есть у кого-нибудь вопросы?

— Как не быть! — сказал Аверин. — Может случиться, что через короткое время мы будем в самолете. А дома у нас ничего не знают.

— У меня, например, при себе денег нет!

— Мне надо оставить распоряжения по институту!

— У меня срочная работа, которую нельзя так бросить! Надо поручить ее кому-нибудь.

Штерн внимательно выслушал всех.

— Все это понятно, — сказал он. — Событие произошло внезапно. Ждать и откладывать наш вылет нельзя. Но кое-что сделано. Специальные люди уже отправлены на ваши квартиры. Они привезут то, что пришлют ваши жены. Вы можете позвонить по телефону. Все необходимое, что не успеем захватить сейчас, будет доставлено на место самолетом. Есть еще вопросы ко мне? Нет? В таком случае моя сегодняшняя роль окончена. Прошу обращаться к начальнику экспедиции.

— Есть еще один небольшой вопрос, Семен Борисович, — сказал Куприянов. — Надо взять с собой кинооператора.

— Предусмотрено, — перебил Штерн. — С нами едут корреспонденты, фотографы и кинооператоры. Они все будут на аэродроме одновременно с нами.

— Я хочу взять с собой моего ассистента Петра Аркадьевича Широкова. — Куприянов показал на своего спутника, который радостно встрепенулся, услышав эти слова. — Возможно это?

— Ваше дело, — ответил Штерн. — Позвоните президенту.

— Я могу воспользоваться вашим телефоном?

— Конечно, но только не этим. — Штерн указал на телефон, стоявший на маленьком столике. — По этому аппарату нам будут сообщать о космическом корабле. Он всегда должен быть свободен.

Переговорив с президентом Академии наук, Куприянов зачислил в состав экспедиции еще двух человек: Широкова и сотрудника обсерватории, молодого астронома Синяева.

Любая серьезная экспедиция всегда требует длительной подготовки, а Куприянову и его спутникам предстояло отправиться в исключительную по своему значению и ответственности поездку в «пожарном порядке». Не удивительно, что многие вопросы так и остались нерешенными.

Наконец в одиннадцатом часу все, что возможно, было согласовано, материалы для работы доставлены, личные дела участников экспедиции закончены.

Один за другим все собрались в кабинете Штерна и расселись по креслам и диванам.

Разговор, естественно, шел о корабле.

— Если он опустится в Америке, то сможем ли мы поехать туда? — спросил Синяев.

— Сможем-то сможем, — ответил Куприянов, — но там мы будем не хозяевами, а гостями.

— Не говоря уже о том, — подхватил Штерн, — что получение виз займет много времени.

— Откуда он мог прилететь? — тихо, ни к кому не обращаясь, спросил Степаненко и сам себе ответил: — С Марса.

— То есть как это с Марса? — вскинулся на него Штерн.
— На Марсе нет разумной жизни!

— Откуда же тогда?

— Корабль прилетел с другой планетной системы.

— Но в таком случае он должен был лететь...

— Не менее четырех с половиной лет, и то, если он летел со скоростью света.

— Однако! — сказал Широков.

Куприянов не слушал. Он сидел в глубоком кресле с закрытыми глазами и думал. Мысль о том, что корабль может опуститься не в Советском Союзе, почему-то вызывала чув-

ство досады и раздражения. «Им, — думал он, — этим существам, прилетевшим на Землю из глубин мирового пространства, совершенно безразлично, где опуститься. Они ничего не знают о Земле и о человечестве. Они опустятся там, где вздумается их начальнику, если таковой у них есть. А может быть, они и не подозревают, что Земля населена разумными существами, и, облетев ее кругом, направятся к Венере или Марсу».

Он выпрямился в кресле, пораженный неожиданной мыслью:

«Облетев ее кругом!.. Ну, конечно, это самое естественное, что должны сделать разумные существа, которые впервые подлетели к неизвестной им планете. Но тогда завтра утром корабль опять появится над Москвой, над которой он впервые так близко подошел к Земле. Зачем ему опускаться в Америке, когда, подлетая к ней, его экипаж видел только половину земного шара? Простое любопытство заставит их облететь вокруг всей Земли».

Он посмотрел на часы. Шел уже двенадцатый час.

— Вот что, товарищи! — сказал он. — Если корабль опустится в Америке, то нам бесполезно сидеть тут и ждать. А у нас он не может опуститься ночью. Это может случиться только утром или днем. Поэтому прошу вас разойтись по своим комнатам и лечь спать.

Требование было так логично, что никто не стал возражать. Участники экспедиции разошлись. В кабинете остались только Куприянов, Лебедев и Штерн.

— Я переночую здесь, — сказал Куприянов. — лягу на диване, поближе к телефону.

— Мы тоже останемся с вами, — ответил Штерн. — Тут места хватит.

Лебедев и Куприянов долго не могли заснуть. Штерн уже спал, а они все еще лежали с открытыми глазами и разговаривали. Куприянов высказал свои предположения, и биолог вполне с ним согласился.

— Случайно, — сказал Куприянов, — они подлетели к Земле с нашей стороны. Облетев ее кругом, они опустятся

именно здесь, в Европейской части Союза. Мне кажется это несомненным. — Он сел на диван. — Вы помните, Семен Павлович, Штерн говорил, что корабль летит очень медленно. Его движение не зависит от движения Земли вокруг своей оси. Он просто тихо опускается, а Земля, вращаясь, проходит под ним.

— И когда Земля сделает полный оборот, корабль опустится, — подхватил Лебедев. — Правильно, Михаил Михайлович! Вы угадали.

— И знаете, что я вам скажу? — На полном лице Куприянова появилась улыбка. — Хотите, я буду пророком? Мы получим известие о корабле в шесть часов утра, когда он появится над Владивостоком.

— Ну что глупости говорить! — послышался голос, и взлохмаченная борода поднялась над диваном. — Обсерватория Петропавловска-на-Камчатке первая увидит корабль, а это будет не в шесть, а в два часа ночи по московскому времени. При чем тут Владивосток, Хабаровск, Биробиджан, Комсомольск?..

— Мы вас разбудили, Семен Борисович?

— Я давно не сплю и слушаю вас! — ворчливым тоном ответил Штерн.

— Вы согласны со мной, Семен Борисович? — спросил Куприянов.

Штерн, не отвечая на вопрос, кряхтя, встал с дивана и подошел к своему столу.

— Кто их знает, какая у них там погода! — проворчал он.

Куприянов и Лебедев переглянулись. Об этом они не подумали. Пасмурная погода могла испортить все. Старый астроном, привыкший всегда думать о погоде, первый вспомнил об этом.

Он позвонил в Институт прогнозов и долго слушал ответ, записывая что-то на бумаге.

— Слава те, природа великая! — сказал он, кладя трубку. — Нам везет. По всей трассе от Петропавловска до Москвы ясное небо.

Он подошел к дивану, на котором лежал Куприянов, и сел в стоявшее рядом кресло. Вынув из кармана гребень, тщательно расчесал волосы и бороду. Потом с довольным видом вытянул короткие ноги и скрестил руки на животе.

— Да! — сказал он. — Жалко, что при вашем разговоре не присутствовал Степаненко Владимир Петрович! То-то бы он посмеялся. Академики!.. Школьную географию забыли! Владивосток настолько южнее, что там и не увидят корабля.

Куприянов засмеялся:

— Вы, я вижу, уже выспались!

— А вы всех разогнали спать, а сами... Эх вы, медик!

— Теперь, после того, что вы сказали, совсем не придется спать, — заметил Лебедев. — Без двадцати минут два.

Дверь тихо открылась, и на пороге с виноватым видом появился профессор Смирнов. За его спиной виднелись усы Манаенко.

— Вы не спите? — спросил он. — Можно?

— Входите, входите! — Куприянов засмеялся. — Где уж тут спать!

— Никак не заснуть, — извиняющимся тоном сказал Смирнов. — Когда я думаю о тех тайнах, которые несет к нам этот корабль... технических тайнах, меня охватывает

чувство восторга и страха. Он летел почти пять лет в пустоте и мраке Вселенной с непостижимой для нас скоростью.

— Пять лет, — сказал Штерн, — это только в том случае, если он прилетел из системы ближайшей к нам звезды. Ближайшей! — повторил он, внушительно поднимая палец.

— Голова кружится, когда подумаешь о тех силах, которые с такой скоростью двигают этот корабль. Шар диаметром тридцать метров. Это значит, когда он приземлится, его верхняя часть окажется на высоте десятиэтажного дома.

— Да! — отозвался Манаенко. — Чтобы построить такой шарик, нужна фантастическая техника.

— Еще двое, — сказал Штерн.

Куприянов оглянулся и увидел, что в кабинете появились еще два члена экспедиции: Синяев и Степаненко.

Почти сейчас же за ними вошел Аверин.

— Если так будет и дальше, — смеясь, сказал Лебедев, — придется сменить начальника экспедиции. Его не хотят слушаться.

— И не будут слушаться, если он сам не выполняет своих распоряжений! — решительным шагом входя в кабинет, сказал Лежнев.

С приходом Широкова вся экспедиция, за исключением Ляо Сена, оказалась в сборе.

— Завидная выдержка, — заметил Лежнев. — Спит как ни в чем не бывало!

— Вы думаете, он спит? — спросил Лебедев.

Он вышел и через полминуты вернулся обратно.

— Заглянул в замочную скважину, — весело сказал он. — Сидит и читает. Я хотел...

Он не договорил и замер с открытым ртом. Почти все вскочили со своих мест.

Заветный телефон на маленьком столике зазвонил.

Куприянов, стараясь быть спокойным, снял трубку. Все с напряженным вниманием следили за выражением его лица.

— Космический корабль, — сказал он, — появился на горизонте Петропавловска-на-Камчатке на высоте около пятисот километров.

На Воронеж!

Никто больше не думал о сне. Нервное состояние, казалось, достигло предела. Обычно хладнокровные и уравновешенные, ученые бестолково метались по кабинету, уходили, возвращались, снова уходили. Начинались короткие разговоры и прерывались на середине. Голоса звучали громче обычного, но, как только звонил телефон, наступало гробовое молчание.

Телефоны трещали почти непрерывно. Звонили из Академии наук, из Совета Министров, из ЦК партии, с аэродрома, из различных институтов и научных учреждений. Казалось, что в эту ночь не спала вся Москва.

Без двадцати минут три поступило сообщение из населенного пункта Сковородино. Там видели корабль над северным горизонтом и определили его высоту в те же пятьсот километров.

Значило ли это, что экипаж корабля прекратил снижение? Или наблюдатели ошиблись? От ответа на этот вопрос зависело многое.

Это сообщение смутило многих. Кое-кто совсем упал духом, решив, что все пропало. Только Куприянов, Штерн и Ляо Сен сохраняли спокойствие. Китайский ученый неподвижно сидел за столом Штерна, и временами казалось, что он спит. Штерн ни разу не встал с своего кресла, сидя все в той же позе: ноги вытянуты, руки скрещены на животе. Куприянов переходил от одного телефона к другому и в промежутках между разговорами успокаивал особенно нетерпеливых. Он был непоколебимо убежден, что корабль опустится.

Позвонив на аэродром, он приказал подготовить самолеты и отправил туда весь багаж.

Раздался очередной звонок, и Чита сообщила, что космический корабль находится прямо над городом на высоте четырехсот километров.

— Корабль хорошо виден, — сообщили оттуда. — Он ярко блестит в лучах солнца, подобно звезде. Весь город на улицах.

Значит, корабль все-таки опускается!

— Они летят не совсем прямо, — сказал Степаненко, — но примерно следуют по пятьдесят второй параллели.

— Откуда можно ждать следующее сообщение? — спросил Широков.

— Из Иркутска, — ответил географ.

На горизонте медленно разгоралась утренняя заря...

Наступал день, один из самых замечательных дней в истории Земли.

Там, за линией горизонта, окрашенного в пурпурные цвета рассвета, солнце изливало свои животворные лучи на просторы Сибири, и в этих лучах высоко в верхних слоях атмосферы летел корабль.

Рожденный где-то в безднах Вселенной, задуманный и построенный неведомыми существами, он неопровержимо доказывал, что всепобеждающий разум существует не только на Земле.

Творение чуждого Земле разума летело над планетой, и глаза пока еще загадочных и неведомых существ смотрели из него на Землю.

Что представляют собой эти существа? Похожи ли они на людей? Удастся ли найти с ними общий язык?..

Но кем бы они ни были, на кого бы ни были они похожи, между ними и человечеством, населяющим Землю, уже возникла и незримо крепла связь! Связь разума, объединяющая живые существа всей Вселенной!..

Позвонили из Иркутска. Полученное известие взволновало всех еще больше: корабль был уже на высоте двухсот километров.

— Они увеличили скорость снижения! Корабль опускается! Они приземлятся в Сибири! — раздались нетерпеливые голоса.

— Может быть, ошибка? — невозмутимо сказал Штерн.

Никто не успел ответить на это замечание, как поступило следующее сообщение. Абакан телефонировал, что космический корабль показался на его горизонте и быстро летит на запад на высоте ста пятидесяти километров.

Сомнений больше не было: гости из глубин Вселенной решительно опускались.

— На аэродром! — коротко распорядился Куприянов.

— Я останусь здесь, — сказал президент Академии наук. — Буду принимать сообщения и немедленно передавать вам. Необходимо хотя бы приблизительно определить, где они приземлятся.

Автомобили всю ночь стояли у подъезда. Четыре машины, выехав из ворот обсерватории, полным ходом помчались к аэродрому.

Начальник аэропорта провел Куприянова и Степаненко в свой кабинет. Ожидание было непродолжительным. Президент передал телефонограмму из Акмолинска, сообщавшую, что корабль на высоте всего сорока пяти километров пролетел прямо на запад.

— Вылетайте немедленно! Счастливого пути! Куприянов положил трубку.

— Ну, Владимир Петрович, решайте!

Географ думал недолго.

— Корабль летит вдоль пятьдесят второй параллели, — сказал он. — Судя по скорости снижения и быстроте полета, он должен опуститься по эту сторону Уральского хребта. Возможно, где-нибудь между Саратовом и Курском. Надо лететь по направлению к Воронежу.

— Так и сделаем, — сказал Куприянов.

Было уже совсем светло. Как только они вышли на бетонное поле, возле самолетов произошло движение. Летчики поспешно занимали свои места.

Равномерный рокот моторов сразу усилился, перейдя в оглушительный шум. Двухмоторные серебристые птицы нетерпеливо дрожали, удерживаемые тормозами на месте.

— Флагманский самолет второй слева! — крикнул начальник аэропорта, наклонившись к самому уху Куприянова.

— До свидания! — сказал профессор, протягивая руку.

— Счастливого пути! Желаю успеха! Куприянов и Степаненко поднялись на борт. В самолете были Штерн и Ляо Сен.

Громче взревели моторы, и флагманский самолет, чуть-чуть покачнувшись, двинулся вперед.

За ним тронулись с места и три остальных.

После короткого разбега машины поднялись в воздух и, не делая прощального круга над аэродромом, легли на курс.

«Он не голубой, а совсем белый!»

Предположение Степаненко, что космический корабль опустится между Саратовом и Курском, по-видимому, было правильным

Миновав Акмолинск и быстро снижаясь, он перелетел Уральский хребет и в шесть часов тридцать минут утра появился над Чкаловом на высоте двух километров.

Ожидавшие его самолеты Чкаловского аэроклуба поднялись в воздух. Приветствуя гостей, они полетели с ним рядом с обеих сторон.

Предполагая, что космический корабль может двигаться по принципу реактивного движения (хотя позади него не видно было ни малейшего следа), летчикам рекомендовали не приближаться к его задней части, чтобы не попасть в мощную струю, которую должен был оставлять за собой этот гигантский шар.

По неизвестной причине (это навсегда осталось тайной) один самолет нарушил это указание и вошел в «кильватер» гостю.

Тысячи зрителей, наблюдавшие полет корабля, видели, как самолет, словно отброшенный вихрем, с огромной скоростью помчался хвостом вперед в обратном направлении, несколько раз перевернулся и со сломанными крыльями рухнул на землю.

Заметил ли экипаж корабля катастрофу или ему не понравилось приближение машин, но шар резко увеличил скорость и в несколько секунд оставил все самолеты далеко позади себя.

Точно так же он уклонился от почетного конвоя в Саратове, а затем и в Воронеже.

К обоим этим городам он подлетал на небольшой скорости, но, как только в воздухе появлялись самолеты, корабль увеличивал скорость, упорно оставляя их позади и не подпуская к себе на близкое расстояние.

Боялся ли он неизвестных крылатых машин? Опасался ли с их стороны враждебных действий?

Эскадрилья с экспедицией Академии наук находилась в воздухе уже полтора часа. Радист непрерывно принимал и передавал Куприянову радиogramмы.

Когда стало известно, что космический корабль на высоте шестисот метров пролетел мимо Воронежа, направляясь дальше на запад, эскадрилья повернула по направлению на Орел — Гомель.

Куприянов, Штерн, Ляо Сен и Степаненко внимательно перечитывали получаемые радиogramмы, стараясь по неполным и отрывочным описаниям составить представление о внешнем виде космического корабля. Описания передавались со слов летчиков, которые видели его на близком расстоянии, и каждый по-своему рассказывал о нем.

Было несомненно, что корабль представляет собой геометрически правильный шар голубоватого цвета. В некоторых радиogramмах его называли белым, в дру-

гих — голубым, в третьих — «белым, как снег, при лунном свете». Летчики сходились на том, что корабль металлический, но определить, что это за металл, никто не смог. Сходились на том, что шар не окрашен. Поверхность шара покрыта небольшими черными пятнами; с одной стороны их насчитали сорок, с другой — сорок два.

Но поразительней всего было полное отсутствие окон. Все наблюдатели в один голос отмечали эту подробность.

— Но должны же они видеть окружающее! — сказал Ляо Сен. — Может быть, эти черные пятна?..

— Сомнительно, — ответил Штерн. — Трудно представить себе, зачем могло понадобиться такое большое число маленьких окон. Нельзя забывать, что полеты внутри планетных систем таят опасность встречи с бесчисленными метеоритами, бороздящими межпланетные пространства во всех направлениях. Чем меньше отверстий будет иметь космический корабль, тем лучше. Черные пятна — что-то другое,

— Бесполезно гадать, — сказал Куприянов. — Корабль построен не на Земле, и нам все равно не понять его конструкции, пока мы не познакомимся с ним вблизи.

— Может быть, стенки корабля прозрачны? — заметил Степаненко.

— Ну, это уж совсем невероятно, — сказал Штерн. — Корабль же металлический!

— Это могло бы быть только в том случае, — ответил географу Куприянов, — если органы зрения этих существ воспринимают невидимую для нас часть спектра.

— Мне кажется, мы имеем тут дело с техникой телевидения, — сказал Ляо Сен.

Радист вошел в кабину и подал Куприянову очередную радиограмму. Она была из Москвы.

Президент Академии наук сообщал, что правительство СССР договорилось с Польшей и Германской Демократической Республикой. Если космический корабль опустится на их территории, экспедиция свободно может отправляться туда.

— Очевидно, они прекратили снижение, — сказал Куприянов, прочитав радиogramму.

— Печально будет, если корабль улетит еще дальше.

Но прошло минут десять, и настроение пассажиров флагманского самолета снова поднялось. Радист принял следующую радиogramму. Из Тима сообщали, что корабль только что пролетел над городом по направлению на Щигры.

— Выходит, — сказал Степаненко, — что они круто изменили направление, уклонившись от пятьдесят второй параллели на юг, а потом опять повернули к северу.

— Для нас это хороший признак, — заметил Ляо Сен. — Раз корабль меняет направление полета, это может означать только одно: они выбирают место для посадки.

— Курская область должна показаться им удобной. Там местность равнинная. А лесистость — всего около восьми процентов.

Куприянов попросил штурмана повернуть больше к югу. Эскадрилья изменила курс.

Вскоре поступило еще более интересное сообщение. Курск радиовал, что корабль вот уже минут десять медленно кружится над районным центром Золотухино, находящимся в сорока километрах на север. Вокруг Золотухина поднялась настоящая буря. Ураганный ветер, идущий от корабля прямо вниз, поднял тучи земли и пыли, которые закрыли весь горизонт, так что город находится в полумраке. Жители попрятались, и жизнь замерла. Ветер валит телеграфные столбы, срывает крыши с окраинных домов. С Курского аэродрома вылетели самолеты, так как телефонная связь с Золотухином внезапно прервалась.

— Все столбы повалили! — сказал Штерн. — Веселенькая история!

Становилось очевидным, что дело идет к концу. Космический корабль решил опуститься. Но зачем он кружится над этим небольшим городком? Неужели его экипаж не понимает или не желает обратить внимание на то, что под ними населенный пункт и что их маневр наносит вред этому

населенному пункту? С высоты двухсот метров они не могут не видеть домов и улиц.

— Чуждая психология, чуждый разум! — проворчал Штерн, яростно расправляя бороду обеими руками.

— Вокруг города пшеничные, картофельные и конопляные поля, — сказал Степаненко.

Никто не отозвался на его замечание. Взволнованные ученые не отрывались от окон.

С высоты, на которой они находились, местность очень медленно, как им казалось, уходила назад. Самолеты пролетали мимо Орла, окраины которого смутно виднелись на горизонте. До Золотухина оставалось около ста километров.

С борта самолета, вылетевшего из Курска, передали через Москву длинную радиogramму, в которой сообщалось, что космический корабль опустился на землю в десяти километрах к югу от Золотухина и в пяти километрах от линии железной дороги Орел — Курск. Он сел на конопляное поле и при этом поднял громадную тучу земли и пыли.

Летчик сообщал дополнительно, что рядом с полотном железной дороги, с западной стороны, имеется хорошее, ровное поле, пригодное для посадки, и что он и три других самолета сейчас опустятся там и встретят эскадрилью.

— Молодец! — сказал штурман. — Видно, опытный летчик. Золотухино! — сообщил он, заглянув в окно.

Все бросились к левым окнам. Самолеты начали снижаться, и небольшой город был виден как на ладони. Левее города медленно оседала на землю громадная черная туча.

Четверо ученых напряженно вглядывались, стараясь найти корабль. Когда самолеты немного повернули в сторону, направляясь к месту посадки, они увидели его. Небольшой, как им в первую минуту, показалось, белый шар резко выделялся на зеленом поле.

— Он не голубой, а совсем белый! — сказал Куприянов.

— По-моему, чуть-чуть голубоватый, — ответил Штерн.

Машины разворачивались. Внизу были видны четыре самолета, стоявшие по углам обширного четырехугольника. В центре этого поля четко выделялось посадочное «Т».

— Быстро они управились, — сказал штурман. — Все как полагается.

Флагманский самолет первым пошел на посадку. Едва не коснувшись посадочного знака, он мягко пробежал по полю и отрулил в сторону, давая место следующему. Один за другим сели остальные.

Открылись двери, и на землю начали выскакивать члены экспедиции. Как по команде, все побежали к полотну железной дороги. Пожилые ученые и убеленные сединами академики, как дети, бежали по полю. Вместе с ними туда же устремились и экипажи самолетов.

Высокая насыпь закрывала горизонт, и корабля не было видно. Только добежав до насыпи, Куприянов вспомнил, что корабль опустился километрах в пяти от железной дороги. И действительно, когда задыхающиеся люди взобрались на полотно, они были разочарованы. Белый шар был еле виден почти на самом горизонте.

«Никто не будет пропущен!»

Больше получаса участники экспедиции, корреспонденты и экипажи самолетов простояли на насыпи, молча всматриваясь в белый шар, заключавший в себе великую тайну, принесенную на Землю силой разума неведомого мира.

Молодые ученые Широков, Синяев и некоторые из корреспондентов выразили желание немедленно идти к кораблю. К ним присоединился и кое-кто из экипажей самолетов, но Куприянов категорически запретил подобную экскурсию.

— Все в свое время, — сказал он.

Было только восемь часов утра, но солнце стояло уже высоко, и было жарко. Члены экспедиции расселись прямо на траве.

— Прибытие этого корабля, — сказал Куприянов, — уже стоило жизни одному человеку и нанесло большой вред городу и населению Золотухина. Мы не знаем, каковы наши гости и как они будут относиться к нам. Я верю, что существа, сумевшие построить такой корабль и осуществить межпланетный полет...

— Межзвездный, — поправил Штерн.

— ...межзвездный полет, должны стоять на высокой ступени развития. Возможно, что все несчастья произошли случайно и наши гости в них, не виноваты, но все же соблюдать элементарную осторожность мне кажется необходимым. Самолеты, — обратился он к летчикам, — пока останутся, здесь. Не как руководитель экспедиции, а как врач я настоятельно рекомендую всем немного соснуть после бессонной ночи. Это будет самое лучшее.

Никаких возражений не последовало. Большинство ученых забралось обратно в самолеты. Некоторые улеглись в тени крыльев, прямо на земле.

Куприянов тоже устал, но считал себя не вправе последовать примеру товарищей. Он в полной мере чувствовал ту ответственность, которая так тяжело ложится на руководи-

телей. Он знал, что все равно не заснет, пока не убедится, что сделано все, чтобы участники экспедиции могли спокойно и по возможности удобно устроиться на новом месте. Он решил слетать к кораблю и посмотреть, что происходит около него. Военные самолеты, встретившие экспедицию, еще не улетели, и Куприянов обратился к летчикам со своей просьбой.

— Пожалуйста, товарищ профессор, — ответил ему молодой краснощекий летчик с погонами старшего лейтенанта. — Мой самолет двухместный. На какой высоте прикажете вести машину?

— Мне бы хотелось облететь шар кругом, — ответил Куприянов. — Если это можно. И поближе.

Куприянову никогда не приходилось летать на военных самолетах, а на современных, скоростных, тем более. Он не успел сообразить, что произошло, как увидел, что белый шар, быстро увеличиваясь в размерах, вплотную приблизился к самолету, на мгновение куда-то исчез и вдруг оказался над головой. Земля очутилась не внизу, где ей полагалось находиться, а сбоку. Все смешалось в какой-то бешеной карусели. Самолет, описав вокруг шара один круг, пошел на второй, опустившись почти до земли. Не в силах что-либо рассмотреть в этом сплошном круговороте, когда невозможно было понять, где небо, где земля и где шар, Куприянов закрыл глаза и, махнув на все рукой, ждал конца этого сумасшедшего полета. Почувствовав, что самолет летит горизонтально, он открыл глаза и увидел, что они уже опускаются. Он был ошеломлен и раздосадован на неуместную шутку, которую (как он думал) сыграли с ним. Но пока самолет отруливал к месту стоянки, он сообразил, что не летчик, а он сам был виноват во всем, когда попросился на военный самолет, не подумав о его скорости. Он понял и оценил замечательное искусство пилотирования, которое продемонстрировал ему этот молодой парень, буквально выполнивший его легкомысленную просьбу — облететь шар «поближе». Чувство досады сменилось восхищением перед мастерством летчика.

— Спасибо! — сказал он, когда мотор был выключен, и наступила тишина. — Правда, я ничего не видел, но зато я знаю теперь, что такое военный самолет.

— Это истребитель, товарищ профессор, — извиняющимся тоном сказал старший лейтенант. Он чувствовал себя виноватым, что не предупредил профессора перед стартом. — Он не может лететь медленнее. Я не подумал, что вы не привыкли ориентироваться в воздухе. Я прошу вас не сердиться на меня.

— Нисколько не сержусь, — сказал Куприянов. — Мне только досадно, что я не видел то, что хотел увидеть.

— Шар лежит неподвижно, — сказал летчик, — и около него никого нет. Эта махина не имеет ни одной двери и ни одного окна. Я его очень внимательно рассмотрел. Сплошной металлический шар. Но в километре от него я видел большую толпу, которая, по-видимому, направляется из Золотухина.

— И вы успели все это увидеть? — спросил Куприянов.

Он вылез из машины и тут только заметил, что рядом с летчиками на траве сидит академик Штерн.

— Ну, как прошла разведка? — спросил старик и, не выдержав, громко расхохотался. — Много видели?

Куприянов улыбнулся и, заметив, как старший лейтенант подмигнул ему, серьезно ответил:

— Достаточно. Возле шара нет никого. Экипаж еще не показывался. Меня беспокоит другое. К кораблю подходят жители Золотухина. Их нельзя туда допускать.

— Вот как! — удивился Штерн. — Вы, оказывается, опытный летчик.

Куприянов посмотрел на своего пилота, и оба рассмеялись.

— Что нам делать с этими людьми?

— Остановить.

— Разрешите выполнить? — сказал старший лейтенант.

— Ах, голубчик, пожалуйста! — обрадованно сказал Куприянов. — Но как вы это сделаете?

— Посажу машину на дорогу и остановлю их. Мы слетаем вдвоем, — прибавил он.

Через несколько секунд два самолета поднялись в воздух и исчезли за высокой насыпью железной дороги.

— Поезд идет, — сказал Штерн.

Куприянов увидел длинный товарный состав. Поравнявшись с аэродромом, поезд остановился, и из вагонов высыпали солдаты. В одну минуту состав опустел, и возле насыпи выстроилась воинская часть. Два человека отделились от нее и направились к самолетам. Шедший впереди пожилой подполковник, увидев кучку людей, среди которых бросалась в глаза огромная борода Штерна, повернул к ним.

— Вы начальник экспедиции? — обратился он к Штерну.

— Нет, я, — сказал Куприянов.

Подполковник четко взял под козырек. Стоявший на полшага позади него капитан сделал то же.

Куприянов, не зная, как отвечать на такое официальное приветствие, тоже поднял руку и приложил ее к своей мягкой шляпе.

За его спиной послышался смех летчиков. Эти молодые, здоровые ребята смеялись по всякому поводу.

— По приказу министра обороны, — сказал подполковник, — стрелковая часть прибыла в ваше распоряжение, товарищ начальник экспедиции. Командир части подполковник Черепанов!

— Это очень, очень хорошо! — сказал Куприянов. — Вы нам дозарезу нужны. Необходимо организовать охрану шара. Сделать так, чтобы к нему никто не мог подойти. Окружить его кольцом.

— Понимаю!

— Но будьте и сами осторожны. Не ставьте людей близко к кораблю. Метров за двести, я думаю, и лучше, чтобы люди не стояли, а сидели или лежали.

— Вы ожидаете от этого корабля враждебных действий?

— Нет, но на всякий случай...

— Ясно! — сказал подполковник. — Товарищ капитан, ведите бойцов! — повернулся он к своему спутнику.

— Слушаюсь!

Капитан повернулся и пошел обратно к насыпи, и паровоз дал свисток, и поезд тронулся. Подразделения одно за другим длинной лентой стали переходить полотно железной дороги. Куприянов заметил, что кинооператор тоже пошел с солдатами.

— Только бы он не сунулся к кораблю, — сказал он озабоченно... — Без вашего разрешения, — сказал подполковник, — никто не будет пропущен через цепь.

Недалеко от импровизированного аэродрома проходило шоссе, и на нем вскоре показалась длинная автоколонна. Впереди шло несколько легковых автомобилей. Поравнявшись с аэродромом, машины остановились. Несколько человек подошло к самолетам.

— Кто из вас профессор Куприянов? — спросил высокий плотный мужчина в легком сером костюме.

— Я.

— Здравствуйте, профессор! Я секретарь Курского обкома партии, Козловский Николай Николаевич. Мы привезли вам все, что нужно для устройства лагеря. Где будем его ставить, здесь?

— Нет, лагерь должен быть ближе к кораблю.

— В таком случае поехали. Отправляйте самолеты обратно в Москву. Ваши машины, товарищ подполковник, пришли с нами. Вон они, в конце колонны. Сколько человек в экспедиции, товарищ Куприянов?

— Одиннадцать, и пятеро корреспондентов.

Автоколонна медленно подвигалась по узкой и извилистой проселочной дороге между двумя высокими стенами созревающей пшеницы.

Внезапно вслед за крутым поворотом дороги желтые стены раздвинулись и словно разбежались в обе стороны, открыв взору широкий простор равнины. Прямо впереди, весь на виду, стоял космический корабль. Исполинский белый шар с едва заметной голубизной, ярко освещенный

солнцем, четко вырисовывался на фоне неба. Непонятным и загадочным выглядел он среди этой обычной русской равнины.

Шофер остановил машину.

— М-м-да! — сказал Козловский после нескольких минут молчания. — Такое только во сне может присниться.

Одна за другой выходили машины из моря пшеницы, и каждая, словно в изумлении, останавливалась на несколько секунд.

Люди молча смотрели на шар, потом переводили глаза на засеянные поля, будто хотели убедиться, что родная природа по-прежнему окружает их. Белый шар был реальной действительностью, но каждый невольно задавал себе вопрос: не во сне ли он видит эту картину?

В передней машине первым нарушил молчание Ляо Сен.

— Вы обратили внимание, — сказал он, — что корабль спустился в таком месте, где до самого горизонта не видно ни одного населенного пункта?

— Да, место выбрано далеко не случайно, — сказал Куприянов.

Колонна все так же медленно, словно крадучись, приближалась к шару. Уже отчетливо были видны те черные пятна, о которых говорили радиogramмы. Они были расположены по поверхности шара не как попало, а в строгом порядке. Слово «пятно» не подходило к их внешнему виду, Они были правильной круглой формы и совершенно черные, что резко подчеркивалось белым корпусом корабля. Каждое «пятно», насколько можно было судить на расстоянии, имело около метра в диаметре.

Когда колонна приблизилась на пятьсот метров, стало видно, что чудовищный шар на одну десятую часть корпуса погрузился в землю. Было ли это следствием его тяжести или выходящий из него с огромной силой поток неизвестного газа (тот ураганный ветер, который произвел опустошения в Золотухине), удерживая корабль от падения, вырыл под ним этот котлован, сказать было нельзя. Может быть, действовали обе причины.

— Остановимся вот здесь, — сказал Куприянов. — Место вполне подходящее.

В течение нескольких часов на поле вырос целый полотняный город. Просторные палатки экспедиции стояли ближе к шару, а за ними ровными рядами выстроились палатки военного лагеря. На берегу ручья задымили походные кухни воинской части, и заканчивалось оборудование кухни экспедиции.

Привычные к лагерной жизни офицеры быстро навели порядок. У традиционных «грибов» встали часовые. Всюду мелькала озабоченная фигура дежурного с красной повязкой на рукаве.

Пока строился лагерь, Куприянов решил посмотреть шар поближе. С ним пошли Лебедев, Ляо Сен, Аверин, Смирнов, Манаенко и два корреспондента.

По мере того, как они подходили все ближе и ближе, корабль словно вырастал, закрывая собой небо. На его гладкой, точно отполированной поверхности не заметно было ни одного шва. Словно на чудовищной величины токарном станке из одного куска белого металла выточили исполинское ядро, и бросили его на Землю.

Черные пятна вблизи оказались круглыми отверстиями, закрытыми толстой решеткой. За ее прутьями была тьма. Кроме этих отверстий, не видно было никаких других: ни окон, ни дверей.

Куприянов и его спутники остановились в двадцати метрах от шара и молча смотрели на него. Кругом стояла полная тишина. Сколько они ни прислушивались, ни единого звука не слышно было из-за металлических стенок. Эти стенки, безусловно, были металлические, но такого металла на Земле не существовало.

— Сплав, — тихо сказал Смирнов.

— Что? — переспросил Куприянов.

— Я говорю, что это какой-то сплав.

— Возможно.

И опять все замолчали.

Громадный шар был неподвижен и казался безжизненным. Но не мог же он прилететь на Землю один, без живых существ. Кто-то находился в нем! Что они делают сейчас и что намерены предпринять дальше? Может быть, существа, находящиеся внутри, и не собираются выходить из своего корабля и он вдруг поднимется и улетит с Земли, продолжая свой путь по дорогам Вселенной?

Экипаж корабля, конечно, как-то видит, что его окружает. Все его поведение при спуске на Землю доказывало это.

Может быть, и сейчас чьи-то глаза (или что бы это ни было) внимательно наблюдают за людьми, подошедшими к шару?

При этой мысли Куприянов почувствовал себя неудобно. Он ясно представил себе, что произойдет, если кораблю вздумается именно сейчас подняться. Экипаж корабля, безусловно, видит, что около него собралось много людей. Если это не нравится обитателям корабля и они решат перелететь на другое место, то обратят ли они внимание на то, что рядом с кораблем стоят восемь человек? Может быть, подобная мысль и не придет им в голову («Если у них есть голова», — подумал Куприянов) и они просто поднимут шар в воздух, не заботясь о том, что будет с хозяевами этого места. Исполинский корабль весит, вероятно, сотни тонн, и, чтобы поднять его, нужна чудовищная сила. Люди, неосторожно подошедшие к кораблю, будут сметены этой силой.

Профессору захотелось немедленно уйти отсюда, даже убежать со всех ног, но вместо этого он спокойно сказал:

— Надо обойти шар кругом.

— От же бисова дитына! — вдруг сказал Манаенко. — Страшно!

Он рассмеялся и пошел вперед. Остальные двинулись за ним. Они не прошли и тридцати шагов, как профессор Смирнов вдруг приглушенно вскрикнул и остановился.

— Смотрите! — прошептал он.

Но все уже увидели... Замерев на месте, люди не спускали глаз с того, что происходило перед ними...

На высоте шести — семи метров от земли часть поверхности шара сдвинулась с места и сначала медленно отошла внутрь, а затем скользнула в сторону. Образовалось темное круглое отверстие не более тридцати сантиметров в диаметре.

— Щоб я вмер... — прошептал Манаенко. Несколько секунд отверстие в оболочке шара зияло чернотой. Потом в нем что-то показалось. Медленно выдвинулся длинный тонкий стержень. На его конце был какой-то предмет, похожий формой на цилиндр. Послышалось металлическое пощелки-

вание. Потом что-то громко стукнуло, и стержень с цилиндром так же медленно стал уходить обратно. Опять появилась круглая крышка и закрыла отверстие.

Все приняло прежний вид, но люди все так же стояли и молча смотрели на гладкую оболочку шара. Они не знали, что произошло, не знали, что представляет собой виденный ими цилиндр, но самый факт несомненно разумного действия, первое проявление жизни внутри корабля глубоко потрясли их..

Только через несколько минут они почувствовали себя в силах продолжить обход шара. Корреспондент с киноаппаратом вдруг начал ругаться и ударил самого себя кулаком по лбу.

— Шляпа! — бормотал он.

— В чем дело? — спросил Куприянов.

— Зазевался, как болван, и не заснял этого... ну, как его?..

— Это — дело поправимое, — утешил его Куприянов.

Хотя то, что он сказал, было бессмысленно, но корреспондента почему-то успокоили его слова.

Обойдя шар кругом, они вернулись на то место, откуда видели появление цилиндра, и около получаса стояли там в ожидании, не повторится ли тоже явление. Но ничего больше не случилось.

— Пошли! — сказал, наконец, Куприянов.

Его неотвязно мучил нерешенный (и пока явно неразрешимый) вопрос о том, было ли появление цилиндра каким-нибудь сигналом, адресованным к ним, или нет. Случайно ли он появился именно тогда, когда они проходили мимо? Или экипаж корабля намеренно сделал это, желая показать, что внутри находятся разумные существа? Если это был сигнал, то что он означает?..

Погруженный в эти мысли, он не слушал, что говорили между собой его спутники, как вдруг слова профессора Аверина дошли до его сознания.

— ...взятие пробы воздуха, конечно, обязательно для них, — говорил химик. — Они не могут выйти из шара, не

зная состава нашей атмосферы. Куприянов даже остановился.

— Ну, хорошо! — сказал он. — Я согласен с вами, что это было взятие пробы воздуха. Но почему они сделали это именно тогда, когда мы были рядом?

Аверин удивленно посмотрел на него.

— Мне не пришло в голову, — сказал он, — что этот цилиндр и был как раз аппаратом для взятия пробы. Я говорил вообще. Пожалуй, вы правы, Михаил Михайлович.

— Они видели, что мы рядом, и сделали это. Почему?

— Может быть, сигнал...

— Вот именно, — сказал Куприянов. — Может быть, они хотели подать нам сигнал.

— Если так, — сказал Смирнов, — то у них должно было остаться плохое мнение о нас. Мы стояли, разиня рот...

Манаенко засмеялся.

Куприянов недовольно посмотрел на него. Привычка этого человека смеяться, когда не следовало, раздражала его. Он ничего не ответил Смирнову и быстрым шагом пошел к лагерю.

Широков встретил их у первой палатки.

— Ну что? — спросил он. — Как?

Куприянов махнул рукой и нахмурился. Широков хорошо знал все оттенки выражения его лица и сразу понял, что профессор чем-то очень недоволен и что сейчас лучше ни о чем его не спрашивать.

— Обед готов, товарищи! — Широков хозяйским жестом показал на большую палатку, стоявшую поодаль. — Прошу вас!

— Где Штерн? — спросил Куприянов.

— В вашей палатке. Но я посоветовал бы вам пообедать, Михаил Михайлович.

По многолетнему опыту совместной работы с Куприяновым он знал, что когда профессор бывает в таком состоянии, как сейчас, то самое лучшее делать вид, что не замечаешь этого. Нужно только не затрагивать тех вопросов, которые испортили ему настроение, и тогда это быстро пройдет.

— Прошу вас, — повторил он еще раз. Куприянов молча повернул к своей палатке.

По дороге в столовую Широков подробно расспросил Ляо Сена обо всем, что они видели у шара. Китайский ученый спокойно и обстоятельно удовлетворил его любопытство. Он говорил ровным голосом на чистом, даже чересчур чистом русском языке. (Этот выдающийся лингвист свободно владел восемнадцатью языками.) Но из его рассказа Широков так и не понял, почему начальник экспедиции вернулся в таком дурном настроении.

Между тем профессор вошел в палатку и свободно вздохнул, когда увидел, что, кроме Штерна, там никого не было.

Просторная палатка казалась очень уютной. Посередине стоял хороший стол и мягкие стулья. Возле четырех кроватей были тумбочки. Над столом висела электрическая лампа под абажуром. (Подходя к палатке, Куприянов видел, как связисты тянули провода.)

Штерн сидел у стола и, увидев Куприянова, поднял голову от книги.

— Ну что?

Куприянов, волнуясь, рассказал, что они видели и о своих мыслях на обратном пути. Штерн внимательно слушал,

— Вы хорошо слышали это пощелкивание? — спросил он. — Может быть, это был голос живого существа?

— Нет. На голос этот звук был совсем не похож. Если бы вы были с нами...

— Но я не был с вами! — перебил Штерн. — Так вы думаете, что это был сигнал? А может быть, просто взятие пробы воздуха?

— Но почему они сделали это именно при нас? Ведь они наверняка нас видели!

— Да, — сказал Штерн. — Это серьезный довод. Ну, что ж, когда они выйдут из корабля, мы это узнаем.

— Так вы не думаете, что они улетят, не выходя к нам? Ведь мы никак не реагировали на их сигнал! Ни одним движением! Стояли и смотрели... как баран на ворота.

— Я думаю одно, — сказал Штерн. — Существа, построившие подобный корабль, в умственном отношении не ниже нас с вами. А если так, то они должны были понять ваше состояние. Они опустились и выйдут. Они вас, несомненно, видели и доказали вам это. С их точки зрения появление цилиндра — вполне достаточное доказательство.

— Если бы так! — сказал Куприянов.

— А может быть, это был фотоаппарат? — спросил Штерн. — Может быть, они вас просто сфотографировали?

— Это тоже возможно.

— Идите обедать! — сказал Штерн. — И не волнуйтесь. Они выйдут из корабля.

Он сказал это так уверенно, что Куприянов поверил.

Секретарь Курского обкома партии Козловский уехал из лагеря поздно вечером. Ушли и машины, доставившие палатки и все остальное оборудование. Военные автомобили и две легковые машины остались в лагере. Их разместили позади линии палаток.

Сумерки быстро переходили в ночь. Звезды покрыли все небо. Запахи конопли, пшеницы и свежего сена, накошенного солдатами, смешивались с чуть слышным ароматом каких-то цветов. Было очень тепло.

К Куприянову подошел подполковник Черепанов.

— Что делать, товарищ профессор? — спросил он. — Наступает темнота. Часовые не смогут наблюдать за кораблем. Разрешите зажечь прожекторы.

— Прожекторы?.. — удивился Куприянов.

— У нас двенадцать автомашин с прожекторными установками, — ответил Черепанов. — Я поставил их вокруг корабля.

Куприянов задумался.

Боязнь, что шар улетит, если его экипажу надоест такое непрерывное наблюдение за ними, подсказывала решение отказаться от прожекторов, но он вспомнил все, что говорил ему Штерн. Если эти существа действительно имеют намерение выйти из своего корабля, то они поймут, зачем их освещают, а если они намерены вообще не выходить, то улетят и без света. Кроме того, наблюдать за шаром было необходимо.

— Хорошо, — сказал он. — Зажигайте!

— Пойдемте, посмотрим, — предложил Лебедев, — Это, наверное, интересное зрелище.

Члены экспедиции собрались возле крайней палатки, от которой днем хорошо был виден космический гость.

Стемнело так, что шар был едва различим. Его огромный темный силуэт смутно угадывался на юго-востоке.

Подполковник поднял руку, в которой была ракетница...

И вдруг вспыхнул свет.

Это не был свет прожекторов. Они должны были загореться только по сигналу.

Свет шел от корабля.

Яркий луч появился сначала в стороне от лагеря, потом быстро пробежал по полю, и палатки словно вспыхнули, освещенные сильным белым светом.

Луч медленно передвигался по лагерю, будто ощупывая его. Было ясно, что за ним неотступно следуют глаза тех, кто направлял его.

Что он означал? Что хотели сказать обитателям Земли пришельцы из глубин Вселенной этим лучом света?.. Или они зажгли его только для того, чтобы увидеть лагерь?.. Но они его хорошо могли рассмотреть днем. Свет был зажжен с какой-то другой целью, но с какой?..

Луч медленно приближался к стоявшей неподвижно группе людей.

Никто не пытался уйти с этого места, которое, как они хорошо понимали, через несколько секунд будет ярко освещено. С глубоким волнением они следили за приближением луча...

Вот он уже совсем рядом!

И вдруг луч подскочил вверх, пронесся над головами и погас.

Прошло несколько секунд, и он появился снова, погас, опять появился и снова погас.

Два раза!

Это было явно не случайно. Экипаж корабля адресовал эти две вспышки света людям.

Зачем? Что, что они хотели этим сказать?..

— Скорее! — сдавленным голосом сказал Штерн. — Где ближайший прожектор?

— Тут, рядом, — ответил подполковник.

Штерн и понявший его намерение Куприянов побежали за Черепановым. Следом бросились остальные.

— Зажгите прожектор и осветите корабль, — сказал Штерн. — Только одним этим прожектором. Ощупайте лучом весь шар и погасите. А затем два раза подряд зажгите на две, три секунды.

Космический корабль был слишком близко расположен и слишком велик, чтобы прожектор мог осветить его целиком. Белый круг света лег на поверхность шара и медленно обошел ее.

Ученые, стоявшие у автомашины, с пристальным вниманием следили за лучом.

Все одновременно заметили, как на поверхности шара блеснуло стекло, но луч только скользнул по нему на какую-то долю секунды.

Подполковник Черепанов поднял руку, но Штерн удержал его. — Не надо! — сказал он. Было ли это окно или стекло их прожектора?..

Свет погас, и все погрузилось в темноту. Потом он снова вспыхнул на секунду... И еще раз. Два раза!

Все молча ждали. Ответит ли экипаж корабля?.. Понял ли он?

Мгновения показались им очень длинными... Все в один голос вскрикнули, когда то, чего они так желали, на что так надеялись, свершилось.

Космический корабль ответил! С короткими промежутками замигал ответный луч. Четыре раза!

Два плюс два — четыре! Два, помноженное на два, — четыре! Два, возведенное во вторую степень, — четыре!

Единственное и несравнимое ни с каким другим числом тождество результата. Трудно было ответить яснее.

Свет погас, и снова наступила темнота. Люди ждали. Космический корабль ответил Земле. Теперь он сам должен был задать вопрос.

— Зажгите три раза, — сказал Штерн.

Его приказание было исполнено, и через несколько секунд пришел ответ.

— Четыре!

В этом ответе был и вопрос. Все хорошо это понимали. Гости из глубин Вселенной ждали ответа!

— Я думал, что они ответят пятью, — сказал Штерн.

— Тогда бы мы ответили — семь и одиннадцать, — отозвался Степаненко. — Ряд простых чисел. Чего же они хотят теперь?

— Пять, — сказал Штерн. — Соотношение сторон прямоугольного треугольника.

— Отвечайте! — сказал Куприянов Черепанову. Пять раз зажегся и погас прожектор.

И снова мрак окутал Землю и космический корабль, прилетевший с другой Земли.

Свершилось!

Разум неведомой планеты и разум Земли обменялись первыми словами.

Эти слова были сказаны на том единственном языке, который должен быть понятен любому высокоразумному существу, в какой бы точке безграничной Вселенной он ни жил.

На языке математики!

Долго, очень долго стояли участники экспедиции у потухшего прожектора. Но луч корабля больше не загорался. Его экипаж был, по-видимому, вполне удовлетворен достигнутым результатом.

— Будем освещать корабль? — первый нарушил молчание подполковник Черепанов.

— Нет, нет! — ответил Куприянов. — Зажгите прожекторы, но не направляйте их на корабль. Осветите местность вокруг так, чтобы люди, находящиеся в нем, могли видеть вокруг себя так же, как и мы.

«Люди, находящиеся внутри корабля»...

Теперь, когда был достигнут первый успех, когда стала реальной действительностью мечта, у него не повернулся язык назвать посланцев другого мира «существами».

Когда же они выйдут?

Лучшие умы человечества много размышляли над проблемами жизни на других планетах. Обветшавшая гипотеза о Земле, единственной носительнице разумной жизни во Вселенной, давно уже была отброшена наукой. Идея множественности обитаемых миров постепенно завоевывала всеобщее признание.

Но как ни привлекательна была эта идея сама по себе, она оставалась только гипотезой, требующей доказательства.

И вот на Землю прилетел космический корабль!

Корабль стал виден на небе утром 27 июля в виде маленькой блестящей точки. В этот момент он был на высоте свыше четырех тысяч километров и находился далеко за пределами атмосферы.

Замедлив космическую скорость, с которой он летел в межзвездном пространстве, корабль в течение двадцати шести часов все ближе и ближе приближался к поверхности планеты. В семь часов сорок минут утра 28 июля (по московскому времени) он совершил посадку почти в центре Европейской части СССР, то есть в том месте, над которым впервые появился накануне.

Движение корабля совершалось независимо от движения Земли вокруг ее оси, и за эти двадцать шесть часов его экипаж мог рассмотреть неизвестную ему планету по всей длине пятьдесят второй параллели, над которой он находился. По счастливой для гостей случайности, на всем этом пространстве совершенно не было облаков, и Земля предстала глазам звездоплавателей во всем разнообразии своей природы.

Увлекаемые вращением Земли, под кораблем медленно проплыли равнины, леса и реки, города, деревни и села СССР, Польши, Германии и Голландии, Если гости наблю-

дали Землю с помощью оптических приборов, то они могли заметить и Лондон. Панорамы европейского материка сменялись просторами Атлантического океана. Экипаж корабля мог видеть на юге безграничную водную равнину, а на севере — льды Арктики и Гренландию. Затем полуостровом Лабрадор открылся материк Северной Америки. Корабль был уже настолько близок к Земле, что экипаж мог ясно различить Кордильеры и вершину горы Колумбия, поднимающуюся на 4 300 метров, прямо над которой они пролетели. Тихий океан мог показаться им не особенно большим, так как они пересекли его в северной части, над Алеутскими островами. Оказавшись над Камчаткой, они снова вернулись в ту страну, от которой начали свой путь над Землей. И вот, пролетев всю Сибирь, миновав Уральские горы и пройдя над Волгой, корабль закончил свой полет в равнинной части Средне-Русской возвышенности.

Было несомненно: экипаж космического корабля понял, что на пути попалась густонаселенная, освоенная разумными существами планета. Приняв решение опуститься, они выбрали место, где не было поблизости ни одного населенного пункта. Возможно, что это было сделано для того, чтобы приземление их огромного корабля не повлекло за собой новых жертв. (Они не могли не заметить катастрофы самолета под Чкаловом.)

28 июля все утренние газеты мира были полны сообщениями о космическом корабле и его посадке. Сообщение ТАСС о приземлении корабля к северу от Курска, о его внешнем виде и об экспедиции Академии наук СССР печаталось крупным шрифтом на первых страницах. В газетах были помещены портреты участников экспедиции и приводились рассказы очевидцев полета корабля, главным образом летчиков.

Небольшой районный центр Золотухино, о существовании которого мало кто знал даже в СССР, за один день прославился на весь мир.

Краткое упоминание ТАСС об урагане, сопровождавшем посадку корабля, превратилось под пером бойких жур-

налистов в страшную катастрофу, при которой якобы погибли тысячи жителей.

«ГОРОД ЗОЛОТУХИНО ИСЧЕЗ С ЛИЦА ЗЕМЛИ!»

«ПОСАДКА КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ ПОВЛЕКЛА ЗА СОБОЙ СМЕРТЬ НЕСКОЛЬКИХ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК!»

«ПРИЛЕТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ ПРИЧИНИЛ СССР СТРАШНЫЕ ОПУСТОШЕНИЯ!»

Такими заголовками пестрели в этот день страницы европейских и американских газет. За всей этой шумихой ясно сквозило желание скрыть глубокое разочарование, вызванное посадкой корабля не там, где хотелось бы авторам.

Дневные газеты вышли со статьями, посвященными тому же событию. Содержание этих статей было самым разнообразным, от теории звездоплавания до новых видов оружия, которые могли бы появиться в результате знакомства советских ученых с техникой гостей из глубин Вселенной. Некоторые газеты не замедлили использовать эту тему для призывов к увеличению производства атомного и водородного оружия.

В последующие дни посольства СССР были засыпаны бесчисленным количеством просьб о визах. Эти просьбы исходили от отдельных ученых, научных учреждений, обсерваторий, редакций газет и журналов, киностудий и просто частных лиц. Удовлетворить все эти просьбы было явно невозможно, но в отношении крупных ученых, представителей обсерваторий и некоторых научных журналов посольства запросили Москву.

Тысячи людей, которым было отказано в визах, подняли шум, обвиняя СССР в желании монополизировать космический корабль, скрыть его от других стран. Снова зазвучала во весь голос старая сказка о «железном занавесе». Пытаясь успокоить общественное мнение, крупнейшие газеты выразили уверенность, что, посетив СССР, экипаж космического корабля, несомненно, захочет ознакомиться и с другими

странами Земли. «Потерпите! — писали эти газеты. — После СССР корабль прилетит к нам. Незачем ехать для его осмотра в Советский Союз».

Миллионы людей собирались у радиоприемников, слушая последние известия московских станций о космическом корабле, которые через каждые три часа передавались на разных языках. Фамилии Куприянова, Штерна, Лебедева и Ляо Сена были у всех на устах. Всюду были известны все подробности прилета экспедиции, устройства лагеря, первой попытки разговора с помощью прожектора.

«КОГДА ЖЕ ОНИ ВЫЙДУТ ИЗ КОРАБЛЯ?»
«НА ЧТО ОКАЖУТСЯ ПОХОЖИ ЭТИ СУЩЕСТВА?»
«КАК УДАСТЯ НАЙТИ С НИМИ ОБЩИЙ ЯЗЫК?»

Эти вопросы одинаково интересовали все население земного шара.

По мере того, как шло время, волнение усиливалось. Были забыты повседневные заботы и интересы. Никто не читал в газетах политических новостей. Спортивные соревнования проходили на пустых стадионах. Театры и концертные залы собирали едва четверть обычного числа зрителей. Зато аудитории и лекционные залы ломились от желающих прослушать лекцию по астрономии. У кинотеатров, в которых демонстрировались научно-популярные фильмы о Вселенной, выстраивались гигантские очереди. В магазинах невозможно было достать книгу, имеющую хотя бы отдаленное отношение к науке о небесных телах. Люди, никогда раньше не интересовавшиеся небом, жадно вчитывались в астрономические книги, пытаясь разгадать, откуда прилетел корабль. За всю историю астрономии эта наука никогда не имела столько поклонников и усердных учеников, как в эти дни. Словно человечество впервые заметило небо над головой, и миллионы людей с наступлением вечера подолгу простаивали на улицах и площадях, глядя на звезды. Плохая погода расценивалась как величайшее несчастье, и люди проклинали облака, закрывавшие от их глаз блистательную

красоту Вселенной, на которую они раньше так редко обращали внимание.

Интерес к кораблю и нетерпеливое ожидание выхода его экипажа усиливались все больше и больше.

В лагере экспедиции на весь этот шум не обращали никакого внимания. Ученые деятельно готовились к предстоящей работе. Считалось вполне вероятным, что корабль за все время своего пребывания на Земле не переменит места стоянки, так как трудно было предположить, что его запасы энергии неограниченны, а для того, чтобы оторваться от земли, требовалось чудовищное количество этой энергии. Исходя из такого соображения, решили подготовить все материалы для работы на месте, которая мыслилась как ознакомление гостей с жизнью земли во всех ее проявлениях. Предполагалось, что в составе экипажа находятся ученые различных специальностей, и что их будут интересовать все области человеческой деятельности. По мнению Ляо Сена и Лежнева, на изучение языка гостей или на изучение ими одного из языков Земли (в зависимости от того, который окажется для них легче) потребуется не менее двух месяцев, и то, если такая задача окажется вообще осуществимой. Последнее особо подчеркивалось Лежневым, который мало верил в успех.

— Может случиться, — говорил он, — что как мы, так и они не сможем воспроизвести звуки языка друг друга.

Мало кто разделял это мнение, но среди скептиков были и такие авторитетные лица, как Штерн и Манаенко. Старый академик напоминал об эпизоде с появлением цилиндра во время первого осмотра корабля и был непоколебимо убежден, что металлическое пощелкивание было звуком голоса кого-то из членов экипажа. «Они приветствовали вас на своем языке», — говорил он. Профессор Манаенко соглашался с ним. Если это действительно было так, то приходилось согласиться с мнением Лежнева. Для человеческого голоса такие звуки были недоступны, а для существ, говорящих при помощи «птичьих» звуков, будут недоступны звуки человеческого языка. В этом случае остается един-

ственный способ общения — рисунок. С утра и до позднего вечера в лагере кипела работа. Независимо от специальности все члены экспедиции принимали участие в подготовке, заключалась ли она в устройстве химической лаборатории для Аверина или технического «музея» Смирнова и Манаенко. Ежедневно в лагерь приходили сотни писем со всех концов Советского Союза и из-за рубежа. Космический корабль и предстоящая встреча с его экипажем были в центре внимания миллионов людей, и не удивительно, что у экспедиции нашлись тысячи добровольных помощников.

Конечно, ни Куприянов, ни весь состав экспедиции не смог бы прочитывать всю эту массу писем. На помощь пришли корреспонденты ТАСС. Они были относительно свободны и добровольно взяли на себя разбор корреспонденции, что было очень нелегким делом.

Два раза в день Куприянов или Штерн выступали перед микрофоном передвижной радиостанции, всегда в одно и то же время. Их сообщения транслировались по всей Земле. Сотни миллионов человек с волнением ждали этих сообщений.

Массовых экскурсий к космическому кораблю не было, но все же каждый день в лагере появлялись сотни людей. Большинство приходило только для того, чтобы посмотреть на звездолет, но многие появлялись с какой-нибудь идеей и настойчиво требовали, чтоб их выслушал начальник экспедиции. Куприянов хорошо понимал, что этими людьми движет искреннее желание оказать помощь, но был физически не в состоянии говорить со всеми. Эту обязанность взяли на себя Широков и Синяев. Все человечество нетерпеливо ждало знаменательного события — выхода экипажа корабля. Но после светового разговора космический корабль не обнаруживал никаких признаков жизни. Луч не появлялся, а наблюдатели, не спускавшие глаз с корабля, не замечали в нем никаких признаков внутренней жизни. Шар казался мертвым.

Что делал экипаж корабля? Если гости решили совсем не выходить, то зачем им было оставаться так долго на од-

ном месте? А если они хотели выйти, то почему откладывали свое намерение? Было вполне вероятно, что звездоплаватели с таким же нетерпением хотели познакомиться с Землей, с каким обитатели Земли хотели познакомиться с ними.

Но экипаж не выходил из шара, и эти вопросы оставались без ответа.

В первые дни Куприянова осаждали требованиями ответить на них хотя бы приблизительно, в порядке предположения, но профессор отказался заниматься досужими вымыслами. — Я к этому не привык, — отвечал он.

За него это делали другие. Тысячи предположений ежедневно печатались в заграничных газетах. В Англии даже был открыт своеобразный «тотализатор», в котором могли участвовать за определенный взнос все желающие. Угадавший день выхода экипажа мог рассчитывать на крупный выигрыш.

В научных кругах мира считали, что экипаж выйдет тогда, когда тщательно изучит состав атмосферы.

По мнению Куприянова, на такой процесс «акклиматизации» могло потребоваться не менее месяца.

Все таинственное, загадочное, непонятное имеет какую-то притягательную силу для людей мыслящих. Ученый любой специальности, прежде всего, любопытен. Это — хорошее, благородное любопытство. Оно источник радости, но и причина искренних и глубоких страданий, когда загадка нескоро поддается усилиям пытливой мысли. Ученые по самой своей природе активны. Они не могут ждать, пока тайна раскроется сама. Они стремятся раскрыть ее «силой». Пассивное ожидание чуждо натуре настоящего ученого. Не удивительно поэтому, что ожидание — когда же наконец раскроется тайна корабля, — по мере того как шло время, начинало все больше и больше раздражать участников экспедиции. Самый вид звездолета, неподвижного и загадочно-го, вызывал чувство досады, и люди становились с каждым днем все более молчаливыми и хмурыми.

«Когда они выйдут?» — этот навязчивый вопрос не давал покоя не только участникам экспедиции, но и всем офицерам и солдатам, несшим охрану шара.

С момента приземления корабля прошло уже шесть дней, но он по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

Никто не знал, сколько времени пробудет на Земле космический корабль. Полгода? Год? Ведь для того, чтобы одолеть расстояние от ближайшей планетной системы до солнечной, звездолету потребовалось не меньше четырех-пяти лет, и то, если он летел со скоростью света. (Штерн и Смирнов не допускали такой возможности.) На обратный путь требовалось такое же время. Казалось невероятным, что экипаж корабля, совершив такой длительный путь, в скором времени покинет Землю. Звездоплаватели, безусловно, захотят хорошо ознакомиться с населенной планетой, встретившейся на их пути.

Зимовать в наскоро оборудованном лагере было невозможно. Но захочет ли экипаж звездолета покинуть свой корабль? Это было сомнительно.

Все должно было выясниться тогда, когда экипаж выйдет, и если будет найден общий язык.

Вечером третьего августа Широков зашел в палатку, занятую Куприяновым, Штерном, Лебедевым и Ляо Сеном, и застал всех четверых.

— Садитесь, Петр Аркадьевич, — приветствовал его Штерн. — Что новенького?

— Когда же они, наконец, появятся? — спросил Широков вместо ответа.

— Свеженький вопрос! — сказал Лебедев.

— Я не понимаю, — продолжал Широков, не обращая внимания на насмешку. — Почему не спросить об этом экипаж корабля?

— Спросите, — пожав плечами, сказал Ляо Сен. — Если имеете возможность. Будем вам очень благодарны за такую услугу.

Подобная реплика со стороны всегда спокойного и невозмутимого китайского ученого ясно показывала, до какой степени у всех были напряжены нервы.

— Я считаю, что это вполне можно сделать, — сказал Широков.

— Тем лучше! — буркнул Лебедев.

— Что вы придумали, Петр Аркадьевич? — спросил Куприянов.

В его голосе прозвучало волнение. Все уже серьезно смотрели на Широкова, ожидая ответа.

— Очень простую вещь. Надо спросить их лучом прожектора. Как в первый вечер. Они не могут не понимать, что мы с нетерпением ожидаем их выхода. Надо послать семь вспышек по числу прошедших суток. Они обязательно поймут, что это вопрос, и ответят.

Несколько секунд все молчали.

— Что ж! Это идея! — сказал Лебедев.

— И весьма неплохая! — сказал Штерн. — Молодец, Петр Аркадьевич!

Куприянов ласково посмотрел на своего любимого ученика.

— Найдите подполковника и позовите сюда! — сказал он.

Широков бегом бросился за Черепановым.

Мысль использовать прожектор, чтобы задать экипажу звездолета мучивший всех вопрос, пришла ему в голову часа два назад. Он тщательно обдумал ее и только тогда решился предложить эту идею профессорам, не опасаясь с их стороны насмешливого отказа. Широков был очень самолюбив и избегал высказывать незрелые мысли.

Космический корабль и заключенные в нем тайны с непреодолимой силой влекли к себе воображение молодого ученого. Вероятно, больше всех в лагере он мучился нетерпением и старался найти способ как-нибудь узнать время выхода из корабля его экипажа.

Часами смотрел он на загадочный шар, и смелые мысли теснились в его голове. Он сам боялся тех мыслей, которые возникали все чаще и чаще, но упорно возвращался к ним, и они начали казаться ему осуществимыми. Сердце билось радостно и тревожно, нетерпение становилось сильнее, неизвестность мучительнее. Постоянно думая об одном и том же, он наконец нашел, как ему казалось, верный способ решить загадку.

Получив одобрение старших товарищей, он, как мальчик, бежал по лагерю, отыскивая командира полка.

Остроумная мысль Широкова понравилась всем.

— Молодец! — еще раз сказал Штерн.

— Вот ведь никому не пришла в голову такая простая мысль, — заметил Лебедев.

— Простые мысли часто оказываются самыми трудными, — сказал Ляо Сен.

Очевидно, Широков успел по пути рассказать о предстоящей попытке, так как участники экспедиции один за другим поспешно подходили к палатке Куприянова.

Вскоре явился и подполковник.

— Прожекторная установка всегда готова, — ответил он на вопрос профессора.

Как и в первый вечер, все столпились вокруг машины.

Было еще совсем светло, но Куприянов и Штерн рассчитывали, что экипаж звездолета все-таки заметит луч прожектора. Ожидать, пока наступит полная темнота, не хватало терпения.

Вспыхнул прожектор, и семь коротких лучей ударились в белый корпус корабля.

Все молча ждали. Слышалось только взволнованное дыхание людей. Минута шла за минутой, но ответного луча не появлялось.

— Не заметили, — сказал Штерн. — Надо повторить.

Едва он это сказал, как от корабля пришел ответ. Вспыхнул свет его прожектора и погас.

— Один! — сказал Куприянов. — Неужели завтра?

— Мне кажется, что это только просьба повторить, — сказал Широков. — Они не успели сосчитать.

— Да, пожалуй, — сказал Штерн. — Для них это было неожиданно.

— Повторите, — обратился Куприянов к подполковнику.

Снова семь раз появился и погас луч прожектора. И тотчас же космический корабль ответил. Двенадцать раз!

— Значит ли это, что они выйдут через двенадцать дней после посадки на Землю или через двенадцать дней, считая от сегодня? — спросил Лебедев.

И, будто услышав его вопрос, луч замигал опять. **ДЕВЯТНАДЦАТЬ раз!**

— Ясно! — сказал Куприянов. — Они выйдут через двенадцать дней, то есть пятнадцатого августа! Пошлите им одну вспышку в знак того, что мы поняли.

Прожектор поставил короткую точку.

Четвертого августа Куприянов получил радиogramму, извещавшую его о скором приезде трех западных ученых и пяти журналистов. Иностранцы должны были приехать двенадцатого числа, и начальнику экспедиции предписывалось встретить их и обеспечить всем необходимым.

Озабоченный этим известием, Куприянов показал радиogramму Штерну.

— Что же удивительного? — сказал академик. — Мы не можем монополизировать космический корабль. Это первые ласточки. За ними последуют другие.

Он взял листок из рук Куприянова и внимательно прочел его:

— «Директор Кембриджской обсерватории Чарльз О'Келли, профессор биологии Линьелль, профессор Маттисен...»

— Тоже биолог, — вставил Куприянов.

— И пять корреспондентов: Дюпон, Браунэлл, Гельбах, Лемарж и Ю Синь-чжоу. Пока рано строить второй лагерь. Поселите их здесь. Скажите, чтобы поставили еще две палатки.

Спустя пять дней Куприянов, Штерн и Лебедев поехали встречать гостей. Поле, на котором когда-то опустились самолеты экспедиции, превратилось за эти дни в оборудованный аэродром. У полотна железной дороги была построена платформа и возле нее два дома: один, побольше, — для обслуживающего персонала и небольшой домик, где помещался караул и начальник аэропорта.

Поле было ограждено, и на высокой мачте развевался флаг.

Ожидать пришлось недолго. Минут через двадцать над полем появились два самолета и один за другим опустились на аэродром. Первым вышел академик Неверов — президент Академии наук.

— Не вытерпел! — сказал он, здороваясь с Куприяновым. — Прошу меня приютить. У вас все готово для приема гостей? — озабоченно спросил он,

— По мере возможности, Александр Николаевич. Наш лагерь не курорт.

Кроме президента, из самолетов вышло еще тринадцать человек. Куприянов нахмурился.

— Мне сообщили только о восьми.

— Семеро корреспондентов. Трое ученых и их секретари.

Академик Неверов представил Куприянову и его спутникам всех прибывших.

Астроном Чарльз О'Келли оказался человеком высокого роста. Его лицо казалось совсем молодым, но длинные, совершенно седые волосы говорили о другом. Серые глаза были умны и проницательны. Здороваясь со Штерном, он сказал ему несколько любезных слов.

Жорж Линьелль, маленький, неряшливо одетый старик, с чисто выбритым морщинистым лицом, радостно приветствовал профессора Лебедева и тотчас же вступил с ним в оживленный разговор: они встречались раньше и знали друг друга.

Профессор Маттисен был типичный швед. Огромного роста, розовощекий, белокурый, с трубкой в крепких, белых зубах. Он с силой пожимал всем руку и радостно улыбался.

Четыре корреспондента — молодые энергичные люди, которых на первых порах было трудно отличить друг от друга. Они немедленно взялись за фотоаппараты и сфотографировали все, что было на аэродроме.

Ю Синь-чжоу скромно стоял в стороне рядом с двумя московскими корреспондентами. Поздоровавшись, он тотчас же опять отошел. Его узкие глаза внимательно наблюдали за всеми.

Из самолетов выгрузили довольно объемистый багаж.

Куприянов, посадив иностранцев в машины, прошел в кабинет начальника порта.

Через две минуты туда же зашел один из прибывших московских корреспондентов.

— Вы товарищ Куприянов? — спросил он.

— Да. А вы полковник Артемьев?

— Совершенно верно. Разрешите представить мой документ.

Куприянов посмотрел удостоверение и сказал:

— Идите! Не надо, чтобы нас видели вместе.

Полковник повернулся и вышел.

Пятнадцатое августа

День пятнадцатого августа выдался на редкость хороший. Рано утром прошел небольшой дождь, но к восьми часам небо совершенно очистилось, и омытая от пыли земля нежилась под жаркими лучами солнца. Наступил тот день, которого с волнением и трепетом ждало все население земного шара. Если световой разговор был правильно понят, то именно сегодня экипаж космического корабля должен был, наконец, показаться людям.

Специально приехавший из Москвы радиоккомментатор с помощью радистов лагеря налаживал и испытывал переносный микрофон, готовясь к репортажу. Его рассказ о встрече будет транслироваться по всей земле. Корреспонденты с особым вниманием проверяли кино- и фотоаппараты.

Никто не знал, в котором часу произойдет долгожданное событие.

С самого утра все было готово к встрече. В ста метрах от шара ровными рядами выстроились войска. Ближе расположился оркестр и почетный караул. В пятидесяти метрах от корабля стоял микрофон, и возле него собрались все члены научной экспедиции и иностранные гости. Корреспонденты со своими аппаратами были тут же.

— Не мы одни волнуемся и ждем, — сказал Куприянов. — Они с таким же нетерпением ждали этого дня. Они тоже готовятся к встрече с нами и, может быть, тоже обсуждали, как сделать, чтобы мы их поняли.

— Им гораздо легче, — возразил Штерн. — Они видят нас и все время наблюдали за нами, а мы даже не представляем себе, что они такое.

В радиусе пятисот метров корабль плотной стеной окружали толпы народа. Никакие запрещения не смогли удержать жителей окрестных городов и сел, и они со вче-

рашнего вечера непрерывно подходили и подъезжали к лагерю. Больше половины этих людей провели здесь всю ночь и стоически мокли под утренним дождем.

Караульная цепь была отодвинута от шара на полкилометра, и люди остановились у этой границы, не пытаясь подойти ближе.

День обещал быть очень жарким. Ни малейшего дуновения ветра не чувствовалось в воздухе.

Шар был неподвижен и загадочен, как всегда. Белый корпус по-прежнему скрывал от людей то, что находилось внутри. Видит ли экипаж корабля все эти приготовления? Понимает ли он, что это означает?

Люди не спускали глаз с корабля. Они не замечали зноя, готовые ждать и ждать.

Внезапно со стороны корабля раздался громкий звук. Как будто тяжелый молот с силой ударился о звонкий металл. Мелодичный, вибрирующий аккорд пронесся над полем и смолк.

Его слышали все. Огромное кольцо толпы всколыхнулось одновременным движением подавшихся вперед людей.

Над лагерем, над полем, над притихшей толпой медленно и величаво поплыли звуки неведомой мелодии. Какой-то очень мощный инструмент чистым металлическим звуком играл, вероятно, гимн, гимн неизвестного народа, неизвестной планеты. Эти звуки не напоминали ни один из музыкальных инструментов Земли. Словно громадный хор людей с металлическими голосами пел на неведомом языке неведомую песню. Она звучала с какой-то необычайно мягкой силой, и ее было хорошо слышно на много километров вокруг.

Люди стояли, глубоко потрясенные этой музыкой, впервые раздавшейся на их планете. Это было создание неведомого композитора, близкое и дорогое тем существам, которые прилетели на Землю, иначе они не взяли бы его с собой.

Смолкла музыка, и опять над полем пронесся тяжелый удар молота о звонкий металл.

Наступила тишина.

Напряжение достигло предела. Сейчас они должны выйти! Вот сейчас в каком-то, пока неизвестном месте откроется дверь, может быть, на землю упадет лестница, и появятся... Кто? Какие существа выйдут к людям?.. Уродливые пауки с мохнатыми телами и неподвижным жестоким взглядом огромных глаз, глаз спрута? Подобия людей, с шестью руками и хоботом на лице? Исполинские жуки с жесткими перепончатыми крыльями и человеческими головами?..

Или вся фантазия земли не в силах предвидеть их внешний облик?

Их ждали.

Ждали с напряженным вниманием, не спуская глаз с корабля, но они появились неожиданно. Того, что произошло в действительности, никто не ожидал.

Внезапно со всех сторон одновременно раздался тысячеголосый крик...

На самой вершине шара показалось живое существо.

Несколько секунд оно неподвижно стояло, четко вырисовываясь на голубом фоне неба.

Потом рядом с ним появились еще семеро.

Они казались совсем маленькими на такой высоте в сравнении с исполинским размером их звездолета. Контуров их фигур были похожи на людей, одетых в длинные, мягкие одежды. Отчетливо виднелись головы.

Почему они появились наверху? Или, показавшись людям, они снова исчезнут внутри корабля, не ступая на землю? Может быть, они опасаются приближаться к неизвестным им существам?..

И вдруг складки «одежд» зашевелились, распахнулись, и восемь крылатых фигур поднялись в воздух...

Птицы! Птицы с человеческими головами!..

Они плавно, свободно и красиво опускались вниз, Крылья не шевелились. Они управляли своим полетом, как делают это орлы или ястребы, наклоняя тело и слегка покачиваясь.

Подняв головы, застыв от изумления, люди следили за полетом своих гостей.

Птицы...

Разумные птицы населяли неведомую планету, откуда прилетел этот корабль.

Иллюстрация художника Е. Скальского (НиЖ, 1960, №11)

И этот гигантский шар был сделан птицами. И музыка, прекрасная мелодия гимна-песни была создана птицей... С этими пернатыми звездоплавателями говорили люди на языке математики. И птицы осуществили великую мечту человечества — межзвездный полет!

Люди ждали... но того, что они увидели, никто не мог предвидеть...

Тишину нарушил голос профессора Лебедева. — Этого не может быть! — сказал он.

— Значит, может, — печально отозвался Штерн.

В пяти шагах от группы ученых птицы легко и плавно опустились на землю, сложили крылья и встали на ноги... на обыкновенные человеческие ноги... на ДВЕ ноги!

Крылья отделились от тела и легли на землю. Освободились руки... ДВЕ! Летательные аппараты лежали у ног.

Да, это были не птицы, а ЛЮДИ!

Все восемь в светло-серой одежде, похожей на летные комбинезоны, с красными меховыми воротниками и такими же манжетами на запястьях. На каждой руке ПЯТЬ пальцев, только значительно более длинных, чем у людей.

И они черные!

Всё — руки, шеи, лица — черное, как китайская тушь.

Черты их продолговатых лиц были такие же, как у людей белой расы, и красивы, красивы с ЗЕМНОЙ точки зрения. Светлые золотистые волосы лежали мягкими волнами.

Их глаза (ДВА глаза) были длинны и узки, так что казались прищуренными. Они были высокого роста, около двух метров.

Освободившись от своих крыльев, они сдвинулись теснее, ближе друг к другу, подняли головы и прямо взглянули своими узкими глазами в глаза людей.

Несколько минут представители двух миров неподвижно стояли друг против друга.

Люди Земли испытывали такое мучительное волнение, что, казалось, продлится оно еще немного — сердце не выдержит и разорвется. Они были не в силах сделать хотя бы одно движение.

Что испытывали пришельцы из глубин Вселенной, было трудно сказать, но их неподвижность говорила о многом.

И вдруг гость, стоявший прямо против Куприянова, сделал несколько шагов вперед и обнял его, Обнял так, как сделал бы это человек Земли, встретивший друга после долгой разлуки.

И ученый Земли ответил посланцу другой планеты крепким объятием.

Радиокомментатор опомнился и бросился к забытому микрофону. Фоторепортеры с растерянными лицами взялись за аппараты: они тоже забыли о своих обязанностях и не засняли появление гостей. Все смешалось в волнующуюся, гудящую толпу.

Несколько минут у корабля творилось что-то невообразимое. Звездоплаватели переходили из объятий в объятия. Каждый хотел хотя бы притронуться к ним.

Первым пришел в себя Черепанов. Он что-то сказал стоявшему рядом с ним офицеру. Раздалась громкая команда, перекрывшая шум. Со смущенными лицами солдаты бегом вернулись на прежнее место и с молниеносной быстротой выстроились.

Гости получили свободу.

Все это время Куприянов стоял рядом с гостем, обнявшим его, держа его за руку. Они смотрели друг на друга и улыбались.

Радиокомментатор подошел к ним и попросил профессора выступить перед микрофоном.

— Я передал все, что произошло, — сказал он. — Теперь нужно, чтобы вы сказали несколько слов.

Куприянов подошел к микрофону. Он знал, что вся Земля будет слушать его, но внешне был совершенно спокоен.

Командир звездолета (это, вероятно, был командир!) последовал за ним. Он внимательно и серьезно, наблюдал за всем происходящим.

Его лицо бороздили глубокие морщины, и в волосах проступала седина. Он был уже далеко не молод. Глаза, губы (серого цвета), пальцы рук были непохожи на челове-

ские, и все же это был самый настоящий человек, только черного цвета, такого черного, какими не бывают даже негры.

Окончив свою краткую речь, Куприянов на секунду задумался и чуть дрогнувшим голосом сказал в микрофон:

— А теперь мы попросим командира звездолета сказать нам несколько слов.

Он отступил на шаг и жестом пригласил гостя подойти к микрофону.

Куприянов не мог объяснить, что побудило его сделать это, не знал, умеет ли этот черный человек говорить, не знал, поймет ли он, чего от него хотят.

Члены научной экспедиции, стоявшие вокруг микрофона, с изумлением посмотрели на своего руководителя.

И вдруг в наступившей тишине раздался мягкий голос. Говорил звездоплаватель.

Звуки неизвестного языка понеслись в эфир. Станные, чуждые земному слуху, с отчетливыми промежутками между словами, они поражали какой-то необычайной мягкостью. Как будто после каждой согласной буквы стоял мягкий знак, независимо от гласной, следующей за нею.

Он говорил не больше минуты. Закончив, он повернулся к Куприянову и улыбнулся, словно этой улыбкой спрашивал:

— Довольно ли?

Лежнев и Ляо Сен с особым вниманием прислушивались к языку гостя. Оба с удовлетворением отметили, что в этом языке не было ни одного звука, который люди не могли бы воспроизвести. Наибольшая трудность, несомненно, заключалась в мягкости согласных, которая не была свойственна земным языкам, но эта трудность не казалась непреодолимой.

Оба запомнили последнее слово в речи гостя.

Если написать это слово русскими буквами, то получалось странное созвучие: «КЪАЛЬИСЬТЬО».

— Кялистьё, — повторил Ляо Сен, стараясь произносить звуки как можно мягче. Звездоплаватель отрицательно покачал головой.

Это движение, столь понятное и привычное людям, было с удовольствием воспринято всеми. Между гостями и хозяевами обнаруживалось все большее и большее сходство.

— Кьяльсьтьо, — сказал он отчетливо.

Ляо Сен повторил, тщательно выговаривая «а» вместо «я» и «о» вместо «ё». Получилось гораздо лучше.

Звездоплаватель, одобрительно улыбнувшись, показал рукой на корабль, потом на себя и своих спутников и, наконец, на небо.

— Кьяльсьтьо! — повторил он еще раз.

— Это, несомненно, название планеты, с которой они прилетели, — сказал Куприянов.

— Странное совпадение! — заметил Штерн. — Нам известна планета Каллисто. Это один из крупных спутников Юпитера, вторая по величине «луна» солнечной системы.

— Может быть, они с нее и прилетели? — спросил кто-то.

— Ну что глупости говорить! Во-первых, по нашим данным, Каллисто совершенно непригодна для жизни, а во-вторых, никак не могло так случиться, чтоб и мы и они назвали небесное тело одинаковым именем.

— Такое предположение действительно не выдерживает критики, — сказал Неверов. Он обвел рукой вокруг, показал вниз и отдельно произнес:

— Земля.

— Зьемья, — повторил гость.

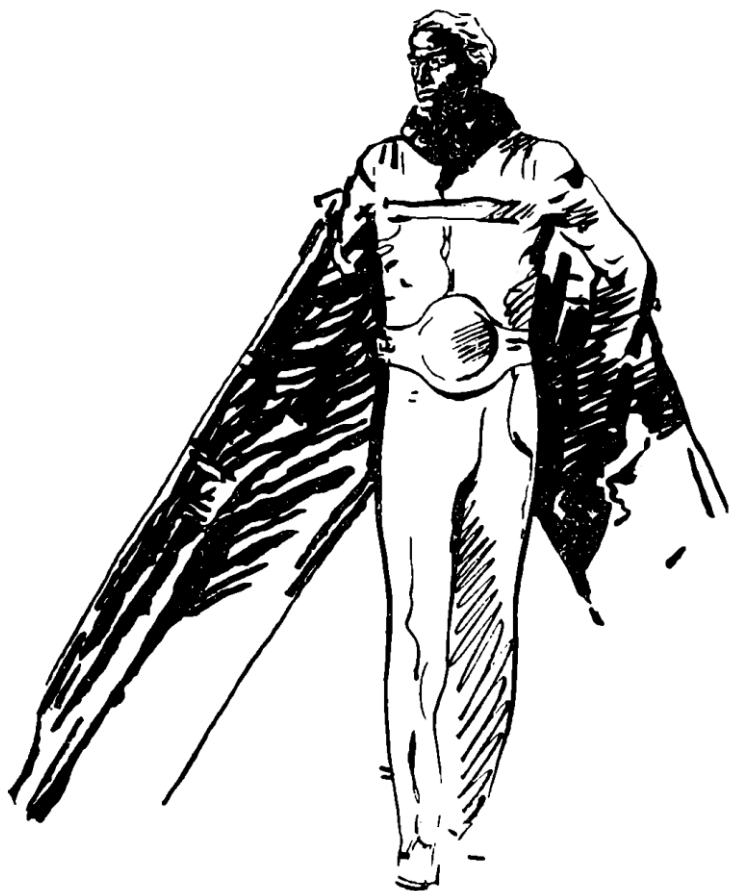
Он опять указал на корабль и своих спутников, потом на людей и, подняв руку к небу, быстро опустил ее вниз, указывая на землю.

— Кьяльсьтьо — Зьемья! — сказал он.

Смысл этого жеста и слов был совершенно ясен.

Корабль прилетел на Землю с планеты Каллисто.

Еще несколько слов было сказано с обеих сторон. Широков вынул блокнот и тщательно записывал каждое слово. Звездоплаватели обходились без записей. Видимо, они или запоминали или решили, что этот первый разговор не стоит записывать.

Хозяева остались вполне довольны этим первым разговором. Насколько они понимали выражение лиц своих гостей, те тоже были удовлетворены.

Командир корабля показал рукой на темное кольцо толпы, все еще стоявшей на том же месте и не расходившейся.

— Люди! — сказал Лежнев.

— Льюды! — кивнул головой звездоплаватель. Он указал на своих товарищей, потом на толпу и изобразил руками крылья.

— Они хотят полететь к народу, — сказал Штерн. Куприянов жестами показал, что желание гостей понято и не встречает возражений.

Семеро из них, в том числе и командир, подошли к своим крыльям, лежавшим на земле. Быстро и, видимо, привычно они надели на себя что-то похожее на длинную мягкую одежду. Теперь все заметили, что на спине помещался продолговатый ящик, сделанный из темного металла. Крылья прикреплялись к телу при помощи гибких металлических «ремней». Руки вошли в «рукава», вделанные с внутренней стороны крыльев.

Звездоплаватель, но присоединившийся к своим товарищам, поднял с земли свои крылья и подошел к людям. Семеро других, уже готовые к полету, стояли, не трогаясь с места, и ждали чего-то.

Звездоплаватель медленно надел на себя летательный аппарат. Он явно хотел показать людям, как это надо делать. Пронув руки в «рукава», он глазами указал на маленький ящичек, прикрепленный под левым крылом. На крышке ящичка было четыре кнопки. Он положил на них пальцы и нажал на первую кнопку, справа. С тихим шуршащим звуком крылья распахнулись. Их размах достигал четырех метров. На вид они были жестки и упруги. Каркас, на котором они держались, был, очевидно, внутри. Переждав минуту, чтобы дать возможность людям осмотреться, он кивком головы снова обратил внимание на кнопки и нажал вторую. Столб пыли поднялся с земли за его спиной. Но он не двигался с места. Показав, опять-таки глазами, на правую руку,

он как бы попросил обратить внимание на второй такой же ящичек, на крышке которого находилась маленькая рукоятка. Он чуть-чуть, едва коснувшись, повернул рукоятку и сейчас же поставил ее в прежнее положение. Несмотря на молниеносную быстроту этого движения, звездоплаватель поднялся на метр от земли и опустился обратно. Пыль вихрем кружилась позади этой крылатой фигуры. Нажав третью кнопку, он остановил двигатель (ящик на спине был, несомненно, двигателем). Он нажал четвертую кнопку — и крылья сложились.

Все с волнением и интересом следили за этой демонстрацией.

— Ясно и, кажется, очень просто! — сказал Широков.

Звездоплаватель снял с себя летательный аппарат и протянул его Куприянову. Он явно приглашал его полететь.

— Ну, нет! Это не для меня! — сказал профессор.

— Я полечу! — воскликнул Широков.

— Упадете и разобьетесь, — сказал Штерн.

— Конечно, упадете, — поддержал его Куприянов.

— Я так не думаю, — возразил президент. — Эти люди очень разумны и не стали бы предлагать лететь, если бы не были уверены в устойчивости аппарата. Они должны понимать, что у нас нет и не может быть опыта.

— Я полечу! — повторил Широков. — Когда-то я мечтал стать планеристом...

Он решительно протянул руку к крыльям.

Звездоплаватель улыбкой выразил свое одобрение. Его узкие глаза смотрели прямо в глаза молодому медику.

— Вьельи! — сказал гость.

По интонации это слово, вероятно, означало «смелее».

Широков с удивлением заметил, что совсем не волнуется. Он надел на себя аппарат, оказавшийся очень легким, и продел руки в «рукава». Кнопки и рукоятка оказались как раз под пальцами. Звездоплаватель заботливо помогал ему. Он еще раз показал на каждую кнопку и жестами объяснил, для чего они служат.

Широков кивнул головой.

— Петр Аркадьевич! — взволнованно сказал Куприянов. — Может быть, лучше не надо?

— Нет, — ответил Широков. — Теперь уже поздно!

Он подошел к семерым звездоплателям, которые встретили его ласковыми, одобрительными улыбками.

Командир сказал что-то, и его товарищи раздвинулись, освобождая место друг другу, чтобы иметь возможность свободно раскрыть свои крылья. Широков стоял рядом с командиром.

Ему еще как-то не верилось, что через несколько секунд он действительно превратится в птицу и полетит по воздуху с помощью этого непонятного аппарата. Он стоял и улыбался.

Раздался сильный шорох, и семь пар крыльев раскрылись рядом и позади него.

Широков стиснул зубы и нажал кнопку. Аппарат раскрылся с такой силой, что его руки поднялись сами собой.

Командир повернул к нему голову и кивнул.

Широков нажал вторую кнопку. Он ничего не почувствовал. Увидел только, как у ног командира вихрем поднялась пыль. Из ящика, расположенного на спине, очевидно, била сильная струя воздуха или какого-нибудь газа.

Он знал, что рукоятка, расположенная справа, служит для усиления струи, и понимал, что надо повернуть ее, но не мог сделать этого: его пальцы вдруг онемели.

Он увидел, как Куприянов быстро направился к нему, и понял, что тот хочет запретить ему лететь. Поборов минутное оцепенение, он резко повернул ручку.

Земля провалилась вниз. Он почувствовал упругое сопротивление воздуха. Мощная сила несла его вперед. Тело само собой приняло горизонтальное положение. Рядом висел в воздухе командир звездолета, внимательно наблюдая за ним. Широков увидел внизу дорогу и понял, что летит к лагерю. Командир наклонил тело и повернул влево. Широков поднял правую руку и опустил левую. Его тело послушно повернуло в нужном направлении. Он чуть повернул ручку и полетел быстрее, догоняя командира. За ними летели остальные шестеро.

Чувство страха совсем исчезло. Аппарат был послушен. Широков целиком отдался необычайному и приятному ощущению этого свободного полета. Он наклонялся вправо и влево, опускался вниз и снова поднимался. Его спутники повторяли все его движения, очевидно, еще не решаясь оставить его одного. Они держались близко к нему и, казалось, были готовы в любую секунду прийти на помощь.

Прошло не более двух минут, и Широков почувствовал себя так, словно десятки раз летал на этих чудесных крыльях.

Они летели к кольцу толпы и, очутившись над нею, опустились совсем низко.

Широков намеренно отстал, пропустив своих спутников вперед. Они не возражали против этого, убедившись, что их земной товарищ чувствовал себя свободно.

Широков видел внизу, на расстоянии всего трех — четырех метров, поднятые к ним бесчисленные лица, слышал оглушительный шум приветственных криков. Шапки летели вверх, едва не задевая крылатых звездоплавателей. Несколько кепок и фуражек, подкинутых слишком высоко, были далеко отброшены струей от двигателей, Широков

вспомнил при этом катастрофу под Чкаловом и понял, что эти аппараты двигались по тому же принципу, что и весь космический корабль.

Его спутники описывали в воздухе широкий круг. Они явно хотели облететь все кольцо толпы.

Широков внезапно почувствовал, что его руки устали, они начали болеть все сильнее и сильнее...

Группа ученых, корреспонденты и несколько офицеров полка стояли на том же месте, наблюдая за полетом. Куприянов очень волновался за своего ассистента, но, увидя, как легко и свободно он летит, успокоился.

— Молодец! — воскликнул Штерн.

— Жаль, что я уступил ему место, — шутливо сказал Куприянов.

— Ну, вот и состоялось это знаменательное событие, — проговорил президент. — И они оказались обыкновенными людьми! А сколько было гипотез!

— Я сразу не поверил, что это птицы, — сказал Лебедев. — Организм высокоразумных существ формируется трудом. Для труда необходимы соответствующие органы тела — руки или что-нибудь подобное рукам, но не крылья. Вы заметили, какие у них длинные и гибкие пальцы? Рука не только орган труда, она также его продукт, как говорил Фридрих Энгельс.

— Это верно, — сказал Аверин. — Руки свидетельствуют, что на их планете, так же как на Земле, царит труд.

— Без труда не построишь такой корабль, — заметил Неверов.

— Меня интересует: сможем ли мы осмотреть корабль внутри? — сказал Куприянов.

— А почему же нет?

— А каким способом мы проникнем в него?

— Может быть, есть другой выход, внизу, а если нет, то можно затребовать вертолет, — ответил Неверов.

— Это удачная мысль, — подхватил Штерн. — Если Михаил Михайлович не хочет уподобляться птице, то мне это и подавно не удастся.

Звездоплаватель, молча стоявший рядом, тронул Купринова за плечо и показал рукой налево.

Крылатые фигуры несколько минут назад скрылись за шаром. Все видели, что Широков летел сзади. Теперь, когда они появились с другой стороны, их было только семеро.

Несколько секунд люди не могли понять, что это значит. Семь фигур летели вперед. Восьмая не появлялась.

Но вдруг спокойное течение полета нарушилось. Семь «птиц» резко повернули обратно. Очевидно, они заметили исчезновение своего спутника,

— Это Широков! — испуганно сказал Куприянов. — Он упал!

Все побежали, огибая шар. Они увидели, как звездоплаватели опустились на землю. Потом одна фигура поднялась в воздух и быстро полетела прямо к шару. Пять других тоже поднялись и продолжали полет по прежнему направлению.

— Кажется, все благополучно, — облегченно сказал Неверов. — Один из них остался с Широковым. Наверное, сломалось что-нибудь.

Направившийся к кораблю звездоплаватель быстро полетел к ним и спустился на землю. Он кивал головой и улыбался, словно хотел сказать: «Все в порядке!»

— Они поняли, что мы будем волноваться, и послали его успокоить нас, — сказал Штерн. — Это не только люди — это очень хорошие люди! — прибавил он.

Наконец Широков и звездоплаватели, целые и невредимые, опустились у корабля.

— Что случилось, Петр Аркадьевич? — спросил Куприянов.

— Устал, — ответил молодой человек. — Почувствовал такую боль в руках, что был вынужден опуститься на землю. К этому аппарату надо привыкнуть.

— Напугали вы нас, — сказал президент. — Ну, как впечатление?

— Замечательно! — ответил Широков.

Между тем командир звездолета стал настойчиво приглашать людей Земли посетить корабль. Он указывал на

крылья, потом на Широкова, улыбался, жестами предлагая надеть аппарат и подняться наверх. Его мимика была так выразительна, что иногда казалось, что он просит словами.

«Ваш товарищ летал, — словно говорил он, — и с ним ничего не случилось. Наденьте крылья, и я покажу вам наш корабль».

Куприянов всеми способами старался объяснить ему, что завтра прилетит вертолет и тогда они примут приглашение, но из его объяснений ничего не выходило. Звездоплатель не понимал.

Широков взял карандаш и нарисовал на листке из блокнота шар, старательно изобразив над ним вертолет с опущенной лестницей и фигурками людей. Затем он указал на солнце. Командир корабля закивал головой. Он хорошо все понял.

— Кьатьри! — сказал он.

— Катьри! — ответил Широков, решив, что это слово означает «завтра».

После этого графического объяснения командир оставил в покое Куприянова, и все свое внимание перенес на Широкова, приглашая его одного посетить корабль сегодня.

Предложение было очень заманчиво, и Широков спросил профессора, не будет ли тот возражать.

— Нисколько! — ответил Куприянов. — Могу только позавидовать вам.

— Скажите ему, что я тоже хочу с вами, — сказал Синяев, обращаясь к Широкову, как к «опытному» уже переводчику.

— Если можно, то и меня возьмите, — сказал Ляо Сен.

— И меня! И меня!... — слышались со всех сторон просьбы корреспондентов.

Широков обратился к командиру звездолета. Тот, очевидно, догадался, о чем идет речь, и показал два пальца. Это означало, что посетить корабль могут одновременно два человека.

— Пусть на корабль отправятся товарищи Ляо Сен и Широков, — сказал Куприянов. — Остальные подождут до

завтра. А двух человек, которые отдадут вам свои аппараты, мы отведем в лагерь и покажем им нашу жизнь.

Когда восемь человек скрылись внутри шара, Куприянов пригласил оставшихся пройти в лагерь.

Очутившись на вершине шара, Ляо Сен и его спутник увидели, что находятся на небольшой плоской площадке. Посередине было круглое отверстие диаметром около полутора метров. Оно напоминало колодец или шахту с металлическими стенками.

Широков заглянул туда. Труба уходила глубоко вниз. Ее дно скрывалось во мраке.

Командир корабля снял с себя крылья. Все сделали то же. Он наклонился и нажал маленькую кнопку у края трубы.

Прошло несколько секунд, и снизу беззвучно поднялась круглая плоская крышка. Она остановилась как раз у края колодца и так плотно закрыла отверстие, что неразлично слилась с поверхностью шара. Если бы не узкая синяя полоса, идущая по краю крышки, было бы невозможно найти ее.

Трое звездоплывателей стали на эту крышку и жестами пригласили Широкова присоединиться к ним. Очевидно, подъемная машина могла поднять одновременно только четырех человек. Три звездоплывателя и Ляо Сен остались наверху.

Крышка дрогнула и плавно опустилась вниз.

Кругом было совершенно темно. Высоко над головой виднелся светлый круг выхода. По его видимой величине Широков определил, что они опустились не меньше чем на десять метров. Это было уже близко к центру шара.

Машина остановилась без малейшего толчка. Раздался слабый свист, потом металлический звук, и темная заслонка, как показалось Широкову, над самой их головой закрыла колодец. Кусочек неба, видимый наверху, исчез.

Мрак еще больше сгустился. До сих пор Широков слабо, но все же различал черные тени своих спутников. Теперь и эти тени исчезли. Их окружала полная темнота.

Внезапно он почувствовал резкий и неприятный запах. Замкнутая со всех сторон кабина наполнилась каким-то газом. Стало трудно дышать.

Был ли это воздух Каллисто?..

Он не знал, что подумать. Мелькнула тревожная мысль: «Очевидно, эти существа не понимают, что мы не можем дышать таким воздухом, привычным для них».

Рука звездоплывателя коснулась его руки и сжала ее нежно, ласково, успокаивая...

И вдруг запах исчез. Воздух снова стал чистым.

Раздался мелодичный звон. Стенки кабины раздвинулись, и яркий свет на мгновение ослепил Широкова.

Открылась внутренность корабля.

Первое, что пришло ему в голову, было сознание, что он дышит воздухом чужой планеты. Вся процедура спуска доказывала, что звездоплыватели не допускали в свой корабль воздух Земли. Может быть, газ, наполнивший кабину, как раз и предназначался для того, чтобы каким-то образом уничтожить в ней земной воздух и заменить его своим?

«Но если это так, — подумал Широков, — то мы можем заразиться неизвестной на Земле болезнью, вдохнуть в себя неизвестный нам микроб, с которым наш организм не сумеет справиться».

Эта мысль мелькнула и тотчас же исчезла. Он чувствовал доверие к этим обитателям другого мира и подумал, что если бы существовала такая опасность, то они не допустили бы земных людей на корабль.

Он с любопытством осмотрелся.

Помещение, в котором он находился, представляло собой как бы внутренность граненого шара, перерезанного внизу плоскостью пола. Стенки этого шара состояли из правильной формы восьмиугольных панелей, сделанных из чего-то похожего на молочное стекло. Сходство со стеклом усиливалось тонкой металлической рамой или оправой, в которую были вделаны эти панели. Помещение имело пять или шесть метров в диаметре. Пол был сплошь металлический и состоял из ясно видимых

отдельных плит. В середине, на длинных и тонких металлических стержнях, уходящих в стены, висело что-то похожее на большой щит управления, какие Широкову приходилось видеть на электростанциях. Перед ним соединенное со стержнем, поддерживающим самый щит, находилось мягкое кресло совершенно «земного» вида. Никакой другой мебели в помещении не было. Пол проходил как раз под щитом, но, очевидно, не служил ему опорой.

В нескольких местах, наверху и почти у самого пола, были расположены источники света, закрытые выпуклыми матовыми стеклами или чем-то очень похожим на стекло.

Выйдя из кабины, они оказались на небольшой площадке с перилами. Вниз вела металлическая лестница. Напротив Широков увидел вторую такую же площадку и лестницу. Там, очевидно, была расположена другая подъемная машина, ведущая на поверхность шара.

Командир корабля жестом указал вниз. Широков спустился по лестнице. За ним последовали хозяева.

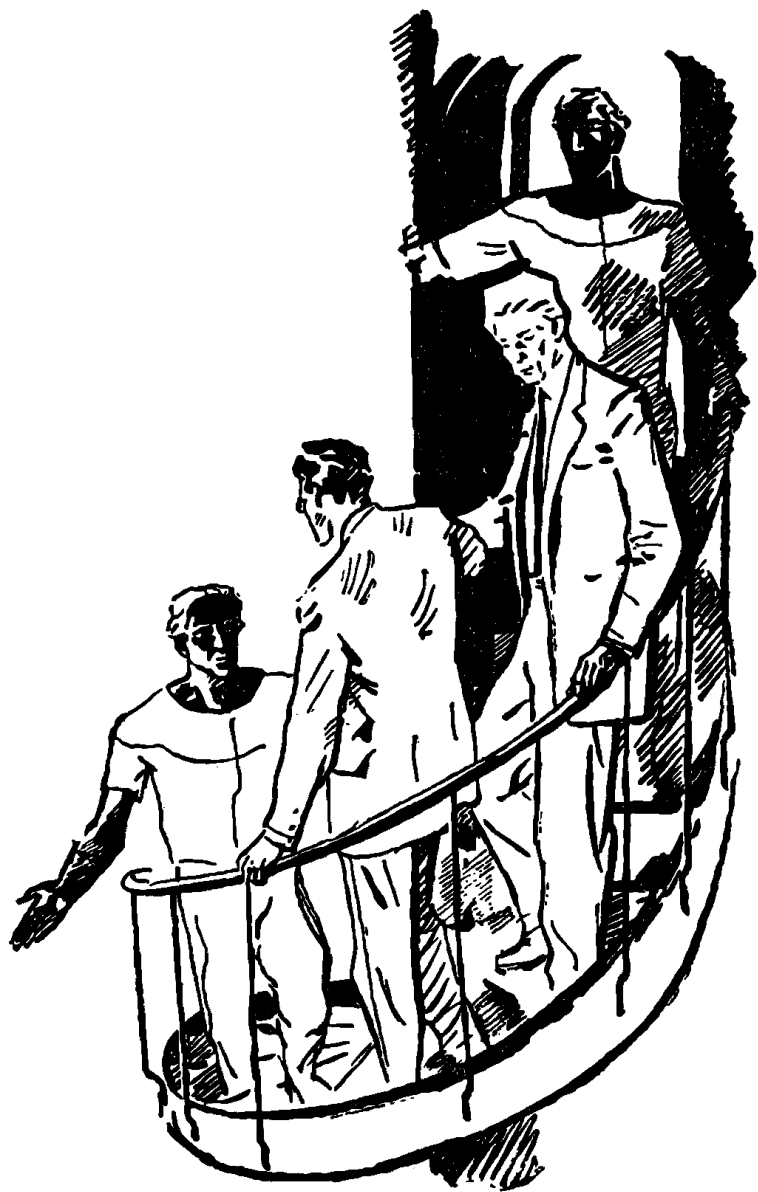
Они сняли с себя свои меховые комбинезоны и оказались в легких одеждах, сквозь которые просвечивали их черные тела.

Только сейчас Широков почувствовал, что внутри корабля было очень жарко. Он вспомнил, что, несмотря на знойный августовский день, звездоплаватели были очень тепло одеты. Сопоставив это с черным цветом их кожи, он предположил, что на неизвестной планете Каллисто, с которой прилетели эти люди, вероятно, значительно жарче, чем на Земле. (Это предположение впоследствии оказалось правильным.)

Он услышал, как снова опустилась подъемная машина и появились Ляо Сен и трое оставшихся с ним наверху звездоплавателей. Профессор без приглашения спустился по лестнице к Широкову.

— Что это за газ? — спросил он, кивнув головой назад, в сторону подъемной машины.

— Сам не знаю, — ответил Широков.

Три спутника Ляо Сена тоже сняли свои теплые одежды. На них были мягкие, разных цветов брюки, похожие на лыжные, с широкими поясами и легкие, почти прозрачные рубашки. Командир и еще два звездоплателя были в синих костюмах, один в темно-сером и двое в красных.

Помещение было шарообразным, но пол проходил гораздо ниже центра этого граненого шара, и боковые стенки подходили к нему наклонно, под очень тупым углом.

Неожиданно один из восьмиугольников, примыкавших к полу, сдвинулся, отошел назад, затем скользнул в сторону. Образовался люк. Снизу поднялись еще два звездоплателя, одетые в такие же костюмы: один — в серый, другой — в зеленый.

Значит, в экипаже корабля есть еще люди!.. Сколько же их скрыто в огромном корпусе звездолета?..

Тот, которого принимали за командира, указал на звездоплателя в сером:

— Дьень Сьиньгь!

Потом он протянул руку к другому, в зеленом костюме, и представил его:

— Рьигь Дьиегьонь!

Он обвел рукой окружающее пространство, словно охватывая весь корабль, потом опять указал на того же человека и снова повторил: — Рьигь Дьиегьонь. Широков и Ляо Сен поняли, что человек в зеленом был или командиром звездолета или его конструктором.

Они поклонились и назвали свои имена. Китайский лингвист произнес свое имя на манер гостей: «Ляо Сьень, — желая облегчить им произношение.

Широков, назвавшись, протянул руку. Он сделал это инстинктивно, и сразу понял, что такой обычай неизвестен гостям.

Ригь Диегонь улыбнулся и, не беря руки, обнял сначала Широкова, потом Ляо Сена. То же сделал его товарищ. Они были не молоды, с совершенно седыми волосами, явно старше остальных. Широков подумал, что им, вероятно, трудно пользоваться крыльями и что именно поэтому они не вышли из корабля.

Ригь Диегонь что-то сказал, и пятеро звездоплавателей один за другим спустились в люк и исчезли. Остались два старика и тот, которого принимали за командира.

Широкову захотелось узнать его имя. Он по очереди указал на вновь пришедших и повторил их имена. Потом указал на него и вопросительно замолчал.

Звездоплаватель понял. Приложив руку к груди, он сказал:

— Дьень Бьяиньинь!

Диегонь обратился к Широкову и, погладив его по плечу, руками изобразил крылья. Молодой ученый понял, что командир звездолета видел его полет и хвалит за смелость. Он вспомнил, что звездоплаватели каким-то образом видят сквозь стенки своего корабля, и ему захотелось узнать, как это делается. Но он не знал, как спросить. Несколько раз он показывал на свои глаза и затем на стены, но звездоплаватели не понимали. Они внимательно и серьезно наблюдали за его мимикой, но, очевидно, не могли догадаться, чего хочет от них человек Земли. Они о чем-то поговорили между собой, и Диегонь жестами пригласил Широкова и Ляо Сена идти за ним. Приходилось временно оставить вопрос о «глазах» звездолета и подчиниться желанию хозяев.

— Узнаем потом, — сказал Ляо Сен.

Диегонь подошел к восьмиугольному люку и спустился по маленькой, всего в четыре ступени, лестнице. Широков, Ляо Сен и два других звездоплавателя пошли за ним.

Они очутились в круглом коридоре, напоминавшем внутренность широкой трубы. Коридор, как оказалось, был устроен кольцом вокруг шарообразной комнаты. Бьяиньинь жестами объяснил, что такой же круглый коридор был еще и наверху.

Через каждые несколько шагов коридор был освещен такими же лампами, прикрытыми матовыми стеклами, как и центральный пост. (Шарообразная комната была явно тем помещением, откуда осуществлялось управление космическим кораблем в полете.) Пол был покрыт чем-то вроде резиновой дорожки. Широков наклонился и пощупал материал. Это была не резина.

Они прошли шагов двадцать. Диегонь остановился и нажал кнопку. В этом месте снова оказалась совершенно незаметная дверь.

Все двери и люки космического корабля были так тщательно пригнаны, что их трудно было заметить. Это было сделано с какой-то целью, но с какой, Широков не мог догадаться.

Подъемная машина, летательные аппараты, двери — все приводилось в действие при помощи кнопок. Они, очевидно, служили для включения электрического тока. Предположить на корабле существование электростанции было трудно. Ток, по-видимому, давали аккумуляторы.

«Здесь много интересного для Манаенко», — подумал Широков.

Оказавшаяся перед ними дверь вела в другой, узкий коридор с лестницей, круто поднимавшейся вверх. Лестница не была прикреплена к стенам.

Широков был мило знаком с вопросами звездоплавания, но его знаний было достаточно, чтобы догадаться: пол в центральном посту и эта лестница не являлись постоянными частями корабля. Они были нужны, вероятно, только тогда, когда звездолет находился в поле тяготения. Во время полета эти части были не нужны и, наверное, убирались.

Поднявшись по лестнице, они опять-таки оказались перед герметически закрытой дверью, которая открылась, когда нажали нужную кнопку.

Они вошли в небольшое, тесное помещение. Оно было полно толстых металлических труб, которые со всех сторон выходили из стен и оканчивались у массивного цилиндра — метра полтора в поперечнике. И цилиндр и трубы были сделаны из того же голубовато-белого металла, из которого состоял корпус корабля. Цилиндр уходил в противоположную стену.

Бьяининь, взяв у Широкова блокнот и карандаш, быстро нарисовал шар. Вокруг шара, со всех сторон, он изобразил звезды. Это явно означало: корабль в полете. Позади шара он нарисовал несколько длинных прямых хвостов, имевших вид пара. Потом он указал на цилиндр.

— Это двигатель, — сказал Ляо Сен.

— Да, это один из их двигателей, — ответил Широков.
— Корабль приводится в движение реактивной силой.

Бьяининь опять указал на цилиндр и несколько раз сжал и выпрямил пальцы обеих рук.

— Восемьдесят, — сказал Широков, — Неужели у них восемьдесят двигателей?

— Это не удивительно, — ответил Ляо Сен. — Корабль так велик, что для его полета нужна огромная сила. Он должен иметь возможность двигаться во все стороны. Вспомните черные отверстия, закрытые решетками. Это наружные отверстия дюз¹⁾.

По знаку Диегоня они снова спустились в круглый коридор.

На этот раз нужная дверь, вернее, люк, оказалась внизу, под полом. Бьяининь откинул «резиновую» дорожку и уже не кнопкой, а просто рукой поднял крышку этого люка. Здесь была не временная, а постоянная винтообразная лестница. Она уходила прямо вниз. Спустившись по ней, они очутились в небольшой, сплошь металлической комнатке с прямоугольными стенами, полом и потолком.

В одной из стен, в углублении, была дверь, которая открывалась обычным порядком, то есть при помощи кнопки. За этой дверью оказалась вторая. Обе двери были очень массивны.

За ними находилось помещение, занятое какой-то большой и сложной машиной. Так, по крайней мере, показалось Широкову и Ляо Сену. Внешне этот агрегат мало походил на машину. Не было заметно никаких движущихся частей. Тяжелые металлические щиты, скрепленные между собой болтами, составляли как бы кожух, под которым сквозь толстые узкие «стекла» виднелись металлические трубы. Две массивные рукоятки на длинных стержнях, какие-то трубочки с металлическими шариками в них были расположе-

1) Дюзы — выходные каналы, по которым истекают газы или поток частиц, служащие для получения реактивной тяги.

ны снаружи и ограждены легкой решеткой, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. В этом помещении пол был отнюдь не временный и состоял из разноцветных плиток, напоминающих керамику, образующих красивый, но непонятный узор.

Ляо Сен хотел подойти ближе к машине, но Диегонь остановил его и отрицательно покачал головой. Очевидно, нельзя было подходить. Они остались стоять у самой двери.

Диегонь протянул руку к машине, потом обвел ею круг и в заключение положил к себе на грудь с правой стороны. Что он хотел этим сказать, не поняли ни Широков, ни Ляо Сен.

По-видимому, звездоплаватели хотели, чтобы их гости как следует рассмотрели эту таинственную машину, потому что они около пяти минут не двигались с места.

Широков был уверен, что перед ними находится одна из самых главных, если не самая главная часть космического корабля. Выражение лица Диегоня, насколько он понимал его, показывало, что он демонстрирует людям эту машину с чувством гордости. Чем же он гордился? Конечно, техникой своей планеты! Техникой Каллисто!

На секунду Широков представил себе, что роли переменились. Вот он, командир советского звездолета, прилетевшего на другую планету, показывает ее обитателям чудесное творение человеческого гения, могучее создание мысли и воли человека Земли. Какое чувство испытывал бы он тогда?..

Он повернулся к командиру корабля: «Не его ли конструкции была эта машина?» — и, взяв его руку, крепко сжал ее. Жест был непонятен этому черному человеку, но чувство, побудившее к нему, он хорошо понял. Протянув руку, он длинными черными пальцами коснулся головы Широкова и погладил его по лбу. На серых губах появилась ласковая улыбка.

По той же винтовой лестнице они поднялись наверх и прошли опять в шарообразную комнату (Широков мысленно называл ее центральным постом.) Диегонь подошел к

пульту и сел в находящееся перед ним кресло. Положив руки на рукоятки, он обернулся к людям и снова улыбнулся.

Широков и Ляо Сен поняли, что им демонстрируют управление космическим кораблем в полете. Не имея возможности говорить с гостями, хозяева не могли объяснить яснее. Но и так все было достаточно понятно. Гостям показали двигатель, машину, которая чем-то была связана с ним, и в заключение место командира корабля. Но не управляют же звездолетом вслепую?..

Диегонь нажал какую-то кнопку на пульте.

Широков и Ляо Сен с изумлением увидели, что один из восьмиугольников, находящихся на уровне их глаз, вдруг потемнел, потом стал ослепительно белым. И все исчезло. В стене было окно.

Они видели всю панораму лагеря так ясно, как будто это было действительно сквозное отверстие. Изображение получалось объемным, цветным и создавало полную иллюзию прямой видимости.

Это был огромный экран телевизора, съемочная камера которого находилась, по-видимому, в стенке корабля, позади экрана.

Бьяининь дотронулся до руки Широкова, словно призывая к вниманию. И вдруг панорама лагеря дрогнула и стала медленно приближаться. Как будто космический корабль сдвинулся с места и поплыл к лагерю. Все ближе и ближе, и вот уже на всем экране видна только вершина березы. Каждая веточка, каждый листик казались столь близкими, что до них можно было рукой дотронуться.

И опять все поплыло, но уже в обратную сторону. Лагерь стал удаляться, пока не занял прежнего положения, соответствующего действительному расстоянию до него.

— Будущее нашего телевидения! — сказал Ляо Сен.

— Весь этот корабль — наше будущее, — отозвался Широков. — Мы находимся в мире будущего.

Диегонь нажал другую кнопку — и рядом с первым экраном появился второй. Вскоре все восьмиугольные панели, за исключением тех, которые находились позади

лестниц, и еще трех, очевидно, служивших дверями, превратились в экраны.

Бьянини погасил свет, и изображение приобрело еще большую четкость. Если у Широкова и Ляо Сена были какие-нибудь сомнения относительно природы этих «окон», то теперь они рассеялись: это было телевидение, но неизмеримо более совершенное, чем на Земле.

Корабль исчез. Они стояли на полу, висящем в воздухе. Кругом и над головой была решетка из металлических прутьев в виде восьмиугольных ячеек. А за ней расстился пейзаж, окружающий звездолет. Вверху ярко синело небо и нестерпимым блеском сияло солнце, заливая своим светом внутренность корабля. Солнечные лучи светили, но не грели, проходя через оптическую систему и провода, соединяющие съемочные камеры с экранами.

Тайна «глаз» корабля объяснилась просто и естественно: в наружных стенках помещались съемочные телекамеры, работающие автоматически и снабженные телеобъективами, силу которых можно было произвольно изменять с центрального поста.

— Артем Григорьевич с ума сойдет от восторга, — сказал Широков, когда экраны погасли и все приняло прежний вид.

— А вы еще не сошли? — улыбнулся Ляо Сен. — Я недалеко от этого.

По приглашению хозяев они опять прошли в круглый коридор, спустились по другой лестнице и оказались в комфортабельно обставленной комнате. Она была совершенно круглая. Но так же, как и в центральном посту, здесь был пол. Широков подумал, что он тоже, вероятно, временный.

В комнате было много мягкой мебели, по форме очень похожей на земную. На стене находился большой щит с многочисленными приборами, и это навело Широкова на мысль, что они попали в каюту командира звездолета.

Диегонь жестом пригласил всех сесть в кресла. Это было сделано совсем по-земному. Бьяининь и Синьг достали из шкафа (как иначе было назвать этот предмет, столь похожий на обыкновенный шкаф?) две большие книги, как показалось Широкову, в кожаных переплетах, положили их на стол и тоже сели.

Диегонь взял одну книгу и положил ее перед Широковым. Синьг положил другую перед Ляо Сеном.

Глубокое волнение охватило молодого ученого. Сейчас он увидит то, чего никогда еще не видели человеческие глаза...

Какие тайны откроются ему?

Он заметил, что у всегда невозмутимого китайского ученого заметно дрожала рука, когда он раскрывал книгу.

На первой странице (листы были плотны и толсты) Широков увидел... изображение космического корабля, на котором они находились. Это была, по-видимому, фотография.

Корабль стоял среди широкого поля, поросшего низкой оранжево-красной травой. Вдали виднелись какие-то здания. Около корабля не было ни одного человека. Над полем плыли облака, совсем такие же, как на Земле. Цвет неба был слегка желтоватым.

Оранжево-красная трава и желтое небо придавали пейзажу какой-то фантастический, неправдоподобный вид.

Широков пристально вглядывался в этот впервые увиденный человеком ландшафт чужой планеты. Красная трава могла быть следствием жаркого климата Каллисто, но почему небо было такого странного цвета? Чем это было вызвано?

Он перешел к следующей странице.

Это была схема... схема «солнечной» системы, к которой принадлежала планета Каллисто. Рисунок был в точности такой, какие неоднократно видел Широков в книгах по аст-

рономии, где изображалась наша солнечная система. Так же в центре схемы находилось «солнце» и вокруг него орбиты планет.

Их было двенадцать. Четвертая была обведена красным кружком, и Широков понял, что это и есть Каллисто. Седьмая планета, как маленькое солнце, была окружена пятью орбитами спутников и напоминала Широкову Юпитер. На схеме виднелись какие-то непонятные значки, которые, по всей вероятности, представляли собой цифры.

Следующий рисунок опять изображал корабль, летящий среди звезд. Зеленая пунктирная линия шла от одной из них к другой. Узоры созвездий были совершенно незнакомы Широкову.

«Это все надо показать Семену Борисовичу», — подумал он.

На следующем листе опять было изображено звездное небо с летящим по нему кораблем. Но созвездия были уже знакомыми. Зеленая пунктирная линия отсутствовала. Широков узнал созвездия Большой Медведицы, Ориона, Лебедя и некоторые другие. Одна из звезд была обведена красным кружком. Это было «солнце» Каллисто, но какая это была звезда, он не знал. Заметив, что Ляо Сен рассматривал тот же рисунок (книги были совершенно одинаковы), он спросил у него, что это за звезда, но китайский ученый не смог ответить на его вопрос: он знал астрономию не лучше Широкова.

Как жалко, что с ними не было Штерна или Синяева. Интересующий весь мир вопрос, откуда прилетел корабль, был бы уже выяснен.

Дигонь указал на обведенную кружком звезду, потом на себя и Бьяининя. Широков кивнул головой.

Да, эта звезда была центральным светилом той системы, с которой прилетел звездолет.

В эту минуту Широков проклинал себя за то, что недостаточно интересовался астрономией. Как он был глуп!

Но загадка оставалась загадкой, и волей-неволей приходилось перейти к следующей странице.

Перевернув лист, Широков замер: это была фотография... но какая!

Не раз люди пытались представить себе, как выглядит их планета со стороны, из мирового пространства. В любой астрономической книге можно встретить описание фантастической картины — Земля в пространстве!

И вот перед глазами Широкова была его родная планета, сфотографированная с расстояния многих тысяч километров. На фоне звездного мира висел голубоватый, белесый диск, окруженный словно прозрачной дымкой, сквозь которую смутно проступали очертания Северной Африки, Средиземное море и южные берега Европы. Характерный «сапог» Италии, нацелившийся своим носком в «футбольный мяч» Сицилии, не оставлял никаких сомнений, что это была Земля, а не другая какая-нибудь планета.

Эта фотография, которую, несомненно, удастся размножить, станет уникальным сокровищем, пока люди Земли сами не научатся летать в межпланетных просторах и не смогут получить другую, подобную этой.

Широков с трудом заставил себя перейти к следующей странице.

Пережитое им волнение при виде Земли, снятой из точки, находящейся вне ее атмосферы, было так сильно, что рисунок, помещенный на очередном листе, почти не поразил его, хотя сам по себе он мог поразить кого угодно.

На нем он увидел звездолет, стоявший... у лагеря!

Рисунок был прекрасно выполнен. Палатки, одинокие березы, дорога, на которой опустился шар, все мелкие подробности местности были изображены в красках рукой хорошего художника.

Да, это была не фотография, а рисунок, выполненный от руки. Значит, на корабле есть художник!

Просмотренные пять страниц изображали путь звездолета от старта до финиша. Что могло быть дальше?

Следующая страница пестрела математическими формулами. Значки были чужды и непонятны, но это была математика. Широков без труда узнавал характерные линии геометрических фигур. Они были такими же, как на Земле.

Но разве могло быть иначе? Математика всюду одинакова. Это наука общая для всей Вселенной.

«Наши математики Штерн и Синяев легко разберутся в этих страницах», — подумал Широков и невольно вздохнул: для него эти значки были совершенно непонятны.

Шестнадцать листов подряд были посвящены математике. Очевидно, ученые Каллисто при ее помощи надеялись быстрее найти общий язык с обитателями других миров. Эта книга доказывала их уверенность в том, что они встретят обитаемые планеты на своем пути.

Что подумали звездоплаватели, видя, как их гости равнодушно перевернули эти страницы? Может быть, они были глубоко разочарованы?..

Внешне они ничем не выдали своих чувств.

После математических страниц началась... азбука!

Это явно была она! На каждом листе были крупно изображены две буквы.

Ляо Сен встрепнулся и впился глазами в эти непонятные знаки: это была его область.

Диегонь встал и локтями оперся на стол.

Широков видел перед самыми глазами его лицо, черное, морщинистое лицо с серыми губами и неестественно (если в природе может существовать что-нибудь «неестественное») длинными глазами.

Бьяининь указал на первую букву и произнес звук «Ль». По укоренившейся привычке Широков ожидал услышать «А», но азбука Каллисто, очевидно, начиналась с согласных букв.

Он вынул блокнот и хотел срисовать значок, изображавший букву «Л», но Диегонь остановил его руку. Он указал на книгу, предлагая в ней нарисовать земное обозначение этой буквы. То же самое предложил Синьг Ляо Сену.

Люди поняли, что хозяева хотят обменяться азбукой. Это был первый взаимный урок языка. Теперь стало понятно, почему была не одна, а две книги. Одна предназначалась людям, вторая — звездоплывателям.

Ляо Сен предложил Широкову, умевшему неплохо рисовать, взять на себя книгу хозяев. Молодой медик тщательно вычертил рядом с «Ль» Каллисто земное «Л» (в русском начертании).

За «Л» последовало «Д».

В языке гостей оказались все буквы русского алфавита, за исключением «Ш», «Щ» и «Ч». Незнакомых Широкову звуков не было совсем.

Это облегчало людям изучение языка Каллисто, но затрудняло звездоплывателям изучение русского языка.

Широков решил во что бы то ни стало овладеть языком гостей.

Это намерение совпадало с его тайными мыслями, которые еще более настойчиво осаждали его после того, как он увидел каллистян и убедился, что они такие же люди, как он

сам, правда, черные и с несколько иными чертами лица, но все же самые настоящие люди. Он понял в этот момент, что его неожиданная для него самого храбрость, когда ему предложили подняться на крыльях, объяснялась той же причиной, о которой он все же боялся думать определенно.

Книга (точнее говоря, альбом) заканчивалась азбукой. Это было пособие для облегчения первого знакомства, и только.

Когда последняя русская буква — «Ж» — была нарисована в альбоме, Бьяининь встал и торжественно передал его Ляо Сену. Второй альбом, с изображением русских букв, он прижал к груди.

Первый урок был окончен.

Широкову и Ляо Сену очень хотелось увидеть другие книги и фотографии, не имевшие «учебного» характера, но хозяева, очевидно, решили, что на первый раз вполне достаточно.

Они опять перешли в центральный пост. Сквозь «окна» Широков увидел, что возле корабля стоят Куприянов, Штерн и два звездоплывателя, оставшихся в лагере.

Пора было покидать корабль.

Сколько времени они пробыли в нем, Широков не знал. Может быть, прошел час, а может быть, десять. Время пролетело незаметно.

На этот раз кабина подъемной машины не наполнялась никаким газом. Он, очевидно, был нужен только при входе. Диегонь попрощался с гостями у подножия лестницы. Бьяининь и Синьг проводили их наверх.

Оказавшись снова на вершине шара, Широков обратил внимание, что вокруг корабля не было прежней толпы: она успела разойтись. Даже с высоты тридцати метров никого не было видно. Это доказывало, что они пробыли на корабле довольно долго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАЛЛИСТЯНЕ

Под светом Рельоса

«Когда великая Сотис блистает на небе, Нил выходит из своих берегов». Такую надпись сделали древние египтяне на фронте одного из храмов.

Сотис — звезда Нила!..

Она имела огромное значение для Египта.

В то время еще не существовало календаря и люди не умели определять времена года.

Веками разливы Нила заставляли земледельцев врасплох, причиняли страшные бедствия. Египтяне не знали, как предвидеть эти разливы, как заранее и своевременно предсказывать их.

Плодородие полей зависело от Нила. Он давал жизнь Египту, но он же был и коварным врагом. Определять начало разливов было необходимо.

Египет остро нуждался в предсказателе, и в конце концов его нашли... на небе!

Люди наконец заметили, что разливу Нила всегда предшествует появление одной и той же блестящей звезды. Сверкая в лучах утренней зари, она как бы предупреждала о грозящей опасности.

Египтяне называли эту звезду «Сотис». Ее считали божеством, в ее честь строили храмы, ей поклонялись, ей приносили жертвы.

Сотис — великая и добрая покровительница Египта!

На заре цивилизации звезда Сотис способствовала возникновению египетской астрономии.

Ее знали не только в Египте.

Древние греки называли ее «Сейриос», римляне — «Сириус», что, значит «Блистающий».

Под этим названием она и вошла в современную астрономию.

Сириус — самая блестящая звезда на небе Земли. В северном полушарии, в частности в СССР, она видна зимой, на южной стороне горизонта, в созвездии «Большого Пса». Даже красавица северного неба — Вега, голубым бриллиантом сверкающая почти в зените, не может соперничать блеском с Сириусом.

Сириус — один из ближайших соседей нашего Солнца. Из видимых простым глазом звезд только «альфа Центавра» находится ближе к нам.

Ближайший сосед!..

Эти слова, когда речь идет об астрономии, имеют несколько иное значение, чем в обиходном разговоре. «Ближайший сосед» находится от нас на расстоянии 8,6 световых лет!..

Это значит, что свет Сириуса, пролетая триста тысяч километров в секунду, доходит до Земли только через восемь лет и семь месяцев!

Трудно представить себе подобную «близость»!

Но все же Сириус имеет полное право называться «близким»: другие звезды находятся гораздо дальше.

Солнце — звезда желтая, Сириус — белая. Температура Сириуса гораздо выше солнечной. Он светит абсолютно в 17 раз ярче Солнца и в 2 раза превосходит его по диаметру!

В 1862 году у Сириуса был обнаружен спутник, предсказанный за восемнадцать лет до этого астрономом Бесселем на основании математического исследования движения Сириуса в пространстве. Этот спутник необычен.

Названный «Сириус-В», он очень невелик. По размерам он только в три раза больше Земли, но, несмотря на это, оказывает заметное влияние на движение своего гигантского «солнца». Под воздействием притяжения маленького спутника Сириус уклоняется от прямого пути. Это может

произойти только в том случае, если масса спутника очень велика.

Так и оказалось.

Сириус-В, имеющий всего сорок тысяч километров в диаметре, по массе почти равен (0,8) нашему Солнцу! Это доказывает невероятную плотность вещества, из которого он состоит. До того как был открыт Сириус-В, физики не подозревали о существовании в природе веществ, в пятьдесят тысяч раз более плотных, чем вода.

Сперва это казалось необъяснимым. Подобная плотность «противоречила законам природы»...

Но законам природы нельзя противоречить.

Люди проникли в тайны атома, и то, что казалось невозможным, стало легко объяснимо. Загадка Сириуса-В была раскрыта наукой.

Итак, солнце Сириус имел спутника! Но есть ли у него другие спутники, другие планеты?

На этот вопрос астрономия не могла ответить. Планеты сами не светятся. Они освещаются своим «солнцем». (Сириус-В был усмотрен в телескоп только потому, что светится сам.) На исполинских расстояниях, отделяющих звезды друг от друга, при современном состоянии оптической техники нельзя увидеть слабый, отраженный свет планет. Их присутствие можно только подозревать.

И астрономия подозревала, даже больше, была уверена, что не только наше Солнце имеет планетную систему, что планеты — это обычное явление в мире звезд. Но подозревать и даже быть уверенными — это все же не то, что доказать.

А доказательства, которое убеждало бы всех, не было.

Множественность планетных систем и логическое следствие из него — множественность обитаемых планет — оставались заманчивой, красивой сказкой.

Но сказка стала былью.

Прилетел космический корабль! Обитатели другого мира ступили на Землю. И они оказались людьми!

Много раз писатели-фантасты пытались изобразить жителей других миров. Но странно! Все, за редкими исключениями, рисовали образы существ, не имеющих ничего общего с человеком Земли.

Чем это было вызвано? Может быть, подсознательное, веками укоренявшееся в голове убеждение, что ТАКОГО человека, как на Земле, не может быть нигде в другом месте, мешало этим писателям понять ту простую истину, что человек есть продукт развития живого существа, приспособившегося к труду. Формы человеческого тела — это результат длительной эволюции, протекавшей в борьбе с природными условиями жизни, существующими на Земле, и что везде, где эти условия сходны с земными, везде, где развитие материи привело к появлению разумного существа, этот процесс может идти сходным путем и привести к появлению существа, хорошо приспособленного к трудовой деятельности. Тело человека создано природой, а природа всегда идет по самому естественному, самому простому пути.

И на четвертом спутнике Сириуса, названном его обитателями Каллисто, природные условия оказались сходными с природными условиями Земли, и это привело к тому, что человек Каллисто оказался почти тождественным человеку Земли.

Эволюция шла одним путем, и результат оказался одинаковым.

Можно ли этому удивляться?

— Человек мыслит консервативно, — сказал Штерн. (Хотя в своих книгах он всегда удивлял научный мир смелостью суждений.) Я был убежден, что звездолет прилетел с «альфы Центавра», и только потому, что это ближайшая к нам звезда. Сириус мне даже в голову не приходил.

Прошло уже три дня после выхода из корабля его экипажа. За это время члены научной экспедиции и иностранные ученые побывали на звездолете, а гости, которых оказалось двенадцать человек, почти все время проводили в лагере. Вызванный вертолет удобно и просто доставлял ученых на вершину шара и обратно. Его услугами пользовались и гости.

В лагере привыкли к внешнему виду гостей, и их появление уже не вызывало острого любопытства.

С помощью жестов и рисунков ученые обеих планет уже сумели кое-что узнать друг о друге. Стало известно, что в экипаже корабля имеются астрономы, медики, биологи и инженеры. Удалось добиться полного взаимопонимания и в вопросе о том, чей язык будет изучаться, — Земли или Каллисто. Решили, что люди научатся говорить на языке гостей, так как, во-первых, этот язык был проще, а, во-вторых, твердые звуки оказались совершенно непригодными для каллистян.

Кроме того, не могли же каллистяне изучать все языки Земли. На Каллисто, как объясняли гости, уже давно был один язык. Вообще, разговаривая с ними на «мимическом языке», Куприянов убеждался в том, что умственное развитие жителей Каллисто так же перегнало людей Земли, как и их техника. Совершенно не зная Земли и не имея никакого понятия о жизни на ней, каллистяне, казалось, понимали все, что им показывали и объясняли с помощью рисунка и мимики.

Лежнев и Ляо Сен целые дни проводили на корабле и под руководством Бьяиния и Вьеньяна (это было имя одного из астрономов корабля) энергично и настойчиво старались как можно быстрее овладеть языком и получить возможность обстоятельно побеседовать с гостями. Не приходится говорить, что все члены научной экспедиции, да и гости с большим нетерпением ждали конца этой работы.

К удивлению Куприянова, Широков присоединился к лингвистам и изучал язык гостей с таким усердием, что Лежнев был от него в восторге.

— У вас большие способности к изучению языка и прекрасная память, — говорил он молодому медику. — Вам следовало бы быть лингвистом.

— Жена не позволила, — отшучивался Широков, который никогда женат не был.

У него была тайная причина, почему он хотел научиться говорить «по-каллистянски», но он никому не сообщал об этом.

Даже Лежневу и Ляо Сену, имевшим большой опыт изучения языков, язык Каллисто казался очень трудным, главным образом из-за совершенно необычного произношения. Грамматика была очень проста, и успех зависел только от памяти, но каждое слово было так чуждо земному слуху, так непохоже на слова любого земного языка, что даже вначале, когда они изучали только имена существительные, им иногда казалось, что эта задача не по силам. Что будет, когда придется перейти к понятиям, они себе плохо представляли. Но добиться успеха было совершенно необходимо. Только Широков ни минуты не сомневался и своей уверенностью заражал товарищей.

— Он действует на меня, как катализатор, — говорил Лежнев Куприянову. — Ваш Петр Аркадьевич — золото, а не человек! С ним все кажется легким.

— Да, он очень способный, — отвечал профессор.

Помимо вполне понятного желания ускорить возможность обмена мыслями, была еще одна причина торопиться с изучением языка. Диегонь сумел объяснить Куприянову, что звездолет пробудет на Земле не более ста дней. За это время надо было успеть показать гостям жизнь Земли.

Широков с головой ушел в работу. Он все время занимался зазубриванием слов. Даже обедая или ужиная, клал перед собой тетрадь и без конца повторял одно и то же слово, добиваясь правильного произношения.

Книга-альбом, принесенная с корабля в первый день посещения его людьми, была уже тщательно изучена. Ее математические страницы, непонятные для Широкова и Ляо Сена, были легко «расшифрованы» Штерном и Синяевым.

Кроме того, что звездолет прилетел с планетной системы Сириуса, люди узнали много других интересных подробностей.

Сириус, или, как называли его каллистяне, Рельос, имел двенадцать спутников, двенадцать планет, обращающихся вокруг него. Четвертой из них была Каллисто. Вокруг нее обращались две «луны», по размерам почти равные спутнику Земли. Две луны! Можно было представить себе, как светлы и красивы ночи на Каллисто!

Седьмой планетой был тот самый Сириус-В, который впервые указал земным ученым на существование в природе сверхтяжелых веществ. Притяжение этого «белого карлика»¹⁾ оказывало заметное влияние на путь Каллисто в пространстве, и планета совершала свой оборот вокруг Сириуса по странной, волнистой орбите.

Выяснилось, что Каллисто — очень жаркая планета. По земному, средняя температура на ее поверхности равнялась пятидесяти пяти градусам. Планета находилась от своего «солнца» втрое дальше, чем Земля от своего, и ее «год» равнялся почти ровно двум земным годам. Эксцентриситет²⁾ Каллисто был очень мал — 0,0022, то есть планета двигалась по орбите, совсем мало отличающейся от окружности.

Несомненно, это обстоятельство способствовало ровности ее климата. Еще большее влияние оказывал малый угол наклона ее оси к плоскости эклиптики. Он был равен всего трем градусам двадцати минутам³⁾.

Это означало, что на родине звездоплавателей не было смены времен года. На Каллисто было всегда одно и то же время года, в зависимости от широты места.

По своим размерам Каллисто была почти равна Земле. Ее диаметр составлял 12 900 земных километров и был, таким образом, только на 143 километра больше земного. Ускорение силы тяжести тоже было почти такое, как на Земле, и равнялось $10 \text{ м}^2/\text{сек}$.

По книгам, которые в большом количестве находились на корабле, было видно, что на планете богатая растительность, в общем похожая на растительность тропического пояса Земли. Но цвет ее был оранжево-красным. Подобно то-

1) Белый карлик — название, присвоенное в астрономии белым звездам, имеющим небольшие размеры и значительную плотность.

2) Эксцентриситет — отношение расстояния между фокусами к длине большой оси у эллипса. Эксцентриситет Земли — 0,01673.

3) Наклон оси Земли — $23^{\circ}27'$.

му, как на Земле встречались растения, имевшие такую же окраску, как на Каллисто, на ней самой были растения зеленого (в умеренном поясе) и даже голубого (в полярных областях) цвета.

Отличительной особенностью растений Каллисто была небольшая высота. Она не превышала четырех — пяти метров.

Животный мир Каллисто был очень разнообразен. На суше, в воде и в воздухе обитало бесчисленное количество живых существ. Цветные рисунки, изображавшие обитателей планеты, занимали четыре толстых альбома.

Лебедев, Маттисен и Линьелль целыми днями просиживали над этими книгами.

Рыбы и птицы были поразительно похожи на соответствующих обитателей Земли. Биологов это не удивило: вода и воздух на Каллисто были такими же, как на Земле, и природа должна была создать именно такие существа, форма тела которых наилучшим образом была приспособлена к движению и жизни в воздушной и водной среде. Но «похожие» — это не значит «такие же». Линьелль — специалист по ихтиологии — не нашел ни одной рыбы, которую можно было бы классифицировать по земной классификации. Они были похожими, и только. Это были рыбы и птицы Каллисто, а не Земли.

Наибольшая разница замечалась среди позвоночных животных. Тут было много видов, не имевших, казалось, ничего общего с земными. Животные с длинной шерстью попадались редко. Такими были небольшой зверек, похожий на очень длинную лисицу, и причудливый зверь на шести ногах, напоминающий ящерицу, с ярко-красным мехом, но величиной с гиппопотама.

Наибольший интерес вызвали у всех фотографии и рисунки населенных пунктов Каллисто. На планете было много городов, расположенных преимущественно по берегам морей и океанов. Чего-нибудь похожего на наши села, деревни или небольшие городки ни в книгах, ни на картах не было. Действительно ли их совсем не было или каллистяне

не считали нужным показывать все, пока оставалось неизвестным.

Архитектура зданий напоминала строения древнего Египта. Плоские крыши со статуями, широкие террасы и длинные, спускающиеся к воде лестницы служили постоянными украшениями домов.

Своеобразный вид придавали зданиям очень широкие и высокие окна, не имевшие ни рам, ни стекол. Их обитатели не знали холода. Мягкие портьеры, окрашенные в самые разнообразные цвета, заменяли двери. Все города утопали в густой листве садов и парков желтого, красного и оранжевого цветов.

На планете было два обширных материка, разделенных широким, километров в триста, морским проливом. Оба они лежали в поясе экватора. По площади каждый из этих материков равнялся приблизительно Африке. Все остальное пространство занимали океаны, среди которых было разбросано несколько архипелагов небольших размеров. Ракетодром, с которого взлетел корабль, был расположен на одном из островов. Фотография именно этого острова и была помещена в первом альбоме.

На звездолете оказалось много технических книг, но, к великому сожалению Смирнова и Манаенко, без объяснений инженеров корабля в них невозможно было разобраться. В этом отношении приходилось запастись терпением.

И еще одно замечательное обстоятельство выяснилось из тех страниц альбома, которые были заняты математикой.

Звездолет летел от Рельоса к Солнцу **ОДИННАДЦАТЬ ЗЕМНЫХ ЛЕТ!**

Одиннадцать лет пребывания на корабле, во мраке и холоде межзвездного пространства — это казалось просто невероятным. Но этот научный подвиг был совершен экипажем звездолета. Обратный путь тоже должен был отнять одиннадцать лет! Двадцать два года жизни отдали эти люди для выяснения вопроса, есть ли жизнь на соседних планетных системах.

Это было замечательное доказательство того, что научная любознательность свойственна всем разумным существам Вселенной.

Двенадцать героев, в самом полном смысле этого слова, прилетели на Землю. Они не испугались ни опасностей долгого пути, ни отрыва на долгие годы от жизни своей родины — ничто их не остановило! Жажда знания, желание расширить научный кругозор, ненасытное любопытство ученых влекли их вперед.

И они были вознаграждены за свой героизм.

Все, на что они надеялись, все, чего так страстно желали, свершилось: на пути звездолета попалась планета, населенная разумными существами!

Трудно представить себе то чувство, которое испытали они, когда, подлетев к Земле, убедились, что их цель достигнута. Это была прекрасная награда.

Почти год звездолет летел с ускорением. Оно равнялось десяти метрам, то есть было равно обычному ускорению силы тяжести на Каллисто. Такое же время должно было занять и замедление скорости при подходе к Солнцу. Остальные девять лет корабль летел по инерции со скоростью **ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ**.

Чудовищная скорость, близко подходящая к скорости света!

В «иностранном лагере» собралось очень много ученых почти всех стран мира. Работать им всем непосредственно на корабле было невозможно. Поэтому на ученом совете приняли решение, что изучение каллистянских материалов на месте будет проводиться только советскими учеными, Маттисеном и Линьеллем, которые должны были ежедневно докладывать обо всем, что узнают, ученому совету, количество членов которого достигало семидесяти человек. Ляо Сен, свободно владевший многими языками, взял на себя задачу знакомить желающих с каллистянским языком, по мере того как сам овладевал им. Желающих набралось более тридцати человек, и китайскому лингвисту предстояла нелегкая задача.

В обоих лагерях с раннего утра до поздней ночи кипела работа.

Штерна и Синяева в особенности заинтересовала оптика звездолета. Система телескопов была совсем иной, чем на Земле. Насколько можно было понять из объяснений Вьенья, оптика каллистян основывалась на амплитудном усилении световых волн, что было совершенно новым принципом, неизвестным земным оптикам.

Внешний вид телескопов также совершенно не был похож на земные инструменты. Не было привычной трубы. Объективы соединялись проводами с каким-то очень сложным прибором, откуда, опять-таки по проводам, изображение передавалось в глазок окуляра. Увеличение этих «телескопов» было во много раз более сильным, чем у самых мощных земных.

Занимаясь вопросами оптики, Синяев совершенно случайно наткнулся на чрезвычайно важный и интересный факт: трехцветная теория зрения была найдена учеными Каллисто приблизительно двести лет назад (по земному счету), то есть тогда же, когда на Земле эта теория была высказана Ломоносовым¹⁾.

Это показывало, что в некоторых отношениях наука обеих планет, находящихся так далеко друг от друга, шла одним путем и, по крайней мере, в прошлом, одновременно делала свои открытия.

Сообщение Синяева вызвало оживленную дискуссию: почему же сейчас наука Каллисто так далеко ушла вперед? Что послужило столь мощным толчком к ее развитию?

— Мне кажется несомненным, — заявил на одном из собраний ученых академик Штерн, — что на Каллисто не только наука, но и общественное устройство было в прошлом таким же, как на Земле, или очень похожим. Наличие

1) Трехцветная теория зрения впервые была высказана Ломоносовым в 1756 году. Заключается в том, что в сетчатой оболочке глаза имеются три вида воспринимающих аппаратов — рецепторов, каждый из которых чувствителен к одному из трех основных цветов спектра — красному, желтому или синему.

классов и подчинение науки классовым интересам так же, как у нас, тормозило ее развитие, Каллистяне, очевидно, изменили у себя общественный строй, создали условия для свободного творчества, свободного занятия наукой широчайших масс населения планеты. И мы видим результаты освобождения мысли от классовых оков.

— Вы хотите сказать, что на Каллисто полный коммунизм? — ироническим тоном спросил его один из иностранных ученых.

— Вашими устами глаголет истина, — ответил Штерн.

Инженеры встретили на звездолете еще большие трудности, чем другие ученые. Космический корабль был сплошной технической загадкой.

В нижней части корабля находилось его «сердце» — какой-то очень сложный агрегат, отдаленно напоминающий атомный реактор. Отсюда по специальным трубам (только с натяжкой их можно было назвать «трубами») неведомая энергия поступала в каждый из двигателей, воспламенялась и производила взрывы чудовищной силы. Следуя друг за другом со скоростью пятидесяти пяти взрывов в секунду, они создавали страшное давление, толкавшее корабль в сторону, противоположную открытым отверстиям дюзов.

Пуская в ход различные двигатели, равномерно расположенные по всей поверхности звездолета, можно было двигаться в любом направлении.

Как было уже известно, корабль летел с ускорением, то есть с работающими двигателями, почти год при начале полета и столько же во время торможения. Стенки дюзов должны были все это время выдерживать колоссальное давление и огромную температуру. Они были сделаны из того же металла, что и корпус корабля.

Этот сплав по прочности превосходил все известные на Земле сорта брони. Он отличался еще и исключительной жароупорностью. Температура плавления этого металла при нормальном давлении равнялась одиннадцати тысячам градусов, то есть значительно превосходила температуру плавления самого жароупорного материала на Земле — вольфрама.

По мнению Аверина, вольфрам, безусловно, входил составной частью в этот сплав,

Каллистяне очень охотно показывали и объясняли все, что интересовало земных ученых. Они совершенно не пытались скрыть какие-нибудь «секреты» и, как могли, помогали понять устройство двигателей и принципы их работы. Даже в помещение «атомного котла» (его называли так потому, что не нашли другого подходящего названия), являвшегося самой ответственной частью звездолета, они свободно допускали всех желающих.

Было ли это следствием их уверенности, что агрегат нельзя испортить или такая возможность даже не приходила им в голову, но они нисколько не боялись земных людей и с полным доверием относились к ним.

Они не могли не понимать, что если выйдет из строя «сердце» их корабля, они теряют возможность вернуться на родину. И, несмотря на это, не только не препятствовали Смирнову и Манаенко в их желании изучить работу этого «сердца», но даже часто на целые часы оставляли их одних.

Эта детская доверчивость, с земной точки зрения граничащая с беспечностью, очень беспокоила полковника Артемьева, и он часто обращался к Куприянову с просьбой ограничить число лиц, посещающих корабль.

— Вы уже достаточно хорошо познакомились с этим самым «котлом», — сказал Смирнову Куприянов, пытливо всматриваясь в лицо профессора. — Скажите, Александр Александрович, можно вывести его из строя?

— Можно.

Куприянов нервным движением потер руки.

— Так зачем же, скажите на милость, они разрешают вам возиться у этого «котла»?

— Они нам верят. Конечно, рассуждая со стороны, они слишком доверчивы, порой кажутся даже наивными. Семен Борисович как-то сказал, что, по его мнению, эти люди привыкли к поведению и морали коммунистического общества. Если это так, то для них должны быть совершенно непонятны такие вещи, как диверсия.

— Зато эти, как вы выражаетесь, «вещи» должны быть хорошо понятны вам. Я очень прошу, Александр Александрович, никого не допускать к «котлу».

— Как, даже Артема Григорьевича?

— Нет, Манаенко я не имею в виду, — ответил Куприянов. — Но вот, например, Ю Син-чжоу? Почему он постоянно бывает на корабле вместе с вами? Что ему надо у «котла»?

— То же, что и нам. Старается изучить его. Разве вы не знаете, что Ю Син-чжоу не всегда был журналистом? По специальности он инженер.

— Я не знал этого, — нахмурившись, сказал Куприянов.

— Он сам рассказал мне свою биографию, — продолжал Смирнов, — когда я заинтересовался происхождением его технических знаний. Если вы требуете, я не буду брать его с собой.

Постепенно Петр Аркадьевич Широков стал неизменным переводчиком при всех беседах. Его успехи были так велики, что он теперь занимался языком отдельно от своих товарищей, далеко опередив их. Было очевидно, что в скором времени он сможет свободно говорить с каллистянами на любую тему. Лежнев и Ляо Сен были вынуждены признать, что они, несмотря на весь свой опыт, не в состоянии угнаться за молодым медиком, обнаружившим неожиданно для самого себя, что изучение языка Каллисто не доставляет ему почти никаких трудностей.

Неожиданные способности Широкова были очень счастливым обстоятельством. С его помощью выяснилось много подробностей прилета космического корабля на Землю.

Если планетная система Солнца имела только одну населенную разумными существами планету — Землю, то система Сириуса — Рельоса имела их две. Кроме Каллисто, еще на одной планете были люди, правда, стоявшие на низкой ступени развития, но все же люди, разумные существа, знакомые с орудиями труда, огнем и обладавшие членораздельной речью.

Звездолеты Каллисто только недавно побывали на этой планете, и сделанное ими открытие произвело переворот в мыслях каллистян. До этого они склонялись к тому, что Каллисто — исключительное явление в природе. Большинство ученых придерживалось той точки зрения, что жизнь — это своего рода «болезнь» планеты, что нормальное состояние небесного тела исключает возможность жизни.

Этот глубоко ошибочный взгляд (на Земле он тоже существовал, его сторонником был английский астроном Джинс) тормозил развитие научного мировоззрения на планете, и с ним долгие века боролись лучшие умы Каллисто. Все это чрезвычайно напоминало не прекратившуюся до сих пор борьбу идеализма с материализмом на Земле.

Открытие населенной планеты по соседству с ними заставило каллистян пересмотреть свои взгляды на сущность жизни и послужило мощным толчком к организации полета к Солнцу.

Ригь Диегонь — инженер и крупнейший теоретик звездоплавания — еще до открытия разумного населения на соседней планете был ярким сторонником полета к Солнцу и работал над проектом звездолета, но его идея не встречала сочувствия, и только после того, как наука получила доказательство существования жизни на других мирах, он смог, наконец, осуществить свою долголетнюю мечту.

К этому моменту он был уже стар (на Каллисто средний возраст человека равен восьмидесяти — ста годам), но это его не остановило. Он был великим энтузиастом науки.

Первой планетой, обнаруженной звездоплавателями в «окрестностях» Солнца, была Венера. Корабль проник под ее облачный покров и встретил там богатую растительность такого же цвета, как на Каллисто. Животной жизни на планете не оказалось.

Это было сенсацией. Астрономы Земли только подозревали существование на Венере растительной жизни, а многие из них считали, что ее нет. Фотографии пейзажей Венеры, оказавшиеся на звездолете, рассматривались Штерном и другими учеными с величайшим вниманием. Это было такое научное сокровище, значение которого трудно было переоценить.

Убедившись, что на Венере нет разумной жизни, каллистяне стали искать другие планеты. Они скоро нашли планету Юпитер, но, учитывая ее величину и отдаленность от Солнца, решили, что на ней жизни быть не может. Диегонь и Веньянь считали, что бесполезно искать разумную жизнь на большом расстоянии от Солнца, и звездолет три месяца обследовал пространство между орбитами Венеры и Земли, о существовании которой они долго не подозревали.

Не находя никакой планеты (Марс остался так и не замеченным ими), каллистяне решили, что система Солнца

гораздо беднее планетами, чем система Сириуса. С чувством глубокого разочарования они собирались отправиться в обратный путь.

Найти Землю помогла случайность. Желая точно рассчитать орбиту Венеры, Вьеньянь наблюдал планету с помощью телескопа и несколько раз фотографировал ее. Рассматривая снимки, он обратил внимание на заметное смещение одной из ярких звезд, на фоне которых он видел Венеру. Заподозрив, что эта звезда является планетой, Вьеньянь стал изучать ее и очень скоро убедился, что не ошибся. Определив орбиту открытого им спутника Солнца, он понял: найдено то, что они искали.

Неизвестная планета находилась на таком расстоянии от Солнца, что на ней вполне могла оказаться жизнь, хотя бы такая, как на Венере.

На совете экипажа корабля было решено направить звездолет к Земле.

Подлетев к ней, каллистяне сразу поняли, что эта планета сильно отличается от Венеры, что ее природа еще богаче. Наличие на Земле разумного населения было установлено ими только тогда, когда звездолет приблизился на пятьсот километров к ее поверхности. Первым признаком, по которому им стало ясно, что они встретили, наконец, человеческий разум, был океанский пароход, замеченный в телескоп. Его искусственное происхождение было несомненно.

Потом они увидели еще несколько кораблей. Оказавшись над Сибирью, они уже сознательно искали признаки разумной деятельности и без труда находили их.

Их радость была очень велика. Несколько часов, которые отделяли момент появления парохода от приземления звездолета в Курской области, пролетели для них, как один миг.

Только Диегонь сохранял относительное спокойствие и управлял звездолетом. Остальные находились в состоянии лихорадочного волнения.

Когда, опустившись ниже, они увидели поднявшиеся им навстречу самолеты, даже Диегонь оторвался от пульта управления и подошел к экрану. С огромным интересом рассматривали каллистяне воздушные машины.

Гибель самолета, неосторожно вошедшего в струю позади корабля, произвела на них потрясающее впечатление. Они были в отчаянии, что их прибытие повело к смерти обитателя Земли. Диегонь бросился обратно к пульту и резко увеличил скорость, боясь повторения несчастья. Он думал, что реактивное движение неизвестно на Земле и что люди не понимают опасности приближения к задней части звездолета.

Они видели другие эскадрильи самолетов и понимали, что жители Земли приветствуют их, но теперь каждый раз уходили далеко вперед, уклоняясь от почетного эскорта.

Им не хотелось производить посадку в пустынях, которые они встречали во время полета над Землей, и они стали искать достаточно уединенного места, где не было бы свидетелей приземления, и Курская область показалась им подходящей. Остановившись на окрестностях Золотухина. Диегонь долго кружил на одном месте, чтобы дать возможность Вьенняню хорошо рассмотреть местность: он опасался сесть на болото. Тучи пыли, поднятые кораблем, помещали им видеть, что под ними населенный пункт. О существовании города они даже не подозревали и только случайно не посадили звездолет прямо на дома,

Когда корабль коснулся Земли и замер неподвижно, они поздравляли друг друга с достижением поставленной цели. Они были глубоко счастливы!

Звездолет находился на планете, подобной их собственной, и эта планета была населена разумными существами!

В свои «окна»-экраны каллистяне наблюдали за прибытием экспедиции и постройкой лагеря. Они хорошо поняли цель, с которой это делалось: люди готовились к встрече с ними.

Девятнадцать суток, которые они были вынуждены провести на корабле, показались им очень долгими¹⁾. Но было

1) Сутки Каллисто, или время полного оборота планеты вокруг ее оси, равнялись двадцати трем часам сорока минутам, то есть были только на двадцать минут короче, чем на Земле.

необходимо произвести пробы земной атмосферы и выяснить, какие в ней содержатся болезнетворные микроорганизмы.

Синьг, который испытывал такое же нетерпение, как и его товарищи, торопился, как мог. Он установил, что состав и плотность атмосферы Земли такие же, как на Каллисто. Он обнаружил несколько микробов, неизвестных на их родине, и нашел средства против заражения ими. Это позволило каллистянам выйти из корабля без масок. Все бактерии, известные Синьгу, оказались и в атмосфере Земли. Это открытие обрадовало его, так как устраняло опасность заражения людей. Он решил, что на первое время нельзя допускать на звездолет воздух Земли, и именно поэтому они подвергали кабину подъемной машины «дезинфекции». Синьг надеялся, что в дальнейшем, когда он лучше изучит микроорганизмы Земли, можно будет обходиться без этой неприятной процедуры.

Первое появление людей вблизи корабля очень взволновало каллистян. С жадным любопытством они рассматривали жителей неведомой планеты, столь похожих на них самих, но с белым цветом кожи. Желая показать, что видят их, они намеренно выдвинули аппарат для взятия проб воздуха в тот момент, когда люди шли мимо. Бьяининь хотел выйти из корабля и показаться жителям Земли: так велико было его нетерпение. Он соглашался пойти на риск заражения, но Синьг и Диегонь не позволили ему это сделать.

День пятнадцатого августа (они, конечно, не знали, что это «август» и что сегодня пятнадцатое число) был для каллистян таким же праздником, как и для людей. По их счету это был четыреста тридцать третий день 2392 года.

На Каллисто, так же как и на Земле, время полного оборота планеты вокруг ее центрального светила (Сириуса) считалось «годом», но вследствие того, что орбита планеты была длиннее орбиты Земли и сама Каллисто двигалась медленнее, этот «год» равнялся почти двум земным годам.

«Год» Каллисто не делился, подобно земному, на месяцы. Это было не удивительно, если вспомнить, что на ней не

было смены времен года. Каллистяне не знали, что такое весна, осень, зима и лето. В той части планеты, где были расположены материки, всегда было одно сплошное лето, более жаркое, чем на экваторе Земли. На полюсах Каллисто, наоборот, всегда царила зима, но значительно более мягкая, чем на полюсах Земли.

До отъезда из лагеря осталось три дня. Все вопросы, связанные с переездом в Москву, были успешно согласованы. Диегонь сам предложил, чтобы экипаж корабля в полном составе покинул лагерь.

Космический корабль должен был остаться под охраной воинских частей.

Час ночи.

Экспресс «Пекин — Москва» только что отошел от крупной станции и, набирая скорость, мчался вперед. В двухместном купе международного вагона у окна, закрытого спущенной занавеской, сидели два пассажира. Один из них был пожилой китаец; второй, судя по его костюму и манере держаться, — американец.

Беседа шла на английском языке.

— Что же мне оставалось делать? — говорил американец. — В разрешении посетить лагерь мне отказали. Я не ученый и не журналист. Просто любознательный человек. Хочу увидеть марсиан — жителей другой планеты... Я очень доволен, что удалось получить визу и что еду в Москву. Может быть, марсиане приедут туда, а если нет, постараюсь хоть издали посмотреть на корабль.

— Профессор Куприянов разрешил экскурсии к звездолету, — сказал китаец. — Вам надо поехать в город Курск. Советую сделать это пятнадцатого августа.

— Вы думаете, что световой разговор был правильно понят?

— У меня это не вызывает сомнений.

— Вы счастливый человек, — сказал американец. — Без всяких хлопот увидите корабль и марсиан.

— Почему вы называете их марсианами? По данным современной науки, на Марсе нет разумного населения.

— Ну, что «современная наука»? Что она знает? Тайны природы недоступны слабому человеческому уму.

— Вот как! — усмехнулся китаец. — Вы не верите в науку? Во что же вы тогда верите?

— В человека. В силу его ума и энергии,

— Так это и есть сила науки.

— Человеку не понять тайн природы, — повторил американец.

— Непознаваемость мира! — Китаец засмеялся. — Вы фидеист?

— Как вы сказали? Фидеист? А что это означает?

— Есть такое философское учение. Оно оспаривает научное познание мира и отдает предпочтение вере перед знанием. Фидеизм — опора реакции.

— Вы говорите, как коммунист.

— Я и есть коммунист, — просто ответил китаец.

Американец вынул часы, взглянул на них и поднялся.

— Не хотите ли пройти в ресторан? — предложил он. —
Стаканчик водки перед отходом ко сну. Русская водка лучше джина.

— Нет, благодарю вас, — ответил китаец.

Американец вышел из купе. Оставшись один, китаец начал раздеваться. Вспоминая разговор, он улыбался. «Та-

ковы они все, — думал он. — Считают себя высшей расой и сочетают это с научной неграмотностью».

Едва китаец успел снять пиджак, как его спутник вернулся.

— Идемте скорее! — сказал он. — В соседнем вагоне убили человека!

— Что вы говорите! — воскликнул китаец. Он поспешно надел пиджак и пошел за американцем.

В коридоре вагона было пусто. Пассажиры спали. Поезд мчался в густом лесу. В слабом свете маленькой лампочки на площадке смутно темнела фигура какого-то человека. Американец сделал шаг назад, пропуская китайца вперед.

Неизвестный человек взмахнул рукой. Звук тяжелого удара потерялся в стуке колес бешено несущегося экспресса.

Тело упало на площадку вагона. Двое наклонились над ним и поспешно обыскали труп. Потом они открыли дверь и выбросили убитого на всем ходу в черноту ночи.

Главный врач одной из районных больниц Омской области доктор Казимбеков всегда приходил на работу ровно в восемь часов. Надев халат, он в сопровождении дежурного врача начал обычный обход больных.

— Слышали? — говорил он в каждой палате. — Товарищ Широков уже почти свободно говорит с каллистами. Что значит медицинский работник! Принято решение переехать из лагеря в Москву. Профессор Аверин узнал много нового в вопросах синтеза органических соединений. Профессор Смирнов изучает двигатели.

Больные улыбались. Они уже привыкли, что главный врач каждый день сообщал им новости из лагеря под Курском, не считаясь с тем, что они сами их уже знали. Радиостанции три раза в день включали в свою программу передачу сообщений Куприянова.

Казимбеков очень интересовался звездолетом. Он сетовал, что сам не увидит гостей с Каллисто, и ворчал на то, что корабль не опустился где-нибудь поближе.

— Что им, места не хватило у нас в Сибири! — говорил он.

Миллионы сибиряков видели звездолет во время его полета, но даже этого утешения судьба не доставила бедному Казимбекову. Корабль пролетел в стороне от Омской области.

Не один Казимбеков был в эти дни недоволен своей судьбой. Вряд ли можно было отыскать в Советском Союзе человека, который не завидовал бы жителям Курской области. Звездолет, его экипаж, научная экспедиция Академии наук были самой волнующей темой разговора. Где и о чем бы ни говорили люди в эти дни, беседа обязательно переходила на Каллисто.

И в небольшой районной больнице все — здоровые и больные — думали и говорили о том же.

Пациентов было не так много, и Казимбеков скоро закончил свой обход.

— А в каком положении китаец? — спросил он дежурного врача.

— Все в том же, — со вздохом ответил тот.

Речь шла о человеке, доставленном в больницу девятого августа с линии железной дороги. Он был найден путевым обходчиком рано утром на лесном перегоне.

У китайца, хорошо одетого пожилого человека, была разбита голова и сломаны обе ноги.

Он лежал под насыпью и не подавал никаких признаков жизни.

Несмотря на то, что человек выглядел мертвым, путевой обходчик доставил его в ближайшую больницу.

Китаец оказался жив («на один процент», как выразился Казимбеков).

Энергично принятыми мерами удалось если не совсем предотвратить смерть, то, во всяком случае, отдалить ее и получить слабую, но все же надежду на благополучный исход.

У пострадавшего не нашли никаких документов или бумаг, из которых можно было бы узнать, кто он такой.

Путевой обходчик утверждал, что тело под насыпью появилось после того, как прошел пассажирский экспресс «Пекин — Москва».

Возможно, что пострадавший упал именно с этого поезда.

Но расследование не подтвердило этой догадки. На посланную вдогонку за поездом телеграмму пришел ответ, что все пассажиры экспресса на своих местах. Никто не пропал дорогой.

Делом занялась прокуратура. Судебно-медицинский эксперт, специально приехавший из Омска, установил, что рана на темени (голова была разбита в двух местах) была вызвана падением, а вторая, с левой стороны лба, нанесена раньше каким-то тупым орудием.

Падение с поезда, видимо, было не случайным. По мнению эксперта, пострадавший был выброшен из вагона на ходу после того, как ему нанесли удар кастетом.

Переломы ног были не опасны, заживление подвигалось быстро.

Но с головой дело обстояло плохо. Рана на темени была очень глубокой, и пострадавший вот уже больше месяца не приходил в себя. Китайца приходилось кормить искусственным способом, и было очень мало надежды на спасение его жизни.

Выяснить обстоятельства преступления и личность убийцы можно будет только тогда, когда пострадавший придет в сознание.

Казимбекова ежедневно запрашивали из Омска, но на вопрос о состоянии больного он изо дня в день вынужден был отвечать, что все по-прежнему и пострадавший в сознание не приходит.

Состояние неизвестного было настолько тяжелым, что не могло быть и речи о перевозке его в Омскую хирургическую клинику, и он оставался в районной больнице.

— Значит, без перемен? — спросил главный врач.

— Без перемен.

— Плохо его дело, — сказал Казимбеков. — Такое длительное беспмятство неизбежно заканчивается смертью.

— И преступник останется неузнанным?

— Меня не интересует преступник! — сердито ответил главный врач. — Это — дело следственных органов. Меня интересует больной.

Он вошел в отдельную палату, где лежал раненый.

Здесь стояли только одна кровать, стул и небольшой столик. Окно было плотно завешено, и в комнате царил полумрак.

Китаец лежал на спине.

Его забинтованная голова сливалась с белой подушкой.

В первый момент Казимбеков не заметил никаких перемен в положении пациента, но, подойдя ближе, он с удивлением и радостью увидел, что глаза раненого открыты.

— Сейчас же вызовите переводчика, — шепнул он дежурному врачу.

По полученному им приказу он был обязан немедленно сообщить, как только раненый придет в сознание.

Следственные органы с нетерпением ждали этого момента.

Надо было спешить, может быть, это последняя вспышка жизни.

Но как ни тихо было дано это распоряжение, раненый расслышал и понял его.

— Не надо... — чуть слышно сказал он, — переводчика. Я... сам... говорю по-русски.

Дежурный врач быстро вышел. Казимбеков наклонился над кроватью.

— Не разговаривайте! — сказал он.

— Что... со мной... случилось?

— Вы ранены.

Китаец закрыл глаза.

Казимбеков взял его руку.

Пульс был слабым, но ровным.

Врач позвонил, чтобы вызвать к раненому дежурную сестру.

Внезапно китаец вздрогнул и сделал движение, желая, видимо, подняться.

Казимбеков поспешно, но все же очень осторожно удержал его за плечи.

— Спокойно! — сказал он. — Не надо шевелиться. Раненый поманил Казимбекова, предлагая нагнуться.

Доктор услышал прерывистый шепот:

— Я вспомнил... Скорее следователя... Я должен успеть...

.....

Опрос продолжался долго.

Раненый говорил с трудом.

Часто приходилось делать длительные перерывы, чтобы дать ему возможность собраться с силами.

Казимбеков ворчал и требовал перенести опрос на завтра, но китаец не соглашался на это.

— Я должен успеть, — говорил он. — Это очень важно. Может случиться, что я умру.

— Теперь вы уже не умрете, — уверял его врач.

— Все равно, время не терпит.

— Постарайтесь подробнее описать внешность вашего спутника, — сказал следователь.

Раненый, как мог, подробно рассказал об американце.

— Вы успели разглядеть человека на площадке?

— Я его плохо видел... Мне показалось... что он китаец.

— Номер вагона и купе?

— Вагон восемь. Купе пять.

— Что, по-вашему, могло быть причиной нападения?

— Думаю, что им нужны были мои документы... Это и есть самое страшное... Ему нужно было пробраться в лагерь... под моим именем.

— В какой лагерь? — одновременно спросили следователь и Казимбеков.

— В лагерь у космического корабля... Я еще не говорил вам... Я ехал туда. Я корреспондент агентства Синьхуа. Мое имя — Ю Син-чжоу...

Полковника Артемьева разбудили шаги около его палатки. Он всегда спал очень чутко, а в последнее время вообще забыл, что значит спокойный сон.

Никто в обоих лагерях не подозревал, кто он такой. Все считали Артемьева корреспондентом. Один только Куприянов знал, что он сотрудник разведки. Работа с каллистянами, изучение их научных материалов внешне шли гладко. Ничто не говорило о том, что гостям Земли может угрожать какая-нибудь опасность. Но советская разведка знала, что такая опасность существует.

Атомная техника Каллисто все еще оставалась загадкой. Изучением двигателей звездолета занимались Смирнов и Манаенко — оба советские ученые. Определенные круги за границей опасались, что результаты открытий останутся в руках СССР и не будут опубликованы, как и другие материалы, добытые на звездолете. С их точки зрения, советские люди должны были скрыть «атомные тайны», использовать их на усиление военной мощи своей страны. Такая перспектива, разумеется, тревожила их. Они не могли себе представить возможность добровольного отказа от технической тайны, да еще столь важной. Они судили по себе и сделали соответствующие выводы. Пусть лучше атомная техника Каллисто останется никому не известной, чем отдать ее СССР. Лучше уничтожить «котел», все книги каллистян, убить их самих... Это было чудовищно, но, с точки зрения империалистов, логично...

Полковник Артемьев не допускал мысли, что сведения, добытые советской разведкой, могут быть ложными. По ее данным, враг был в лагере. Его необходимо найти. Но враг хорошо замаскировался.

Куприянов не придавал большого значения факту, сообщенному ему профессором Смирновым. Но не так поступил опытный разведчик. Узнав, что китайский журналист Ю Син-чжоу — в прошлом инженер, Артемьев не оставил это

неожиданное открытие без внимания. Подлинность Ю Син-чжоу до сих пор не вызывала у него сомнений. Сведения, полученные от агентства Синьхуа, устраняли малейшие подозрения.

«Почему он раньше не сказал о том, что он инженер? — думал полковник. — Случайно это или намеренно?»

Конечно, агентство Синьхуа могло именно потому и послать Ю Син-чжоу в лагерь, что он инженер, человек технически грамотный. Такой корреспондент в данном случае был, безусловно, полезнее профессионального журналиста. Но почему он молчал до сих пор?..

Смутное недоверие к Ю Син-чжоу возникло у Артемьева. Он решил проверить все до конца. В тот же день, когда ему стал известен разговор Куприянова с профессором Смирновым, он послал радиogramму с просьбой прислать подробную биографию журналиста и его фотографию.

Было четыре часа утра, лагерь спал, и только серьезное дело могло привести кого-то к палатке Артемьева.

Вошел один из его помощников, дежуривший в эту ночь на радиостанции подполковника Черепанова.

— Срочная радиogramма, товарищ полковник! Радиogramма была длинной. В ней сообщалась вся биография Ю Син-чжоу.

Глаза Артемьева быстро бегали по строчкам.

«Имя... Год рождения... Партийность... С какого года... Семейное положение... Образование...»

Рука Артемьева замерла на бланке:

«Образование: окончил Литературный институт в Москве».

Значит...

Значит, Ю Син-чжоу не был инженером. Но профессор Смирнов, заподозривший в нем инженера, не мог ошибиться. Да и сам Ю Син-чжоу подтвердил, что он инженер...

Артемьев на секунду закрыл глаза. Замысел врага предстал вдруг перед ним с ослепительной ясностью. Так вот где

таилась опасность, которую он предвидел, приближение которой чувствовал!..

Куда девался настоящий Ю Син-чжоу, китайский товарищ?

Как им удалось убрать его, заменить своим человеком?

Артемьев быстро оделся и побежал к Куприянову. Палатка начальника экспедиции была пуста.

Секретарь Курского обкома партии Козловский довольно часто появлялся в лагере. На этот раз он остался ночевать.

Как только Артемьев переступил порог его палатки, Козловский проснулся. Прочитав радиограмму, он сразу все понял.

— Немедленно... — начал он, но в этот момент полог палатки распахнулся и в нее буквально «влетел» Широков.

С одного взгляда на его лицо Козловский и Артемьев поняли, что случилось что-то страшное. — Хорошо, что вы не спите! — тяжело дыша, сказал Широков. — Звездоплаватели умирают!..

Он бросился на стул и сжал голову руками.

— Они умирают, — повторил он. — Идемте, Николай Николаевич! Надо что-то делать. Нельзя допустить такого конца.

— Где Куприянов?

— Там, с ними. Он послал меня за вами.

Козловский повернулся к Артемьеву.

— Немедленно, — сказал он, — надо арестовать человека, живущего в лагере под именем Ю Син-чжоу. И не спускайте с него глаз. Идемте, Петр Аркадьевич!

Широков настолько был поглощен мыслями о каллистанях, что даже не обратил внимания на эту короткую сцену, которая в другое время, безусловно, очень удивила бы его.

По дороге он рассказал Козловскому о подробностях неожиданного происшествия.

Звездоплаватели последнее время ночевали в лагере. Один Вьеньянь оставался на корабле. Широков поселился с ними, чтобы все время слышать их разговор и упражняться в языке.

Сегодня ночью Синьг разбудил его.

— Он еле держался на ногах, — сказал Широков. — Разбудив меня, он упал на пол. Остальные лежали без сознания. Я бросился за Михаилом Михайловичем, и он, как был, не одетый, прибежал в палатку. Штерн, Ляо Сен и Лебедев прибежали с ним, но он попросил их уйти. Лебедев принес ему одежду.

— Что могло случиться, по-вашему?

— Отравление. Михаил Михайлович тоже думает, что они отравились растительным ядом. Нашей пищи не ели. Только свою...

— Положение опасное?

— Очень. Самое скверное, что Синьга не удастся привести в чувство. Его помощь необходима. Михаил Михайлович вызвал Аверина и поручил ему срочно сделать анализ остатков ужина. Что мы можем предпринять, не зная яда?

— Какие меры вы приняли?

— В палатке имеется аптечка Синьга, но пока он не придет в себя, она бесполезна. Все же Михаил Михайлович ввел им один препарат, который я указал ему. Синьг говорил мне, что он употребляется при отравлениях. Но полной уверенности, что мы сделали именно то, что нужно, у нас нет.

Около палатки, где жили каллистяне, толпились члены экспедиции и много военных. Печальная новость быстро распространилась по лагерю и всех подняла на ноги.

— Вьеньянь знает? — спросил Козловский.

— Нет. У меня не было времени сообщить ему.

— Пошлите за ним Лежнева или Ляо Сена. Может быть, он сможет чем-нибудь помочь.

Куприянов стоял, наклонившись над постелью, на которой лежал Синьг. Он обернулся при входе Козловского.

— Извините, что разбудил вас, — сказал профессор (странно и нелепо прозвучала эта фраза). — Необходимо позвонить в Золотухино и срочно доставить сюда подушки с кислородом. У нас может не хватить.

Выражение лица Куприянова, его голос и движения были совершенно спокойны, и Козловский понял, что этот человек перестал быть начальником экспедиции. Он был сейчас только врачом у постели больного.

Молча кивнув головой, Козловский быстро вышел. Он видел, как Куприянов и Широков снова наклонились над Синьгом.

Хотя Козловский пробыл в палатке не больше минуты, он успел внимательно осмотреться. Звездоплователи лежали неподвижно, с закрытыми глазами. Черный цвет их кожи не давал возможности определить, «бледны» их лица или нет. Они казались такими же, как всегда. На полу валялись кус-

ки ваты, осколки ампул. Сильный запах какого-то лекарства стоял в воздухе.

Едва за ним опустился полог, Козловский оказался в плотном кольце взволнованных людей.

— Как там?.. Что?.. Есть надежда? — слышались со всех сторон нетерпеливые вопросы.

— Я ничего не знаю, товарищи, — отвечал Козловский. — У постели пострадавших один из лучших врачей Советского Союза. Будем надеяться на его искусство. Пропустите меня! — прибавил он, видя, что пробраться сквозь толпу будет трудно. — Я очень тороплюсь выполнить просьбу товарища Куприянова.

Эти слова оказали волшебное действие. Сразу перед ним образовался проход, и Козловский почти бегом направился к палатке начальника экспедиции, где был телефон.

Он позвонил на квартиру первого секретаря Золотухинского райкома и попросил как можно быстрее доставить кислород.

Положив трубку, Козловский вышел из палатки.

Оранжевым заревом разгоралась утренняя заря. Бледнело небо, одна за другой потухали звезды. Наступал день, полный тревог, день, который мог стать последним в жизни ученых Каллисто, совершивших великий научный подвиг. Неужели одиннадцать лет летели они через бездны Вселенной, чтобы, достигнув цели, победив пространство и время, здесь, на Земле, в восьмидесяти трех триллионах километров от родины, прийти к такому печальному и нелепому концу?..

Была ли какая-нибудь связь между этим внезапным отравлением и разоблачением Ю Син-чжоу? Действительно ли каллистяне отравились своими же продуктами (это казалось просто невероятным), или они были ОТРАВЛЕННЫ?..

На звездолете был огромный запас самых разнообразных продуктов, рассчитанный на двадцать с лишним лет полета. Большая часть их состояла из растительных веществ.

Все запасы хранились в шестнадцати кладовых, в которых искусственно поддерживалась низкая температура. Испортиться в пути они никак не могли, а предположение, что при снаряжении звездолета в космический полет попали уже испортившиеся продукты, было невероятно. Каллистанцы рассказывали, что их полет готовился почти год (два года по земному счету) и в этой подготовке принимала участие вся планета...

Мысли Козловского внезапно прервались: он увидел Артемьева. Полковник должен был находиться возле арестованного им «журналиста», но вместо этого шел по лагерью, явно разыскивая кого-то.

Заметив Козловского, Артемьев подошел к нему.

— Ю Син-чжоу нет в лагере, — сказал он.

— Как нет?

— Нигде! Все палатки обысканы.

— Куда же он мог деваться? Вечером я его видел, — перебил Козловский. — Ночью охрана никого не пропустит.

— Я спрашивал у дежурного офицера, — почему-то шепотом сказал Артемьев. — Часовые видели, как кто-то пролетел на крыльях в сторону звездолета.

— Когда это было?

— Около трех часов ночи.

Козловский вцепился рукой в плечо полковника.

— Вертолет! Как можно скорее позовите профессора Смирнова!

Неужели?.. Неужели радиogramма пришла слишком поздно?..

Звездоплыватели отравлены... Ю Син-чжоу на корабле... Там один Вьеньянь, он не сможет помешать злодею.

Неужели ему не удастся помешать и его чудовищный замысел увенчается успехом?

По дороге к месту стоянки вертолета Козловский рассказал Смирнову о радиogramме и своих подозрениях.

— Ю Син-чжоу воспользовался крыльями. Он знал, что ночью, без разрешения Куприянова, вертолет не доставит его на корабль.

— Он хорошо знает внутреннее устройство корабля, — заметил профессор.

— Надо во что бы то ни стало помешать ему! — воскликнул Артемьев.

— Если мы не опоздали... — так тихо, что его услышал один только полковник, прошептал Козловский.

Они почти бежали.

— Кондратий Поликарпович только что был у Куприянова, — сообщил Смирнов. — Он нашел в пище звездоплаватель кристаллы соли синильной кислоты.

Как ни торопился Козловский, но он невольно остановился, услышав эти слова.

— Но это же смерть!

— Петр Аркадьевич говорит, что для человека доза, безусловно, смертельная. Но он считает, что есть надежда на благополучный исход.

— Не понимаю.

— Доза смертельна для человека Земли, — повторил Смирнов. — Но раз каллистяне до сих пор не умерли, значит, их организм не так восприимчив к этому яду, как наш. Вы знаете, что Широков считается специалистом в токсикологии¹⁾.

— Он надеется?

— Да, И Михаил Михайлович разделяет эту надежду.

Когда они пришли на место, вертолета не оказалось: он улетел, чтобы доставить на вершину космического корабля Ляо Сена.

Было уже настолько светло, что они хорошо видели над кораблем неподвижно висящий в воздухе вертолет. Очевидно, китайский ученый приказал летчику ожидать его возвращения.

В лагере был только один летательный аппарат Каллисто. Им и воспользовался диверсант.

Козловскому и его спутникам не на чем было подняться на вершину шара.

1) Токсикология — наука о ядах и противоядиях.

Вертолет неподвижно повис в двух метрах над кораблем. Бортмеханик отворил дверцу и опустил лестницу.

— Подождите меня, — сказал Ляо Сен.

Он быстро спустился на площадку. У шахты подъемной машины темнел какой-то предмет. Профессор с удивлением узнал крылья. Это было странно и непонятно. Каллистяне очень заботились о своих летательных аппаратах и никогда не бросили бы их на «крыше» звездолета. Но думать о причине этого необычного нарушения порядка было некогда: Ляо Сен торопился сообщить Вьеньяню о несчастье, постигшем его товарищей.

Еще одно непонятное обстоятельство: подъемная машина оказалась внизу. Отверстие шахты всегда закрывалось на случай дождя.

«Кто-нибудь опередил меня», — подумал профессор.

Ляо Сен зажег карманный фонарик и при его свете отыскал знакомую кнопку. Как всегда, бесшумно поднялась снизу подъемная машина.

Опускаясь, он вспомнил, что не знает, как наполнить кабину газом для дезинфекции. Обычно при посещении звездолета людьми с ними всегда был кто-нибудь из каллистян.

Профессор знал, что кабину можно наполнить газом и изнутри. Сигнализация, связывающая подъемную машину с внутренними помещениями, также была ему хорошо известна.

Но поймет ли Вьеньянь, что от него хотят, когда услышит сигнал?

«Поймет! — подумал Ляо Сен. — Я ведь не первый. Человек, пришедший до меня, тоже должен был обратиться к нему за помощью».

Когда машина остановилась, он нажал кнопку сигнала, Прошла минута. Ответа не было.

Ученый вторично нажал кнопку и долго не отпускал ее.

Даже сквозь металлические стенки шахты он слышал громкое гудение (на звездолете не было звонков), но никто не откликался.

Так прошло минут пять.

Что делать? Вернуться в лагерь и посоветоваться с Куприяновым? А если это промедление будет стоить жизни ученым Каллисто? Каждая минута была на счету! Но открыть дверь и войти внутрь звездолета без дезинфекции — это значило свести на нет все меры предосторожности, которые выполнялись так пунктуально.

Ляо Сен сделал последнюю попытку «дозвониться». Никакого результата!

Он ничего не знал о полученной радиограмме и не мог заподозрить, что на корабле Ю Син-чжоу. Тем более ему не могло прийти в голову, что журналист, в подлинности которого у профессора не было никаких сомнений, находится здесь с враждебными намерениями.

Ляо Сен был уверен, что Вьеньянь не покидал звездолета. Тот факт, что подъемная машина была внизу, неопровержимо доказывал это. Он должен слышать сигнал. Гудение было очень громким, и его хорошо было слышно во всех помещениях корабля, кроме тех, которые находились внизу у «атомного котла», отделенного от остальных помещений очень толстыми, двойными стенами. Но Вьеньяню незачем было находиться там.

Что же это значит?.. Профессор чувствовал, как тревога все сильнее охватывает его. В безмолвии звездолета ему чудилось что-то страшное. Медлить дальше было нельзя.

«Если можно дезинфицировать подъемную машину, — решил он, — то можно сделать это и со всем кораблем».

Он снова зажег фонарь и решительно нажал кнопку. Дверь раздвинулась.

Центральный пост, или «граненая комната», был, как всегда, ярко освещен. В нем никого не было.

Ляо Сен спустился по лестнице и подошел к люку, ведущему в круглый коридор. У самой стены он заметил небольшой блестящий предмет. Он наклонился и поднял его.

Это была гильза, от которой шел свежий запах пороха...

Ляо Сен неподвижно стоял у отверстия люка, держа на ладони маленький медный цилиндр, неопровержимо доказывающий, что совсем недавно в центральном посту звездолета раздался выстрел...

Кто стрелял? Зачем? В кого?..

У каллистян не было пистолетов, подобных земным. Они имели оружие совсем другого рода. Стрелял человек Земли...

Меньше минуты понадобилось китайскому ученому, чтобы понять все... Звездоплыватели не отравились, они отравлены. На корабле находится враг... Он стрелял в астронавта Каллисто.

Цель врага была ясна: вывести из строя «сердце» корабля, чтобы не дать возможности советским ученым изучить его механизм, чтобы уничтожить технические книги и другие материалы, которые могли бы рассказать людям об атомной технике Каллисто.

Где сейчас находится враг? Если он слышал сигнал, то понял, что кто-то хочет войти. С какой стороны последует выстрел из-за угла? У Ляо Сена не было никакого оружия. Диверсант не остановится перед вторым убийством!

Подняться наверх и предупредить летчика? Это казалось самым разумным, но Ляо Сена тревожило, что он нигде не видел тела Вьеньяня. Может быть, каллистянин только ранен? Может быть, он нуждается в помощи?

Ляо Сен осторожно наклонился и заглянул в люк. В коридоре никого не было. Спрятаться там было негде.

Он спустился по лестнице.

У самых ступенек лежала вторая гильза. В нескольких шагах перед собой профессор увидел третью.

Диверсант, стреляя, гнался за Вьеньянем. Чем кончилась эта погоня?..

Ляо Сен знал, где помещались каюты экипажа. Вот здесь было помещение командира звездолета, немного дальше — каюта Синьга. В которой из них скрылся Вьеньянь, если ему удалось избежать трех пуль?

Профессор сознавал, что в любую секунду может встретиться с диверсантом, и тогда... но он не мог заставить себя уйти, не узнав о судьбе астронома.

Нажав кнопку, он открыл дверь каюты Диегоня. В ней никого не было.

Ляо Сен хотел войти в следующую, но в этот момент заметил, что дверь в каюту Бьяининя открыта. Он бросился туда, забыв об опасности.

Вьеньянь лежал на пороге лицом вниз. У его головы расплывалась лужа крови.

Неужели конец?..

Профессор наклонился. Опустившись на колени, он осторожно повернул каллистянина. Послышался слабый стон.

Астроном был ранен. Пуля разорвала кожу на лбу, и из раны обильно текла кровь. Вьеньянь был в полном сознании. Длинные и узкие глаза его смотрели на Ляо Сена с выражением страдания и недоумения. Он слабым жестом указал на маленький шкафчик на стене.

Это была аптечка с неизвестными Ляо Сену лекарствами и перевязочными материалами. Он, как мог лучше, наложил на лоб раненого повязку.

— Хорошо! — сказал Вьеньянь. — Теперь плечо. Рана на голове была не единственной: две пули попали в правое плечо.

С помощью самого пострадавшего Ляо Сен закончил перевязку и помог Вьеньяню лечь на диван.

— Что это значит? — спросил астроном. Только сейчас, при этом вопросе, профессор вспомнил о диверсанте и поспешно закрыл дверь: враг мог вернуться. Почему он оставил Вьеньяня живым, было непонятно. Или он решил, что все уже кончено?..

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ляо Сен вместо ответа.

Как жаль, что тут, на его месте, не было Широкова! Молодой медик мог бы лучше оказать помощь раненому и объяснить ему, что произошло.

— Больно, — сказал Вьеньянь. — Особенно голове.

Он вопросительным и по-прежнему недоумевающим взглядом смотрел на лингвиста. Очевидно, он никак не мог понять, что послужило причиной неожиданного нападения.

— На меня напал Ю Син-чжоу, — сказал астроном.

Эти слова, как громом, поразили профессора. Ю Син-чжоу?! Неужели именно он был врагом?

— Где Ю Син-чжоу?

— Не знаю! Он выстрелил в меня и убежал. Я потерял сознание. Надо позвать Синьга.

Сказать, что Синьг сам лежит при смерти? Взволновать этим известием человека, который чуть дышит и еле может говорить от слабости? Нет, этого нельзя делать!

— Я позову Синьга, — сказал Ляо Сен. — Ю Син-чжоу сошел с ума. Нет ли у вас тут какого-нибудь оружия?

Он сам чувствовал, что говорит на таком ломаном языке, что вряд ли Вьеньянь поймет его слова. Но это уже не имело никакого значения, так как каллистянин вновь потерял сознание.

Профессор беспомощно оглянулся: он был один с раненым, которого нельзя было бросить, ибо запереть дверь можно только изнутри. Если оставить ее незапертой, диверсант вернется и добьет свою жертву.

Но во что бы то ни стало надо было помешать Ю Син-чжоу.

Положение казалось безвыходным. В лагере не знают ничего о том, что произошло на корабле. Никто не придет на помощь!

Вертолет!.. Надо как можно быстрее сообщить летчику и вернуться к Вьеньяню. Может быть, найдется и какое-нибудь оружие?

Риск был велик, но промедление могло обойтись слишком дорого. Все равно другого выхода не было...

Ляо Сен посмотрел на Вьеньяня. Каллистянин лежал неподвижно, его дыхания не было слышно. Как можно скорее надо вызвать врача!..

Профессор выбежал в коридор.

На корабле по-прежнему было очень тихо. Его огромный корпус казался пустым. Где сейчас Ю Син-чжоу? Что он делает?

Подбежав к лестнице, ведущей в центральный пост, Ляо Сен едва успел поставить ногу на первую ступеньку, как услышал звук открывшейся двери подъемной машины.

Кто там? Может быть, Ю Син-чжоу закончил свое дело и теперь собирается покинуть корабль? Если он до сих пор был внизу, то мог не слышать и не знать, что кто-то, кроме него, находится на звездолете...

Послышались шаги. Они приближались к люку. Шаги нескольких человек.

Ляо Сен еще не решил, что ему следует делать, когда увидел Козловского, который быстро спустился, вернее, прыгнул, в люк. За ним появились Артемьев, Смирнов и Широков.

— Где он? — отрывисто спросил Козловский.

— Не знаю! Я его не видел, — ответил Ляо Сен, понимая, что его спрашивают о Ю Син-чжоу... — Вьеньянь тяжело ранен. Идемте скорее, Петр Аркадьевич.

— Идите к раненому, — сказал Козловский. Он повернулся к Артемьеву: — Оставайтесь здесь. При появлении диверсанта задержите его. В случае сопротивления убейте гада!

В сопровождении Смирнова он прошел несколько шагов и спустился в открытый люк.

Оказавшись на лестнице, ведущей в помещение «атомного котла», Козловский шепотом сказал Смирнову, чтобы тот держался позади, а сам осторожно стал спускаться. Он был уверен, что диверсант находится там, у «сердца» корабля.

Тяжелая дверь, за которой находилась вторая такая же, была заперта. Если мнимый Ю Син-чжоу догадался выключить механизм замка, то проникнуть внутрь будет невозможно.

Козловский стал напротив двери и приготовил оружие.

— Нажмите кнопку! — тихо сказал он.

Дверь открылась.

Вторая, отстоящая от первой на полметра, тоже была закрыта. Чтобы открыть ее, надо было подойти к ней вплотную.

— Отойдите от двери! Под защиту стены! — сказал Козловский.

Смирнов открыл рот, чтобы протестовать, но Козловский, не тратя времени на разговоры, оттолкнул его и решительно нажал вторую кнопку.

Он знал, что дверь откроется быстро. Если диверсант слышал, как отворилась дверь, то Козловского могла встретить пуля, выпущенная в упор. Но он считал промедление

недопустимым и сознательно шел на риск. Если он будет убит или ранен, то профессор Смирнов встретит преступника в коридоре. А если и профессора постигнет неудача, то дело будет доведено до конца Артемьевым. Во что бы то ни стало надо было помешать злодею испортить важнейший механизм звездолета.

Но дверь не открылась. На этот раз диверсант не забыл выключить кнопку.

Знал ли он, что ему все равно не удастся скрыться после выполнения замысла, или, услышав, как открылась первая дверь, запер вторую, чтобы без помех довести дело до конца, но он отрезал всякий доступ в помещение «котла» и мог делать там, что хотел.

— Оставайтесь на месте! — поспешно сказал Козловский Смирнову. — Если Ю Син-чжоу появится, стреляйте, не задумываясь!

Он опрометью бросился наверх. Единственный, кто мог, может быть, спасти положение, был Вьеньянь.

Каллистянин был уже приведен в чувство. Широков менял перевязку, неумело наложенную Ляо Сеном. Он что-то быстро говорил астроному.

— Скорей! — крикнул Козловский, вбегая в каюту. — Переводите ему мои слова! Диверсант находится в помещении «котла», дверь заперта, и нет возможности помешать ему испортить механизм. Не может ли Вьеньянь посоветовать, что делать?

Выслушав Широкова, астроном на секунду задумался. Потом что-то сказал.

— Вьеньянь говорит, что в это помещение есть вторая дверь, но она тоже может быть закрыта, — перевел Широков. — Он предлагает пустить в ход механизм «котла», но это, безусловно, приведет к смерти того, кто около него находится.

— Если это может спасти машину, — сказал Козловский, — то надо так и сделать. Но спросите его, не опасно ли это для Александра Александровича, который находится у самой двери?

Вьеньянь ответил, что не опасно.

— В таком случае пусть говорит, что надо делать. Только скорее! — сказал Козловский.

— Вьеньянь говорит, что если Ю Син-чжоу добрался до каких-то частей «котла», я не могу понять, каких именно, то пуск в ход может привести к взрыву, — сказал Широков. — Но он все же советует это сделать. Другие помещения корабля не пострадают, если обе двери закрыты.

— Я закрыл вторую дверь, — сказал Козловский. Он действительно сделал это, чтобы как-то обезопасить Смирнова.

— Все-таки позовите сюда Александра Александровича, — посоветовал Широков.

Выполнить задуманный план можно было только из каюты Диегона или из центрального поста. Каюта была ближе, и туда осторожно перенесли раненого.

Вьеньянь, видимо, волновался. Он что-то горячо говорил Широкову. — Ему страшно пустить «котел» в работу, — сказал Широков. — И не потому, что он боится взрыва, а потому только, что это убьет человека.

— Скажите ему, что там не человек, а бешеное животное, — ответил Козловский.

На стене каюты командира звездолета находился большой щит с многочисленными кнопками, ручками и приборами. Вьеньянь указал, как пустить в ход «котел».

Козловский подошел к щиту и положил руки на указанные рукоятки.

— Смирнов здесь? — спросил он.

— Я здесь, — ответил профессор, появляясь в дверях. — Может быть, не надо, Николай Николаевич?

Он сразу понял, что сейчас произойдет.

— Если есть хоть один шанс из тысячи, — жестко ответил Козловский, — мы обязаны это сделать.

И с этими словами он повернул обе ручки.

Все замерли, напряженно прислушиваясь. Вьеньянь закрыл лицо длинными пальцами обеих рук.

Но все было по-прежнему. Ни единого звука не раздалось на корабле.

Только маленький шарик в узкой трубочке вздрогнул и стал подниматься вверх.

— Взрыва не произошло, — сказал Козловский. Его лицо было очень бледно, но совершенно спокойно.

— Жизнь человека дороже любой машины. Я рад, что на Каллисто такой же взгляд на это, как у нас. Но бывают случаи, когда машина дороже человека. К тому же там совсем не человек. — Он нервно рассмеялся. — Там не человек, — повторил он, — а ядовитое пресмыкающееся!

— Остановите «котел»!.. — дрожащим от волнения голосом сказал Смирнов. — Ничего живого там уже не осталось.

Сообщение о случившемся в лагере было немедленно послано в Москву. Во второй половине дня прибыла правительственная комиссия для расследования диверсии и принятия мер к ликвидации ее последствий. В составе комиссии были крупнейшие советские специалисты.

По просьбе Куприянова приехал известный хирург, чтобы оказать помощь Вьеньяню, в плече которого застряли две пули. Состояние каллистянского астронома не вызывало опасений, но срочно была необходима операция.

Куприянов подробно ознакомил хирурга с особенностями организма каллистян и показал ему рентгеновские снимки, сделанные им за это время.

— Теперь, — сказал хирург, получив все эти сведения, — я могу делать операцию совершенно спокойно и гарантирую вам благополучный исход.

Здоровье звездоплавателей уже не вызывало тревоги, но они были еще слабы и по настоянию Куприянова и Синьга лежали в постели. Синильная кислота — страшный яд для людей — не оказала на каллистян смертельного действия. Причина этого выяснилась сразу, как только Синьг узнал, каким ядом их хотели отравить. На Каллисто употреблялось в пищу растение, по своим химическим свойствам родственное земному горькому миндалю. Так же, как на Земле, плоды этого растения (внешне совсем не похожего на миндаль) содержали цианисто-водородную кислоту, и организм жителей Каллисто привык к ней. У них образовался иммунитет ко всей группе земных ядов, добываемых из солей синильной кислоты, и именно поэтому яд оказал на них слабое действие.

Но все же доза была сильна, и если бы не энергичные действия Куприянова, дело могло кончиться гораздо хуже. Профессор правильно сделал, что все внимание обратил на Синьга. Каллистянского врача быстро привели в чувство, и

по его указаниям пострадавшим было произведено вторичное вливание лекарства, которое сначала было дано в недостаточном количестве.

Яд, безусловно, смертельный для людей, не был таким для каллистан. Этого не учел диверсант.

Преступный план не осуществился в той мере, как этого хотелось его инициаторам, все намеченные жертвы остались живы, а это было самое главное. Насколько удалось диверсанту повредить «сердце» звездолета, должно было выясниться в ближайшее время. Пуск «котла» прошел, по-видимому, нормально, и можно было надеяться, что мнимый Ю Син-чжоу не успел добраться до его главных частей.

Помещение «котла» было закрыто. Вторая дверь также оказалась запертой изнутри.

Механизм дверей помещался внутри стен. Кнопки были устроены так, что когда они выключены снаружи, невозможно восстановить электрическую цепь.

Такое устройство было не случайно. Каллистане, уверенные в прочности стенок своего корабля, все же допускали, что на таком длительном пути возможны всякие непредвиденные случайности, и принимали меры против них. Каждая дверная кнопка, помимо ручного выключения, имела еще и автоматическое, приводимое в действие понижением температуры воздуха внутри помещения.

Если бы стенка корабля оказалась все же пробитой случайным метеоритом, обладавшим большой скоростью, то хлынувший через образовавшееся отверстие холод Вселенной мгновенно выключил бы механизм двери и доступ в помещение стал бы невозможен. Правда, помещение «котла» было расположено так, что ему ни при каких случайностях не угрожала опасность, но его двери были устроены так же, как и все остальные.

Разве могли каллистане предвидеть то, что случилось?

Поздно вечером в палатке Куприянова собрались все члены экспедиции, правительственная комиссия, Диегонь и старший инженер звездолета Мьеньонь.

Профессор Смирнов подробно ознакомил собравшихся с устройством дверей звездолета. По его мнению, оставалось только одно — прорезать стену, но сплав, из которого состоял корпус корабля и все его перегородки, был настолько тверд, что никакой земной инструмент не мог справиться с ним.

— Электродуговые, автогенные и термитные способы резки металлов не годятся в этом случае, — сказал он. — Они могут дать температуру не больше трех — четырех тысяч градусов, а для расплавления металла Каллисто требуется не менее одиннадцати тысяч.

— Может быть, у них есть что-нибудь вроде «каллистанского» сварочного аппарата? — спросил Неверов.

— Насколько я знаю, — ответил Смирнов, — нет. Они уверены в крепости частей звездолета и не предполагали, что возникнет необходимость ремонта.

Положение казалось затруднительным. Проникнуть внутрь помещения «котла» и установить, в какой мере потребуется помощь земной техники, надо было как можно скорей. Но как это сделать?

— Товарищ Диегонь спрашивает, — сказал Широков, — можем ли мы сделать аппарат... такой аппарат, чертежи которого имеются на звездолете.

Инженеры комиссии переглянулись.

— Все зависит от того, что для этого нужно. Мьеньонь принес книги с описанием и чертежами сварочного аппарата Каллисто.

Выяснилось, что для того, чтобы сделать этот аппарат, надо предварительно изготовить тот металл, из которого был построен звездолет, и найти способ получения из земных материалов неизвестного до сих пор газа. Сварочный аппарат Каллисто был газовый.

— Эту задачу быстро не решить, — сказал один из инженеров комиссии. — Но она не является невыполнимой. Медлить нельзя. Когда мы откроем дверь, могут появиться новые проблемы. Завтра утром надо возвратиться в Москву и решить, каким заводам поручить этот необычный заказ.

Кто из каллистян будет нас консультировать? — обратился он через Широкова к Диегону.

— Мьеньонь и Ньяньины, — ответил Диегонь.

— Ньяньины, — пояснил Широков, — это второй инженер корабля. Кроме того, он химик.

— Изготовить металл, который может выдержать температуру в одиннадцать тысяч градусов, нелегко, — сказал Неверов. — Но будем пробовать!

На следующий день, четырнадцатого сентября, инженер правительственной комиссии Лежнев и два каллистянских инженера — Мьеньонь и Ньяньины — вылетели из лагеря в Москву.

Им предстояло изготовить из земных материалов аппарат для резки, а затем для сварки металла, из которого был сделан звездолет.

Необходимо было прежде всего получить сплав, способный выдержать температуру в одиннадцать тысяч градусов, а таких сплавов еще никогда не изготавливали на Земле. Газ для сварочного аппарата тоже был неизвестен.

Все понимали, что если не удастся добиться успеха, то звездоплыватели вынуждены будут навсегда остаться на Земле. Нечего и говорить, что люди были готовы совершить невозможное, но не допустить такого конца космического полета.

Каллистыне, несомненно, отдавали себе отчет в серьезности своего положения и понимали, что спасти их может только техника Земли, сила ее промышленности. Они, конечно, сильно волновались, но внешне ничем не выявляли этого. Их поведение и отношение к людям Земли оставались прежними.

В этот день с самого утра погода стала хмуриться. Временами накрапывал мелкий осенний дождь. В низинах не расходился ночной туман. Вершина звездолета смутно проступала в колеблющейся дымке.

Оставаться в лагере дальше было нельзя. Осень вступала в свои права. «Иностранный лагерь» уже ликвидировался.

Некоторые его обитатели переехали в Москву, другие вернулись на родину.

На следующий день погода окончательно испортилась. Все время шел дождь. Земля стала мокрой, вязкой, и звездоплаватели вынуждены были надеть земную обувь. Их легкие туфли, похожие на сандалии, были совершенно негодны в этих условиях.

Последние две ночи каллистяне провели на звездолете. Они хотели проститься со своим кораблем, на котором провели одиннадцать лет.

Внутри корабля, за толстыми двойными стенами, оставалось лежать тело человека, пытавшегося навеки остановить сердце металлического гиганта. Труп диверсанта будет лежать там до тех пор, пока инженеры не сумеют открыть двери и выбросить его оттуда.

Было неприятно сознавать, что звездолет — замечательное создание разума далекой Каллисто — сейчас не что иное, как временный гроб. Но изменить пока ничего было нельзя.

На аэродром решили добираться на вертолете, так как путешествие в автомобилях по размытой дороге предвещало мало приятного.

Куприянов не узнал поля, на котором когда-то опустились их самолеты. Перед ним был современный, прекрасно оборудованный аэродром с бетонными дорожками.

Самолеты, прилетевшие за ними из Москвы, уже ждали.

— Нам бы хотелось еще раз взглянуть на корабль, — сказал Диегонь.

— Обязательно! — ответил Куприянов, когда ему перевели эту просьбу. — Я скажу летчикам, чтобы они пролетели над звездолетом.

Приехав в Москву, они уже не застали Мьеньоня и Няняньнга. Оба инженера, Лежнев и сопровождающие их земные ученые уже вылетели на Уральский металлургический комбинат. Они не хотели терять ни одного часа.

В этот вечер Широков долго не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами в полной темноте и думал. Потом он встал и подошел к окну. Поднял штору. Огромным заревом разливалось необъятное море городских огней. Далекими красными точками сверкали звезды Кремля.

Широков боялся признаться самому себе, что он принял решение.

Но он не мог отказаться от этого решения. Его терзали противоречивые мысли.

«Нужно ли это? — думал он. — Есть ли смысл тратить драгоценные годы?»

Может быть, впервые он ясно понял, что его ожидает полный отказ от всех прежних намерений и планов.

«Это нужно! — говорил ему внутренний голос. — Половина твоей жизни пройдет не напрасно. Живое слово о жизни другой планеты, другого человечества, все, что ты увидишь и узнаешь, принесет огромную пользу людям.

Но достоин ли я быть избранником человечества? — встал перед ним тревожный вопрос. — Хватит ли у меня знаний, способностей и сил, чтобы успешно справиться с исполинской задачей, которую я хочу взять на себя? Может быть, кто-нибудь другой был бы полезнее на моем месте?»

Эта мысль заставила сжаться его сердце. Он чувствовал, что не может уже отказаться от мечты, которая с такой силой овладела им. Далекая Каллисто непреодолимо влекла к себе.

Наступающий рассвет уже погасил все звезды на небе, а Широков все еще стоял у окна. Он знал, что сегодня его судьба решится окончательно. Сегодня он скажет о своем намерении и получит ответ.

Он думал о своей жизни, стараясь для себя самого решить вопрос: пригоден ли он к выполнению задачи, которую сам же поставил перед собой?

Какие у него права считать себя достойным доверия всего человечества? Разве то, что он изучил язык Каллисто... Да еще, пожалуй, его молодость.

Но этого так мало!

Утром он пошел к Штерну. Директор обсерватории был не один. Он сидел в том же кресле и в той же позе, как и в ту памятную ночь на двадцать восьмое июля, когда еще таинственный космический корабль летел над Землей. Напротив него на диване сидел Козловский.

— Петр Аркадьевич? Рад вас видеть, — сказал Штерн таким тоном, как будто они не виделись уже несколько дней. — Садитесь!

— Вы не знаете, когда приедет Михаил Михайлович? — спросил Широков.

— Уже соскучились? — усмехнулся Козловский.

— Михаил Михайлович только что звонил, — ответил Штерн. — Он немного задержится. Будет здесь часа в два.

— Я поеду к нему. Я не могу ждать.

— Где же вы будете искать Куприянова? — спросил Козловский, ласково и внимательно посмотрев на молодого человека. — Не лучше ли подождать его здесь? Вы напрасно волнуетесь. Михаил Михайлович знает, что вы хотите ему сказать, как знаем это и мы. Теперь он одобряет ваше намерение.

— Теперь?..

— Сначала он был против. Но его убедили, что это нужно...

— Вы не знаете, что меня мучает, — перебил Широков.

— Возможно, — мягко сказал Козловский. — Многое может мучить человека перед таким шагом. Но вопрос о вашей пригодности к роли представителя Земли на Каллисто, — Широков с изумлением посмотрел на Козловского, — давно обсужден и решен положительно, — закончил он.

Штерн положил руку на руку Широкова.

— Отбросьте от себя все сомнения, — сказал он. — Наша планета может только гордиться, что ее представителем будет такой человек, как вы. Велика и почетна задача, стоящая перед вами. Я дорого дал бы за то, чтобы быть на вашем месте, но годы... Идите вперед, не оглядываясь!

— Ну что? — спросил Козловский. — Поедете искать Куприянова?

— Я подожду его, — сказал Широков.

— Михаил Михайлович хорошо знает вас, — сказал Штерн. — Он первый догадался обо всем. Правда, он противился вашему намерению, но потом понял, что это разумно и нужно. Вам об этом не говорили, потому что мы не хотели влиять на ваше решение. Мы и так были уверены в нем. Если бы вы передумали... Да что глупости говорить! Разве можно отказаться от такого великого дела! Вопрос заключается в том только, как отразится на вашем здоровье пребывание на Каллисто. Куприянов советовался с Синьгом, и они пришли к заключению, что все будет в порядке...

— С Синьгом?

— А с кем же еще? Каллистяне очень полюбили вас и рады, что вы хотите посетить их родину.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше?

— А почему вы сами молчали? Единственное, что нас смущало, — это то, что вы полетите один.

— Смущало?..

— Да, но теперь больше не смущает, — сказал Штерн. — У вас нашелся товарищ.

Широков стремительно выпрямился.

— Кто?

— Георгий Николаевич Синяев, — ответил Штерн. — Его влечет то, что вас должно пугать, — двадцать два года полета на космическом корабле. Он проделает на звездолете огромную работу. На корабле хорошие астрономические инструменты, и у него с избытком хватит дела на все двадцать два года. А вы получите товарища, с которым легче будет перенести долгую разлуку с Землей. Что ни говорите, а это не легко. Вдвоем будет легче.

— Давно он задумал это?

— Вероятно, тогда же, когда и вы.

— Это очень неожиданно, — сказал Широков. — И очень радостно. У Георгия Николаевича есть семья?

— Он, как и вы, не женат, но его родители живы. У него есть сестра и два брата. Конечно, родителям будет тяжело. Они могут никогда больше не увидеть сына. Более двадцати лет не шутка. Его отец, старый коммунист, участник гражданской войны, понимает, что сын идет на великий подвиг. Он одобряет его.

— Синяеву, должно быть, гораздо тяжелее, чем мне, — задумчиво сказал Широков. Сам он был одинок. Его родители погибли во время Великой Отечественной войны в блокированном Ленинграде. Братьев и сестер не было.

Неожиданное известие, что он не один полетит на Каллисто, очень обрадовало Широкова. Когда ему сказали, что у него будет товарищ, он понял причины своих колебаний. Это был страх перед полной оторванностью от людей, полным одиночеством среди каллистян, все же чуждых и не совсем понятных существ. Лететь на Каллисто вдвоем с молодым астрономом — это совсем не то, что одному.

Несмотря на заверение Козловского, Широков с волнением ожидал приезда Куприянова. Профессор приехал, как и обещал, в два часа. Разговор получился гораздо проще, чем ожидал Широков. Только потом, вспоминая подробности и выражение лица Куприянова, Широков понял, что внешнее спокойствие было маской, за которой профессор хотел скрыть свое истинное состояние.

Он не произнес ни одного слова упрека. Подробно расспросил о планах Широкова и одобрил их. Поговорил даже о том, кого можно поставить на его место в институте.

Он встал, минуту колебался, потом резко повернулся и направился к двери. Уже взявшись за ручку, долгим взглядом посмотрел в глаза Широкову, который медленно шел за ним, и сказал:

— Только мы с вами, Петя, никогда уже не увидимся.

И вышел.

Коллективными усилиями

Десятки крупнейших иностранных инженеров обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить им принять участие в работе. Их предложение было с благодарностью принято. Советские люди последовательно проводили раз принятую линию: космический корабль — гость всей Земли. На Земле он попал в беду. Дело всего человечества — выручить каллистян из этой беды.

Лучшие инженерные силы планеты собралась на Уральском металлургическом комбинате.

В первую очередь необходимо было получить металл Каллисто. Его называли «кессинд» от каллистянского слова «кьясьиньд».

Кессинд обладал большой тугоплавкостью. Чтобы получить его в жидком виде, требовалось создать температуру выше одиннадцати тысяч градусов. Подобных печей не существовало. Больше того, не существовало кирпича, способного выдержать такой жар. Конструкция самой печи, основанная на совершенно новом принципе, подсказанном каллистянами, была сравнительно быстро разработана. Но из чего строить печь? Этот вопрос казался неразрешимым.

Тут уж каллистяне ничем не могли помочь. У них на родине существовал природный материал для постройки высокотемпературных плавильных печей, напоминающий внешним видом земной кварц. Но на Земле такого «кварца» не было. Его надо было заменить чем-нибудь.

Десятки лабораторий бились над этой задачей. Вставала реальная угроза поражения в самом начале.

Мир «затаил дыхание». Даже газеты, злорадно предсказывавшие неудачу, замолчали.

В конце концов, упорство и настойчивость победили...

Прошел месяц, и в одном из цехов комбината уже стояла небольшая, необычного вида плавильная печь. Сквозь ее прозрачные стенки были видны приготовленные к расплавлению части будущего сплава — кессинда.

Печь была... стеклянной. Это было новое, ранее не существовавшее стекло, способное выдержать температуру до пятнадцати тысяч градусов. Честь его открытия принадлежала ученым и инженерам многих стран. Это было в полном смысле слова коллективное творение Земли.

От получения металла в колбах отказались. Сконструировать печь было нетрудно. Это была та же конструкция, которую предназначали для постройки печи из будущего кирпича. Ее пришлось только немного переделать применительно к новому материалу.

В стеклянные стенки для повышения прочности впустили вольфрамовый каркас. По расчетам, стекло должно было предохранить вольфрам от расплавления.

Вторая задача заключалась в получении равномерного нагрева печи до температуры в одиннадцать с половиной тысяч градусов. Она была решена с помощью сверхвысокого напряжения, для получения которого пришлось изготовить специальный трансформатор.

Печь установили на гранитном постаменте. Выпуск кессинда должен был произойти автоматически, так как находиться в этот момент возле печи было опасно. Для этого сконструировали и изготовили специальную аппаратуру.

В середине ноября все было готово к варке металла.

Но дальше начались другие трудности.

Кессинд был нужен не сам по себе. Из него предстояло сделать сварочный аппарат по чертежам, изготовленным на Каллисто.

Для обработки металла нужны были станки. Таких станков не было. Никакой резец не мог бы справиться с твердостью кессинда.

Профессор Смирнов нашел выход. По его предложению было решено собрать аппарат из кессиндовых частей, соединяя их болтами, также изготовленными из кессинда. Части и болты предстояло отлить в формах, сделанных из нового стекла.

Металл решили выпустить из печи прямо в формы, которые, после того как остынут, могут быть просто разбиты.

Несмотря на кажущуюся простоту этого способа, его осуществление потребовало огромных усилий. Не все части можно было соединить болтами. Во многих местах нужны были нарезки. Получить их одной только отливкой, без последующей обработки на станке, казалось невозможным. Нарезка была и на самих болтах и на гайках к ним.

И земные мастера справились с этой задачей!

Стеклянные формы для всех частей будущего сварочного аппарата были успешно изготовлены. Чтобы расплавленный кессинд хорошо заполнил формы, он должен был поступать в них под значительным давлением. Потребовалось устройство сложных механизмов для подачи в печь сжатого воздуха. Когда и это было сделано, еще одно препятствие осталось позади.

Но это было опять-таки не все!

Аппарат работал по принципу земных автогенных аппаратов. Пламя давал газ ньеоль. Его состав был до сих пор неизвестен на Земле. Этот газ надо было создать — синтезировать. Но так же, как элементы, из которых состоял кессинд, элементы ньеоля имелись на Земле и были хорошо известны химикам.

Было ли это счастливой случайностью? Нет, это было закономерным. Вся вселенная состоит из ограниченного числа элементов, сведенных великим Менделеевым в его знаменитой таблице. Все эти элементы в разное время были уже найдены на Земле. Других, не имеющих места в таблице Менделеева, в природе не существует.

Ньяньинг дал формулу ньеоля, а профессор Аверин «перевел» ее на земной химический язык.

Получение ньеоля оказалось сравнительно легким делом. После нескольких предварительных опытов он был получен, изготовлен в требуемом количестве и заключен в стальные резервуары.

Им пришлось придать особую прочность, так как ньеоль сразу, в момент окончания синтеза, расширялся с огромной силой.

Возникшее затруднение разрешили просто. Синтез ньеоля доводили не до конца, после чего накачивали почти го-

товый газ в резервуар, внутри которого происходила последняя реакция.

Ньеоль горел не сам по себе. В обычном состоянии он не воспламенялся, но, соединяясь с чистым озоном, давал ослепительное пламя огромной температуры.

Пока шла борьба за кессинд, каллистяне никуда не выезжали из Москвы. Интерес к жизни Земли заглушала тревога.

Снова на корабле

Пятнадцатого января, ровно через пять месяцев после выхода каллистян из шара, на месте бывшего лагеря снова собрались все его прежние обитатели.

Среди них был человек, впервые попавший на это историческое место, хотя его имя было тесно связано с несчастьем, постигшим каллистянский звездолет.

Это был корреспондент Ю Син-чжоу.

Придя в сознание после двадцатисемидневного беспмятства, журналист стал быстро поправляться и через два месяца уже был в Москве, где его радостно встретили не только члены экспедиции, но и каллистяне, знавшие все, что с ним произошло, и ожидавшие его приезда.

С опозданием на три месяца корреспондент агентства Синьхуа приступил к своим обязанностям.

Доктор Казимбеков приехал в Москву с ним вместе. Так неожиданно осуществилась его мечта, и доктор не только увидел каллистян, но и имя его вошло в историю прилета космического корабля.

Выяснилась любопытная подробность, показывавшая, как обдуманно действовал фальшивый Ю Син-чжоу. Агентство Синьхуа аккуратно получало из лагеря радиogramмы своего корреспондента и не могло поэтому даже заподозрить что-нибудь неладное.

Глубокий снег покрывал те места, где раньше стояли палатки. Окруженный высокой оградой, сам белый, как снег, космический корабль казался еще более фантастическим и неправдоподобным, чем летом. Снежная шапка покрывала его вершину.

Рота солдат быстро очистила площадку для вертолета и убрала снег с «крыши» корабля. Участники экспедиции и каллистяне поселились на аэродроме.

Предстояло открыть дверь в помещение «атомного котла» и выяснить, в какой степени он был поврежден диверсией.

В торжественной обстановке, в присутствии всех каллистан, земных ученых и журналистов, Мьеньонь, одетый в асбестовый костюм, с маской на лице, направил на стену узкое ослепительно голубое пламя сварочного аппарата.

Это было великое торжество техники Земли.

Низкий гул аппарата смешивался с шипением пламени. Тонкая щель медленно ползла по металлу. Мьеньонь вырезывал небольшое круглое отверстие, достаточное для того, чтобы просунуть в него руку и включить кнопку механизма двери.

Голубые искры непрерывным каскадом вылетали из-под острия. Иссиня-черными фантастическими силуэтами метались по стенам и потолку тени людей.

Даже сквозь надетые темно-синие очки невозможно было долго смотреть на нестерпимо яркий огонь. Через пять минут Мьеньоня сменил Ньяньинг. Глазам больно смотреть на пламя вольтовой дуги. Его температура доходит до четырех тысяч градусов¹⁾. Даже днем голубоватый свет сварочных аппаратов освещает значительное пространство. Ночью мерцающие вспышки электросварки видны за несколько километров. А здесь, в небольшом помещении, среди отражающих свет металлических стен, горело пламя, раскаленное до одиннадцати тысяч градусов.

Но никто не хотел уходить, и только по настойчивому требованию Синьга, которого поддержал Куприянов, все, кроме двух каллистянских инженеров, перешли в центральный пост, где и ожидали конца работы.

Два часа дали остывать раскаленному металлу.

Ровно в полдень наступил самый ответственный момент операции. Перед дверью собрались все находившиеся на звездолете. Было уже известно, что расчет Мьеньоня правилен. Отверстие вырезано там, где и требовалось. Разомкнутая диверсантом цепь механизма двери была опять замкнута.

Диегонь нажал кнопку. Так долго запертая дверь беззвучно открылась.

Три месяца огромных усилий, напряженной мысли и настойчивого труда было вложено в эту победу.

Победу ли? Или только первый успех в ряду долгих усилий, которые придется приложить, если «котел» — сердце корабля — поврежден серьезно?

И вот дверь открыта! Но никто не двинулся с места. Только Диегонь, Мьеньонь и Смирнов вошли внутрь. Остальные остались ждать в коридоре.

Медленно шли минуты. Никто не проронил ни слова. Каллистяне стояли тесной кучкой, и на их черных лицах нельзя было ничего прочесть.

1) Заставляя вольтовую дугу гореть в закрытом сосуде под высоким давлением (до 22 атм.), можно повысить температуру примерно до 6 000 градусов.

Трудно придумать более страшный вопрос, чем тот, который решался для них сейчас. Возвращение на любимую родину или вечное пребывание на чужой для них Земле?

Синяев обнял за плечи Вьеньяня и с трудом удерживал нервную дрожь.

Томительную тишину прервал голос Широкова. — Все равно! — сказал он по-каллистьянски. — Если механизм испорчен, мы построим новый. Звездолет будет на Каллисто!

Стоящий рядом Синьг медленно провел рукой по лбу, не спуская глаз с двери.

Когда наконец появился Диегонь, все взгляды устремились на него.

— Передайте всем земным людям нашу бесконечную благодарность, — сказал он.

И хотя фраза была произнесена по-каллистьянски, шумный вздох облегчения вырвался у всех.

Агрегат «атомного котла» оказался неповрежденным. Диверсант успел только снять часть верхнего кожуха машины.

Не только каллистьяне, но и профессор Смирнов сразу увидел, что хотел сделать мнимый Ю Син-чжоу, куда он пытался добраться. Враг рассчитал верно. Если бы тогда, в ночь диверсии, помедлили еще минут двадцать, агрегат — сердце корабля — был бы непоправимо испорчен.

— Теперь совершенно очевидно, что негодяй был инженером, — сказал Смирнов, выйдя за Диегоном в коридор. — Еще немного — и конец!

— И что бы было в этом случае? — спросил Куприянов.

— Тогда пришлось бы строить весь агрегат заново, — ответил профессор.

Куприянов не решился спросить, осуществимо ли это.

Обожженный до неузнаваемости труп диверсанта лежал у самой машины. Кто был этот человек? Что побудило его пожертвовать своей жизнью? Все усилия выяснить его настоящее имя остались безрезультатными.

Спокойно и радостно прошел день на корабле. Гнетущая тревога и волнение, четыре месяца не дававшие покоя каллистьянам и людям, наконец, покинули их. Последствия диверсии были полностью ликвидированы, и корабль в любую минуту мог отправиться в обратный путь.

Каллистяне не выезжали из Москвы до тех пор, пока не успокоились за судьбу своего корабля. Теперь им надо было посмотреть другие города, совершить путешествие по планете. Так как осталось мало времени, гости разбились на две партии. Одну должны были сопровождать Смирнов, Лебедев и Широков, другую — Куприянов, Лежнев и Ляо Сен.

Степаненко, Синяев, Штерн, Манаенко и профессор Аверин остались в Москве. Молодой астроном хотел провести время до старта со своей семьей, а его старшим товарищам было трудно сопровождать гостей в длительной поездке.

Двадцатого января с Ленинградского и Курского вокзалов каллистяне покинули столицу. Тысячи москвичей провожали их.

Поезда отошли под звуки каллистянского гимна, впервые раздавшегося на Земле в день пятнадцатого августа. Во время пребывания звездоплавателей в лагере он был записан на пленку.

Каллистяне объездили города и села Советского Союза; они посетили многие города Франции, Англии и Америки. Всюду, где бы они ни появлялись, их восторженно встречало население.

В Египте они провели больше недели. Каллистяне отдыхали в привычном для них жарком климате Африки.

Искренняя радость и теплота, с какой встречали каллистян во всех странах, убедили их в том, что покушение в лагере было организовано отдельными лицами, потерявшими человеческое подобие.

Двадцать третьего апреля каллистяне вернулись в Москву. Они откровенно высказывали свои впечатления от всего виденного на Земле. Многие им не нравились.

— Ваши большие города пыльны, и в них мало зелени. Зачем вы строите заводы в черте города? Не лучше ли удалить их на значительное расстояние? — говорили они. — Мы понимаем, это вызвано тем, что рабочие должны жить рядом с заводом, на котором они работают, но вам надо

больше автоматизировать производство и дать людям возможность быстро и удобно перемещаться на большие расстояния. Детские учреждения надо строить за городом, и лучше всего на морском берегу.

Их высказывания были справедливы, но непонимание ими условий жизни на Земле, вызванных недостаточным еще развитием техники, сказывалось на каждом шагу. Привычная техника их родины казалась им очень простой и легко применимой всюду.

— У вас существуют автомобили, дающие большую скорость, — сказал как-то Вьеньянь. — Почему вы не снабдите ими всех рабочих? Тогда они смогут работать на заводах, расположенных далеко за городом.

— Почему у вас нет в личном пользовании самолетов?

Трудно и сложно было отвечать на все эти вопросы. «Все это мы намерены создать в будущем», — был, в сущности, единственный, но недостаточный ответ.

— Прилетев на Землю, мы перенеслись в прошлое, — сказал Бьяининь.

Обидно было слышать такие слова, но они были справедливы.

Конец месяца прошел почти в непрерывных научных конференциях, на которых каллистянские ученые делали обширные доклады о науке и технике их родины.

Уже не как чужие, а с теплым, братским чувством смотрели каллисты с высоты Мавзолея на первомайский парад и демонстрацию трудящихся Москвы, которые радостно приветствовали представителей другого мира.

Весь мир знал о героическом подвиге, который готовились совершить два сына Земли. Проходящие по Красной площади демонстранты приветствовали их наравне с гостями.

Они стояли среди новых друзей и прощались с родным народом, Родиной и Землей. Пройдет немного дней, и звездолет Каллисто унесет их в неведомую людям бездну межзвездного пространства, на далекую планету. Спокойно и просто шли они навстречу тому, что ожидало их впереди.

Во имя торжества науки!

Снова раскинулся вокруг берез полотняный лагерь. Успевшая просохнуть земля нежилась и зеленела под безоблачным небом. Словно проснувшийся от зимней спячки, умытый весенними дождями, космический корабль, готовый к полету, отбрасывал от полированных кессиндовых стенок ослепительные лучи высоко поднявшегося солнца.

На земле и в воздухе, вокруг корабля, кипела работа. Серебристые вертолеты непрерывно, один за другим, взлетали к его вершине, разгружались и снова опускались на землю. Подобно океанскому пароходу у причала, космический корабль принимал в свой огромный корпус все новые и новые грузы. Подъемные машины второй день работали без перерыва, опуская вниз все эти бесчисленные, добротные сделанные ящики, металлические коробки и герметически запаенные стальные баллоны. По указаниям Мьеньоня, Ньяньиньга и Диегоня «дары Земли» размещались по многочисленным подсобным помещениям звездолета.

К вечеру девятнадцатого мая погрузка полностью закончилась. Корабль и его экипаж были готовы к старту.

Эту последнюю ночь на Земле даже каллистяне провели в лагере. Не только Широков и Синяев, но и гости из другого мира не могли без грусти думать о разлуке с Землей, к которой успели привыкнуть за десять месяцев.

Как только Солнце поднялось над горизонтом, в лагере снова закипела работа. Свертывались палатки, грузились на автомашины, поле постепенно пустело. Потом стали уезжать люди.

Проводить каллистян собралось более тридцати тысяч человек. Аэродром и все поле далеко за ним были заполнены самолетами, автобусами и автомобилями. Делегации со всех концов СССР и несколько тысяч иностранцев ждали на насыпью железной дороги момента старта. Было запрещено приближаться к звездолету ближе чем на пять километров.

Людам, заполнившим поле, не был виден космический корабль: его скрывала высокая насыпь. Он появится, когда поднимется над Землей, чтобы начать долгий путь по дорогам Вселенной.

Все знали, что старт будет беззвучным. Ни взрывов, ни грохота...

Двенадцать часов...

Далеко, почти на горизонте, поднялась над Землей темная туча. Где-то, в самой ее середине, на секунду блеснула яркая точка. Порыв ветра пронесся над полем.

Там, на месте, где был лагерь, бушевал сокрушающий вихрь, во много раз превышающий силу самого страшного урагана. Многотонной тяжестью обрушивался потрясенный воздух на землю, вздымая ее вверх клубящимися массами.

Исполинский шар медленно и плавно отделился от Земли и повис в воздухе.

Только киноаппараты, заряженные пленкой, чувствительной к инфракрасным лучам, «видели» сквозь бурю тучу, как он словно в нерешительности остановился на секунду.

Еще сильнее, еще яростнее заметалась под ним черная стена Земли. Разъяренный воздух раскидывал ее во все стороны, вырывая на месте, где стоял корабль, глубокую яму...

Огромная толпа, затаив дыхание, не спускала глаз с темной тучи, которая все больше и больше расширялась.

Но вот, словно вынырнув из пучины моря, над ней показался и засверкал на Солнце космический корабль. Заметно для глаз, все быстрее и быстрее, поднимался он в сияющую бездну, пока не превратился в еле видную серебристую точку. Исчез...

Медленно оседала поднятая земля. И долго в торжественном молчании стояли люди, всматриваясь в голубую бесконечность, за которой скрылся звездолет Каллисто, унесший двух человек Земли, отважившихся покинуть ее.

Вернутся ли они или, скрывшись в неведомой людям дали, они никогда не ступят на родную Землю, взрастившую их, наделившую их пытливым умом, пылким и мужественным сердцем?

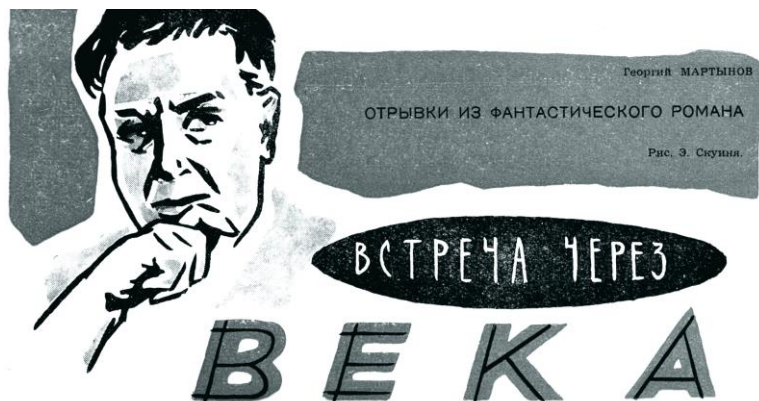

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

Фантастическая повесть
(Отрывок)

Рисунки Э. Скуиня

Мартынов Г. **Встреча через века** / ж. «Наука и техника»
(Рига), 1961: № 12 с.41-46; 1962: № 1 с.42-47; № 2 с.31-36.
Огромная благодарность **Garvi** за предоставленные сканы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1.

Сознание медленно возвращалось.

Смутные, расплывчатые образы возникали и исчезали, не оставляя никаких следов в памяти. Мозг работал короткими, отрывистыми толчками, поминутно погружаясь в небытие.

Эти мимолетные проблески нельзя было даже назвать мыслями. Это были едва намеченные ощущения, отдаленный намек на деятельность человеческого мозга.

Потом периоды мышления стали все более и более продолжительными. Туманные образы, в которых раньше не было почти никакого содержания, начали принимать реальную форму.

И настал момент, когда он понял, что просыпается от глубокого сна.

Но он все еще не создавал себя. Его глаза сквозь закрытые веки не воспринимали ни единого луча света. В ушах стояла полная тишина. Он не ощущал своего тела и не чувствовал температуры окружающего воздуха. Время не существовало для него. Память не подсказывала ему никаких воспоминаний.

Но вот в его мозгу постепенно начали складываться все более сложные представления. И очень медленно стали возникать физические ощущения. Он смутно почувствовал свою голову, одну только голову, независимую от всего остального тела.

Незаметно для него месяц шел за месяцем. Со стороны он казался мертвым. Чуть теплившаяся глубоко внутри жизнь ничем не проявлялась внешне. Но невидимо для тех, кто мог находиться рядом, хотя и крайне медленно, жизнь возвращалась к нему.

И однажды, после очередной неудачной попытки пошевелиться, он подумал: «Что со мной происходит?» — и тут же понял, что это его первая, совершенно отчетливая мысль.

.....

Когда он окончательно убедился, что не может пошевелиться, его охватило смутное чувство страха.

«Что же это такое? — уже вполне отчетливо подумал он. — Полный паралич или последние ощущения перед смертью?»

Но он понимал, что его мысли становятся все яснее и яснее. Если бы приближалась смерть, должно было происходить наоборот — мысль постепенно бы затухала. Значит, это паралич! У него осталась только способность мыслить и слышать.

Сам того не сознавая, он своими страхами, тревогами и смутными волнениями помогал мозгу просыпаться.

Кто-то подошел и остановился совсем рядом. Послышалось восклицание, и шаги стали быстро удаляться. Снова наступила полная тишина. Но он не испугался, а почувствовал облегчение. Он не один. Вокруг него есть люди, и они вернутся.

.....

Острая боль пронзила тело. Он успел понять, что в него проникает сильный ток, и потерял сознание.

Сколько прошло времени, он не знал. А когда очнулся (это произошло сразу, как от толчка), то мгновенно вспом-

нил все, что случилось с ним до того, как он заснул. Опасения, страхи и неопределенное волнение вернулись к нему.

Но в следующее мгновение все исчезло, когда он понял, что сильное и ровное дыхание поднимает его грудь.

Он дышал!

Может быть, вернулась и способность двигаться? Попробовав пошевелить рукой, он убедился, что нет — двигаться по-прежнему не в силах. Но это его не особенно огорчило. Все чувства сосредоточились на дыхании.

Его мысль еще работала слабо, и он не задумался над тем, почему испытывает такое наслаждение от простого дыхания, которого прежде никогда не замечал. Он боялся, что дыхание снова может исчезнуть. Но минуты шли за минутами, а ничто не изменялось. Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Он решил терпеливо ждать, пока кто-нибудь придет.

Но ни один, даже самый слабый звук не нарушал тишины, и он ясно слышал биение собственного сердца.

.....

Так проходили часы, дни, недели, месяцы...

И вот однажды, когда навязчивый вопрос: где он находится? — вновь завладел его мыслями, он почувствовал внезапно раздражение, попытался пошевелиться и совершенно неожиданно... открыл глаза.

2.

В первое мгновение он даже не осознал, что случилось, но в следующее понял, и его охватила бурная радость.

Ничего увидеть он не успел, свет причинил ему боль, но одно сознание, что он может видеть, может по своему желанию открывать и закрывать глаза, было для него, так долго лежавшего в полной темноте, огромной, ни с чем не сравнимой радостью.

Сначала свет показался ему слишком ярким, но он заставил себя долго смотреть сквозь узкую щелочку век.

Наконец, когда он решил, что глаза достаточно привык к свету, он позволил себе полностью открыть их.

То, что он увидел, наполнило его чувством величайшего удивления.

Он лежал на чем-то, напоминавшем большой диван. Не-обычное ложе стояло на самой середине огромной, высокой... комнаты? Нет, это совсем не комната.

Словно гигантский темно-голубой мяч разрезали пополам, и одну половинку положили на землю, чтобы она изобразала собой потолок и стены.

Никаких следов окон и дверей! За исключением его ложа, никакой другой обстановки, комната совершенно пуста!

В помещении было мягкое, приятное освещение, но откуда оно исходило — непонятно. И пол, и купол были освещены совершенно равномерно, как будто они сами излучали свет.

Вид голых своих рук вызвал поток новых мыслей. Он помнил, как сильно исхудал за последнее время. Но от этой худобы не осталось и следа. Руки были, как у здорового человека, и покрыты ровным коричневым загаром, которого раньше не было.

Но если болезнь, едва не сведшая его в могилу, каким-то непонятным образом сменилась цветущим здоровьем, то почему же он не может двигаться?

Удивление незаметно сменилось тревогой. Почему так долго оставляют его одного? Если его лечат, а это, безусловно, так, то врачи не могут пренебрегать спокойствием своего пациента. Они должны прийти, и как можно скорее.

Ему страстно захотелось крикнуть, позвать кого-нибудь, но все усилия привели только к тому, что удалось издать едва слышный звук.

Но даже этот ничтожный результат обрадовал его почти так же, как возвращение дыхания, как способность видеть.

Стало ясно: сегодня к нему вернулось зрение, завтра вернется речь.

.....

Время шло, не внося никаких перемен. Много раз он засыпал и снова просыпался.

Ничто не менялось, и постепенно его начало охватывать отчаяние. Сколько еще предстояло ожидать вот так, в полном одиночестве, в мучительной неподвижности?

Должны же, наконец, прийти люди, принести ему хотя бы пищу? Но, вероятно, они приходили во время его сна.

«Как же меня кормят, — подумал он, — если я не могу пошевелить губами? Наверное, они применяют какое-нибудь искусственное питание».

«Я ни за что не засну больше, — решил он однажды. — Дождусь прихода людей. Во что бы то ни стало».

В этот раз он долго боролся со сном, но, в конце концов, все же заснул, так никого и не дождавшись.

.....

Открыв глаза, он увидел то же помещение, но тотчас же понял, что произошла разительная перемена.

Пол и купол, бывшие столько времени темно-голубыми, стали неизвестно каким образом молочно-белыми, и в павильоне стало гораздо светлее. Мало того, синее покрывало, под которым он лежал, и синяя подушка были теперь белыми.

Он не успел еще до конца осознать происшедшую перемену, как услышал слабый, но совершенно отчетливый звук, точно где-то далеко прозвенел звонок.

И он сразу узнал этот звук, тот самый, который он слышал, когда лежал еще с закрытыми глазами, звук, вернувший ему ощущение жизни и характер которого он тщетно старался понять. Это был тот же звук, за которым во второй раз раздались шаги человека.

Наконец-то! Сейчас он все узнает!

И вот прямо перед ним нижняя часть купола внезапно раздвинулась, образовав узкую щель. В помещение кто-то вошел. Стена тотчас же сомкнулась за ним, но в глаза лежавшего человека успел ударить яркий свет оттуда, из-за пределов купола, служившего для него границей внешнего

мира. Этот свет был так ярок, так ослепителен, что глаза сами собой закрылись.

И снова, как в давно прошедший день, он услышал приближающиеся шаги. Совсем так же, как тогда!

Он открыл глаза.

Вошедший стоял в двух шагах от ложа.

В одно мгновение лежавший человек успел рассмотреть своего гостя (вернее сказать — хозяина) с головы до ног.

И вместо облегчения от того, что исполнилось его желания: к нему пришел, наконец, другой человек, он ощутил вдруг страшную тревогу.

Во всем облике вошедшего, в каждой черте его лица и фигуры, в каждой подробности необычной одежды лежавший увидел чужое. Он сразу, всем существом почувствовал, что незнакомец, внешне похожий на людей, имеющий все признаки обычного человека, не имеет с ним самим ничего общего, что они совершенно различны, как должны быть различны жители разных планет.

Вошедший был очень высокого роста, с могучей фигурой атлета.

Загорелое лицо его обладало настолько правильными и красивыми чертами, что казалось, будто это лицо статуи, а не обычного живого человека.

Удивительнее всего была одежда. Она напоминала костюм европейца в тропиках и была сшита, по-видимому, из тонкой легкой светло-коричневой ткани. Рубашка без рукавов и воротника открывала шею и сильные руки. Очень широкий пояс плотно стягивал талию. Брюки кончались значительно выше колен и спадали мягкими складками.

Этот причудливый наряд странным образом гармонировал с мощной фигурой обыкновенного человека. Каждое движение вошедшего чем-то неуловимым отличалось от движений обычных людей.

Вошедший человек, увидя закрытые глаза больного, нерешительно остановился. Когда же глаза больного открылись, он, радостно вскрикнув, стремительно подошел и наклонился над ложем.

Его загорелое лицо слегка побледнело, губы задрожали.

Почти с минуту он пристально всматривался в глаза лежавшего. В этих глазах, темных и глубоких, застыл немой вопрос.

Вошедший понял его.

Он наклонился еще ниже и неожиданно для лежавшего, который никак не ожидал этого от странного человека, не похожего на обычных людей, спросил на русском языке, но с каким-то неизвестным больному акцентом:

— Вы меня видите?

Губы больного дрогнули, раздался едва слышный звук.

— Вы меня слышите, но не можете ответить? — В голосе вошедшего звучало огромное напряжение. — Но вы можете шевелить веками глаз. Закройте глаза, если вы видите меня.

Веки больного на мгновение сомкнулись.

Вошедший выпрямился. Его лицо побледнело еще больше. Минуты две он тяжело дышал. Потом, видимо, успокоившись немного, вновь склонился над больным.

— Я задам вам несколько вопросов, — сказал он. Даже звук голоса его отличался от голосов всех людей, которых приходилось слышать больному. — Вы будете отвечать мне глазами. Если вы захотите сказать «да», то мигните один раз, а если «нет», то мигните два раза. Вы меня хорошо поняли?

— Да, — ответили глаза.

— Ваше зрение вполне нормально?

— Да.

— Можете ли вы пошевелить рукой?

— Нет.

— Чувствуете ли вы где-нибудь боль?

— Нет.

Наступила небольшая пауза. Вошедший человек сдвинул брови и задумался.

— Вернулась ли к вам память? — снова спросил незнакомец, как и раньше наклонившись над ложем, будто не доверяя слуху больного. — Помните ли вы свою жизнь?

— Да.

— Понимаете ли вы, где находитесь?

Наконец-то задан нужный вопрос, которого с таким нетерпением ожидал больной.

— Нет... нет... нет! — Быстрое мигание глаз было более чем красноречиво.

Казалось, вошедший ждал этого ответа, и свой вопрос задал намеренно.

— Вы не понимаете, где и зачем находитесь, — сказал он. — Вы хотите знать это?

— Да.

— Вы это узнаете, но только не сейчас, а немного позже. Вы у друзей. Они любят вас и ждут, когда вы придете к ним. Потерпите еще немного, и все станет для вас ясно. Вы быстро поправляетесь, и, пройдет немного времени, будете совсем здоровы. Вы поняли все, что я сказал?

— Да.

— Сейчас я уйду от вас. Не смущайтесь тем, что цвет стен и пола меняется. Это происходит потому, что меняются применяемые нами электромагнитные волны. Теперь вы спокойны?

Как хотелось больному ответить, что нет, он не спокоен и не может быть спокоен, пока не узнает, что означает это странное помещение и не менее странный его хозяин!

— Да, я спокоен, — ответили глаза.

— Прощайте на короткое время.

Он улыбнулся, погладил руку больного, и медленно направился к стене. Казалось, ему очень не хотелось уходить так скоро. И действительно, пройдя всего несколько шагов, он остановился, словно в нерешительности, потом резко обернулся.

— У меня есть к вам один вопрос, — сказал он, явно волнуясь. — Очень важный для всех нас. Мне не хотелось бы откладывать его выяснение. Если память полностью вернулась к вам, то помните ли вы ваше имя?

«Ну, конечно», — хотелось ответить больному, но он смог только медленно закрыть глаза.

— Да.

— У нас есть предположение... вся планета ждет разрешения этой загадки. — Он замолчал, потом медленно и раздельно произнес: — Дмитрий Волгин.

Глаза больного ответили:

— Да.

3.

С каждым днем выздоровление шло все более и более быстро. Каждый день в теле Дмитрия Волгина происходили ощутимые перемены. Он мог уже свободно двигать руками и головой, он мог уже произносить слова достаточно ясно, чтобы быть понятым.

Но все еще приходилось лежать неподвижно.

Все, что происходило с ним с момента, когда он очнулся от беспамятства, продолжало оставаться для Волгина загадкой. Разговоры с человеком, которого он первым увидел, были кратки и редки.

Волгин уже знал, что этого человека зовут Люций. Это удивительное имя, напоминавшее древний Рим, поразило Волгина, да и другие люди, которых он видел, носили не менее странные имена. Одного из них звали Цезий, другого Ио. Но рядом с ним находились двое молодых людей с

обычными, хорошо известными Волгину именами — Сергей и Владилен.

На вопрос об их национальности Люций с улыбкой ответил, что они все русские, но они говорили между собой на языке, который Волгин понимал с большим трудом. В основе это был, безусловно, русский язык, но почти половина слов была ему незнакома. Один только Люций говорил с ним на обычном русском языке, но с заметным акцентом, происхождение которого Волгин никак не мог понять.

За исключением Ио, все окружающие Волгина люди были, по-видимому, молоды, но когда Волгин спросил как-то, сколько им лет, Люций ответил лишь, что они не так молоды, как выглядят.

Ио, еще крепкий, полный сил старик, был, по-видимому, известный врач, потому что когда он осматривал Волгина, Люций и все остальные с большим вниманием и очевидным уважением прислушивались к его словам. Но все же главным врачом Волгина был Люций.

Постепенно Волгин привыкал к необычайному внешнему виду и странным одежаниям этих загадочных людей, и вид их уже не вызывал в нем любопытства. Волгина удивляло, что они не употребляли привычного обращения «товарищ», а называли друг друга по имени, а его самого Дмитрием. Отчества они также не упоминали.

Один раз Волгин спросил Люция, как его фамилия, но тот как будто растерялся от этого простого вопроса и ничего не ответил.

Отсутствие в их лексиконе слова «товарищ» беспокоило Волгина, и он прямо спросил Люция, почему они не употребляют этого обращения, если они русские?

Вопрос явно застал Люция врасплох, потому что он задумался, прежде чем ответить.

— Мы все, — сказал он наконец, — близкие друзья, и поэтому называем друг друга прямо по имени. Вас мы тоже любим, как родного нам человека.

Из вежливости Волгин сделал вид, что поверил, и только спросил, в какой стране он находится. Люций ответил,

что в Советском Союзе, но Волгин заметил, как находившийся в это время в павильоне Владилен с любопытством оглянулся, услышав эти слова.

Все это было достаточно странно, чтобы не возбудить тревоги.

Вскоре произошел еще более странный разговор.

— Значит, меня вывезли из Парижа? — спросил Волгин, когда Люций пришел к нему один. — Неужели я так долго находился в бессознательном состоянии, что даже не заметил переезда?

Он видел, что Люций в замешательстве.

— Вы очень долго не приходили в сознание, несмотря на все принятые меры, — ответил он.

Оставшись один, Волгин глубоко задумался. Ответы Люция, его замешательство, поспешность, с которой он прекратил разговор, — все это свидетельствовало, что вопросы Волгина были для него неожиданны.

Волгин понимал, что пробуждение ото сна, в который погрузила его болезнь (может быть, это было беспамятство, а не сон), окружено тайной, которую хотят скрыть от него. Несомненно, на это были серьезные причины, и хотя он не знал, что это за причины, но решил подчиниться людям, так успешно лечившим его, спасшим ему жизнь.

В долгие часы одиночества мысль Волгина часто останавливалась на загадочной фразе, которую Люций произнес во время их первого разговора. Он хорошо запомнил эту фразу: «У нас есть предположение... вся планета ждет разрешения этой загадки».

Что могли означать эти слова? Какая планета? Очевидно, Земля! Не мог же Волгин попасть на другую?!

Он до того запутался в своих догадках, что начал допускать и такую возможность. Однажды, когда перед его ложем поставили для очередной непонятной процедуры какой-то прибор или машину совсем уже диковинного вида, Дмитрий под видом шутки задал этот вопрос.

Люций явно не понял шутки, и серьезно ответил:

— На Земле.

Он сказал это таким тоном, как будто считал вопрос Волгина вполне естественным.

«Вся планета ждет разрешения этой загадки...». Загадки его имени? Чем вызвано такое исключительное внимание всей Земли к нему, Волгину?

Как-то он вспомнил, что читал роман Уэллса «Когда спящий проснется», где описывалось, как человек, заснув на два или три века, проснулся властелином Земли, владельцем всего, что на ней было. Герой романа находился в летаргическом сне.

Может быть, и с ним, Волгиным, произошло подобное?

И тотчас же, откуда-то издалека всплыло воспоминание. Волгин спросил как-то у парижского профессора, что такое летаргия и как долго она может продолжаться. Профессор ответил, что летаргический сон не может тянуться долго и переходит в смерть, если не наступит пробуждение.

А «летаргия» Волгина, если действительно это летаргия, была очень длительной. Иначе оставались необъяснимыми поразительные перемены в окружающем, начиная с внешнего вида людей, их одежды, непонятного «русского языка» и кончая архитектурой павильона и способами, которыми Дмитрия лечили. Это совсем иной мир.

Но что это за мир?..

.....

Прошло несколько недель.

Физически Волгин чувствовал себя превосходно. От болезни, которая едва не свела его в могилу, не осталось почти никакого следа. Больше всего изумляло Волгина, что его большое сердце стало, по-видимому, совершенно здоровым.

Способность двигаться полностью вернулась. Волгин мог вставать и ходить, но ему разрешали это только в те короткие периоды, когда цвет стен, а с ними и ложа, становился белым. Это означало, что они больше не облучаются. И именно в это время к Волгину входили люди.

Все находившиеся возле Волгина («персонал клиники», как он мысленно называл их) относились к нему заботливо. Казалось, им доставляло удовольствие погладить его воло-

сы или плечи. Волгин иногда думал, что они смотрят на него так, как смотрят в семье на больного любимого ребенка.

Однажды Волгин сказал это Люцию.

— Вы правы, — ответил его врач. — Вы наш ребенок. А я могу считать себя отцом.

Это было сказано с такой любовью и так серьезно, что не показалось Волгину ни смешным, ни претенциозным. Он почему-то сразу поверил, что Люций имеет право так говорить.

С момента, когда к нему впервые вошел Люций и состоялось их знакомство, по расчету Волгина прошло около четырех месяцев. И вот совершенно неожиданно, без всякого предупреждения наступил конец «заклучению».

В этот день, проснувшись после крепкого здорового сна, Волгин увидел, что произошла необычайная перемена.

Он находился в том же павильоне, но лежал не на середине, как всегда, а у стены. Ложе, на котором он так долго изнывал от скуки, исчезло.

Низкая широкая кровать была застлана белыми шелковыми простынями, цвет которых совсем не соответствовал цвету купола. Такая же белая подушка находилась под его головой. Он был покрыт тонким пушистым одеялом серебристого цвета.

В изголовье стоял столик. На столике, покрытом голубой салфеткой, стоял хрустальный сосуд с букетом живых цветов. С удивлением он заметил среди них несколько очень красивых, но совершенно ему незнакомых.

«Я в какой-то далекой, вероятнее всего — южной стране», — подумал он.

Рядом с кроватью — кресло, на нем разложено белье и аккуратно повешен на спинку серый костюм того же покроя, что и у Люция. На коврик — замшевые туфли.

Сердце Волгина радостно забило. Наконец-то настала минута, которую он ждал так долго!

Неожиданно нижняя часть купола раздвинулась и вошел Люций. Обычными для него легкими шагами он приблизился и сел на край постели.

Серые глаза смотрели, как всегда, приветливо, но Волгин заметил в них тревогу. Он хорошо изучил лицо своего врача и сразу понял, что тот сильно обеспокоен.

Люций пытливо, с пристальным вниманием смотрел на Волгина. Потом улыбнулся и дотронулся до его руки.

— Как вы себя чувствуете? — начал он с вопроса, который задавал каждый день и который задавали все врачи с незапамятных времен, приходя к пациенту.

— Как мне понимать всю эту перемену? — спросил Волгин.

— Она означает, что ваше лечение закончено. Вы можете встать и выйти отсюда. С сегодняшнего дня вы начнете принимать обычную пищу и через несколько дней, привыкнув к ней, сможете выйти из-под наблюдения врача. Вы теперь здоровый человек, Дмитрий.

— Этим я обязан вам, Люций. Вы спасли меня от верной смерти, к которой я был приговорен парижскими врачами. Я не знаю, кто вы такой, но надеюсь узнать... со временем.

— Это время наступило. Вы можете узнать все, что пожелаете. Но своим выздоровлением вы обязаны не мне одному. Много людей работало, чтобы поднять вас на ноги. Все человечество гордится этой замечательной победой науки. Но мы не знаем, как отнесетесь вы сами к тому, что с вами сделали. Этот вопрос давно беспокоит и тревожит всех. Если вы обвините нас, то я должен наперед сознаться в том, что главная вина лежит на мне.

Волгин не верил своим ушам. Многое мог сказать выздоровевшему пациенту его врач, но только не то, что сказал Люций.

— Люций! — сказал Волгин. — Я очень устал от непрерывных загадок. Где я нахожусь? Кто вы такой? Почему вся Земля интересуется мной? Что, наконец, со мной произошло? И почему излечение человека от смертельной болезни вы назвали виной?

— Дмитрий! Я пришел только для того, чтобы объяснить вам все, прежде чем вы покинете это помещение. Но

объяснить это не так просто, поверьте мне. Потом вы поймете. Лично я не согласен с этим, но очень многие упрекают меня за то, что я сделал с вами...

Изумление Волгина было так велико, что он даже забыл обо всех мучивших его вопросах. Он видел, что его собеседник едва сдерживает волнение. На серьезном лице Люция застыла какая-то неестественная, напряженная улыбка. И Волгин внезапно почувствовал, что вот сейчас, сию минуту, услышит нечто такое, чего не слышал никогда ни один человек в мире.

— Вы, Дмитрий, — продолжал Люций все тем же, словно скованным, голосом, — стали жертвой ненасытного научного любопытства. Это доказывает, что даже века не в силах изменить человека, сделать его более благоразумным, когда дело коснется жажды познания.

Он вскочил и быстро прошелся по павильону, к двери и обратно. Волгин видел, как сильно сжимал он пальцы рук, и как трудно дышала его широкая грудь. Волнение Люция передалось и ему.

— Объяснитесь яснее, — сказал он. — Мне кажется, вам не в чем упрекать свою совесть. Вы вернули мне здоровье. И я вам очень благодарен.

— Вы мне благодарны? — Люций опять сел на постель к Волгину. — Это потому, что вы ничего не знаете. Но будете ли вы так же благодарны, когда узнаете все?

— Думаю, что да. Вы боитесь сказать, что я нахожусь далеко от родины и что с момента, когда я потерял сознание, прошло очень много времени. Но я это знаю. Пусть даже прошло много десятилетий, это меня не испугает.

Люций грустно улыбнулся.

— Пусть даже прошло много десятилетий, — повторил за Волгиным Люций. — Но, — он замолчал, тяжело перевел дыхание и быстро, точно боясь, что у него не хватит силы закончить, сказал: — Что вы скажете, если прошло не много десятилетий, а много столетий?

Волгин вздрогнул. Выражение сострадания, появившееся на лице Люция, показалось ему зловещим. Как молния,

мелькнуло в его мозгу воспоминание о всех необъяснимых загадках, которые он тщетно старался понять.

Нет, ЭТОГО он не мог ожидать!

— Что вы сказали? — прошептал Волгин.

— Правду, — обычным своим голосом ответил Люций. Казалось, что высказав, наконец, истину, он сразу успокоился. — Вы действительно... проснулись не только в другом веке, но и в другой исторической эпохе.

Волгин закрыл глаза.

Его разум не то чтобы отказывался верить тому, что он услышал, но не мог сразу воспринять сказанного. Это было слишком невероятно. Но все же Волгин ни на секунду не подумал, что Люций его обманывает. В сущности, он давно подозревал что-либо подобное. Наблюдения за окружающим подготовили его к удару, и он поразил Волгина не столь сильно, как, по-видимому, опасался того Люций.

— Какой сейчас год?

Ответа не последовало. Волгин открыл глаза.

Совсем близко он видел красивую, благородную голову, высокий лоб под густыми и темными волосами. Брови Люция были сдвинуты, и он пристально смотрел прямо перед собой. Волгин с совсем иным, чем прежде, чувством окинул взглядом всю мощную фигуру своего врача. Он точно увидел его впервые.

Так вот почему они не похожи на обычных людей! Это не люди двадцатого века, как он думал. Это люди новой исторической эпохи.

— Какой сейчас год? — повторил Волгин.

Темные глаза Волгина смотрели на Люция спокойно и прямо. В этих глазах не заметно было особого волнения.

При виде радостного изумления, которое отразилось на лице Люция, Волгин улыбнулся.

— Вы думали, что я потеряю сознание от ваших слов, или со мной случится истерика, — сказал он. — Вы не знаете людей нашего поколения. Я перенес в своей жизни много ударов, но они меня не сломили.

Люций схватил его руки и сжал их.

— Вы удивительный человек! — взволнованно сказал он. — Я бесконечно рад, что вы такой. Меня предупреждали... мне говорили... я опасался самых тяжелых последствий.

— Люди, которые вам это говорили, — сказал Волгин, — очевидно, не привыкли к тяжелым испытаниям. А мы жили в трудную эпоху и научились противостоять им. Говорите же, наконец, какой сейчас год?

— На этот вопрос, — ответил Люций, — нельзя ответить прямо. Если я назову вам цифру, она вам ничего не скажет. Когда вы родились? — неожиданно спросил он.

— В тысяча девятьсот четырнадцатом году, — ответил Волгин.

— В тысяча девятьсот четырнадцатом году старой эры?

— Не слышал о такой эре. Но все равно! Я родился, если вам так угодно, в тысяча девятьсот четырнадцатом году после рождения Христа. Вы задаете странные вопросы, — прибавил Волгин, — вместо того, чтобы ответить на мой вопрос.

Казалось, Люций не слышал слов Волгина. Он смотрел на него взглядом, в котором были восторг и недоверие.

— За три года до Великой революции! — тихо сказал он. — Этого не может быть!

— Но, тем не менее, это безусловный факт, — сказал Волгин. — Это так же верно, как то, что меня зовут Дмитрием Волгиным.

— Я знаю, что вы Дмитрий Волгин, и родились за много веков до нашего времени. Но поймите! Современному человеку трудно, психологически трудно поверить, что он видит перед собой одного из легендарных Героев Советского Союза. Значит, вы родились за три года до начала коммунистической эры?

Коммунистической эры?..

— Да, старое ваше летоисчисление теперь считают только до тысяча девятьсот семнадцатого года. После Великой революции начинается эпоха, называемая коммунистической эрой.

Волгин перевел дыхание, и, стараясь говорить как можно спокойнее, спросил:

— И как долго продолжалась коммунистическая эра?

— Ровно тысячу лет, — ответил Люций. — Потом начали новый счет годам, который продолжается и теперь.

Волгин понял, что еще немного, и он потеряет сознание от волнения. Он судорожно сжал плечи Люция.

— И сейчас у вас год?..

— Восемьсот шестидесятый!

Волгин откинулся на подушку.

«Это сон или бред, — подумал он. — Этого не может быть в действительности». Но всем существом он чувствовал и понимал, что Люций сказал ему правду.

Бессознательное состояние Волгина продолжалось почти две тысячи лет!

— Люций! — сказал он. — Тут что-то не так. Человек не может жить столько ни при каких условиях. Это противоречит законам природы!

— Вы правы, Дмитрий! Человек, безусловно, не может жить тысячу девятьсот лет. — Люций пристально посмотрел в глаза Волгину и, взяв его руки в свои, закончил: — Но вы и не были живы, Дмитрий. Вы были мертвы все это время.

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

ОТРЫВКИ ИЗ ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

За десять лет до описанных выше событий небольшой оранжево-красный аппарат быстро и бесшумно летел над землей, направляясь на северо-восток.

Под его гладким удлинённым корпусом, не имевшим ни крыльев, ни каких-либо внешних движущих частей, стремительно проносилась поверхность земли, сливаясь для глаз пилота в сверкающие под лучами солнца полосы, на которых трудно было различить подробности.

Впереди показалась широкая водная равнина, и через полминуты машина была уже над открытым морем.

Человек, сидящий в машине, посмотрел на часы.

И вдруг машина замедлила скорость. Пилот ни до чего не дотрагивался, он сидел в той же позе, откинувшись на спинку мягкого сиденья. Перед ним находился только маленький, изящно оформленный щиток с двумя миниатюрными циферблатами. Ничего, что обычно называют органами управления, в кабине не было: ни штурвала, ни педалей, ни каких-либо рукояток. А машина продолжала все больше и больше замедлять скорость, не снижая высоты, пока не повисла над морем почти неподвижно. Казалось, что где-то

рядом с ним находится человек, который, оставаясь невидимым, управляет полетом. Пилот отодвинул боковое стекло и подставил лицо ворвавшемуся ветру.

Пилот казался человеком уже преклонных лет. Его густые, коротко стриженные волосы были совсем седыми. Высокий мощный лоб избороздили морщины. Но, несмотря на возраст, человек выглядел крепким и здоровым. Серые глаза, не утратившие блеска, смотрели ясно и твердо.

Пилот вынул из кармана небольшую плоскую коробочку, открыл крышку и нажал несколько кнопок. В кабине послышался слабый шорох. Потом чей-то голос произнес громко и отчетливо:

— Люций слушает.

— Я где-то близко от вас, — сказал пилот. — Дайте направление. Мой индекс 1637-М-2.

— Даем, — ответил голос. — Настраивайся на номер 33, индекс 8889-Л.

Пилот наклонился к щитку и переставил маленькую стрелку на одном из циферблатов. Почти тотчас же в центре прибора вспыхнула крохотная синяя точка.

— Лечу правильно! — сказал пилот. — Не выключайте.

Прошло несколько минут, и вдруг синяя точка превратилась в красную. Пилот стал всматриваться в местность. Машина на малой скорости летела по кругу. Вскоре он заметил большую поляну, а на ней двух человек, махавших ему платками.

Машина неподвижно повисла в воздухе на высоте около двухсот метров, потом, как на невидимом парашюте, вертикально опустилась на землю.

Ожидавшие люди подбежали к пилоту, радостно его приветствуя. Он протянул к ним обе руки.

— Здравствуйте, друзья! Ну, покажись, Люций! — прибавил он, притягивая к себе одного из встречающих. — Мы давно не виделись. Как поживает Мэри?

— Все в порядке, отец! — ответил Люций. — Твоя внучка скучает по тебе и очень хочет с тобой встретиться.

Рядом с Люцием стоял высокий молодой человек, худощавый, с бронзовым от загара лицом. Почтительно поклонившись старику, он с видимым уважением пожал его сильную руку.

— Меня зовут Владилен, — сказал он удивительно ясным и чистым голосом. — Я очень рад видеть великого ученого Мунция.

Старик улыбнулся.

— Где же вы так сильно загорели, Владилен?

— Совсем недавно, он прилетел с Венеры, — ответил за товарища Люций.

— Тогда понятно. Я был на этой планете, Владилен. Очень давно, более ста сорока лет тому назад, но я хорошо помню, что за короткое время загорел так же, как вы. Там нельзя не загореть — ведь мы разогнали вечные облака над планетой. А что вас привело сюда?

— Я изучаю метеориты, — ответил Владилен. — Три недели назад здесь упал большой аэролит. Я хочу найти его, но пока что мне это не удалось. По-видимому, он глубоко ушел в землю...

— Они искали аэролит, — сказал Люций, — а пока что нашли, как мне кажется, более интересный предмет. Ради этого мы и решили вызвать тебя, отец.

— Знаю. Меня заинтересовало ваше сообщение. Расскажи-ка мне всю историю сначала.

— Это случилось три недели тому назад. Однажды я проработал в своей домашней лаборатории всю ночь. Часов в пять утра я вышел подышать свежим воздухом, прежде чем лечь спать. Внезапно я услышал слабый свист, раздавшийся как будто сверху.

Не успел я даже подумать, что это может быть, как звук усилился, приближаясь с каждым мгновением, и прямо над моей головой пролетел раскаленный болид. Я сразу кинулся к своему арелету, сел в него и с максимальной скоростью направился в ту сторону, где скрылся болид. Километрах в ста от дома я заметил огонь. При падении метеорит свалил несколько деревьев и поджег кустарник. Огонь был не сильный, и мне удалось легко справиться с ним. Самого камня нигде не было видно.

В то же утро я сообщил обо всем в астрономический институт. Спустя несколько дней ко мне явился Владилен с целой комиссией астрономов. Они решили разыскать его. Три дня тому назад, перейдя на новое место, он нашел группу камней на глубине всего пяти метров. Когда они были извлечены на поверхность, Владилен сразу понял, что это не просто камни, а ценная археологическая находка.

— Почему вы решили, что камни не простые? — спросил Мунций, с интересом слушавший рассказ сына.

— Потому, что это куски мрамора, которого нет в здешних краях, а главное — потому, что ясно видны следы обработки. Это остатки какого-то древнего монумента. Если хочешь — пойдем, и ты сам увидишь.

2.

— Вот! — сказал Люций. — Здесь восемнадцать кусков мрамора одного цвета. Когда-то он был белым, но сильно потемнел от времени. По-видимому, эти камни большой древности. Мы с Владиленом мало смыслим в археологии, и потому я вызвал тебя. Самое интересное — это то, что на некоторых камнях виднеются следы надписи.

Мунций увидел, что разбитые куски лежали на земле не как попало, а в каком-то порядке. Видимо, их пытались сложить, подгоняя друг к другу.

Мунций вынул из кармана складную лупу и пристально осмотрел каждый камень. Некоторые из них он переставил, другие с помощью Люция перевернул.

Прошел час. Мунций на коленях ползал около камней, не отрываясь от лупы. В некоторых местах он зачищал мрамор острием ножа. С помощью линейки он принялся измерять на камнях расстояние между одному ему понятными точками.

— Ты знаешь, — обратился он к Люцию, — хоронить людей в земле прекратили более тысячи семисот лет назад. Я определяю возраст этих камней в две тысячи лет...

— Как жаль, что нет самого трупа...

— Да, конечно! Но труп давно уже исчез бесследно. Может быть, можно найти остатки черепа и крупных костей.

— Это не то!

— Понимаю, но то, чего хочется вам, биологам, вы никогда не найдете. Вернемся к нашей теме. Для археолога самое важное в подобных случаях — это определить язык, на котором была сделана надпись. В былые времена существовало много различных языков, и это обстоятельство затрудняет расшифровку. Так как эта местность расположена на территории, где жили русские, то мы вправе предположить, что и надпись сделана на старом русском языке. Ты еще помнишь его?

— Плохо, но помню, — ответил Люций. — Твои уроки не пропали даром. Странно, что онигодились.

— В надписи три строчки. Первая буква первой строчки сохранилась. Это большое «Г». За нею идут две буквы меньшего размера — «е» и «р». Получается начало слова — «Гер...». Затем идет большой пропуск и опять три буквы рядом: «ю», «з», «а» — «юза». Судя по величине букв и длине всей строчки, можно сделать вывод, что в промежутке могло быть еще шестнадцать букв. Но одного слова та-

кой длины не существовало. Значит, сюда входят и промежутки между словами. Очень смутно на местах четырнадцатой и пятнадцатой букв можно различить несколько линий, дающих основание думать, что здесь могли быть буквы «о» и «г», расположенные рядом. Учитывая это, можно сказать, что первая строчка — это «Герой Советского Союза». Ты, конечно, знаешь, что это звание присваивалось людям в первые века коммунистической эры за особо выдающиеся подвиги. Вторую строчку мы не можем прочитать. Если первая строчка прочитана нами правильно, а я в этом не сомневаюсь, то это может быть именем и отчеством героя. Перейдем к третьей строчке. Строчка была написана большими и, заметь, одинаковыми буквами. Три буквы рядом — «В», «О», «Л», затем промежуток величиной в три интервала, и буква «І». Получается «ВОЛ...ІІ». Ты знаешь, что такое фамилия?

— Да, помню, — ответил Люций.

— Но, — продолжал Мунций, — эта фамилия написана во множественном числе, что доказывается буквой «ІІ» на конце. А отсюда следует, что надо читать не «Герой Советского Союза», а «Герои». Два Героя с одинаковой фамилией. Вряд ли их было три. Вероятно, это братья. Если мы зададимся вопросом, когда могло так случиться, что два брата одновременно получили звания Героев и были похоронены вместе, то приходим к выводу, что легче всего это могло произойти на войне. Я переберу архивные материалы и, может быть, найду историю подвига.

3.

В восемьсот пятидесятом году новой эры на одном из первых мест, по своему значению, стояла старинная наука, роль которой человечество поняло и оценило еще в первом веке коммунистической эры, — биология.

На протяжении почти двух тысяч лет бесчисленные поколения ученых пытались исчерпать до дна «науку жизни», поставить самую могучую силу природы целиком на служ-

бу человеку. Много раз казалось — «дно» уже видно! Но мнимый конец опять превращался в начало. Биология оказалась неисчерпаемой, как неисчерпаем был атом...

Академик Люций был одним из выдающихся биологов своего времени. Ученик и последователь знаменитого ученого семисотых годов, он, как и его великий учитель, больше интересовался не жизнью, а ее обратной стороной — смертью, полагая, что чем дальше проникнет человечество в тайны смерти, тем скорее оно добьется своей цели — продолжения жизни до ее естественного предела.

Средняя продолжительность жизни человека новой эры — двести лет — казалась ученым восьмьсот пятидесятого года до обидного малой.

Люций, как и его коллеги, был убежден, что наука находится на пороге «великого скачка» и что совсем близко (по масштабам науки, разумеется) то время, когда цифра «двести» сменится желанной цифрой «триста».

«А что будет дальше? — нередко спрашивал себя Люций. — Разве наука остановится на этом? Мы считаем, что триста лет жизни — это предел для человеческого организма. Но так ли это на самом деле? Может быть, способность к обмену веществ многоклеточного организма беспредельна? Может быть, пройдет немного времени, и цифра «триста», к которой мы стремимся, будет отброшена и заменена другой?»

Много подобных вопросов вставало перед ученым. Люций умел и любил работать. Сын ученого, он с детства был приучен к настойчивости и систематическому труду. В мире науки он забывал обо всем, и годы проходили незаметно, когда новая интересная задача вставала перед ним.

Люций был еще молод. По понятиям людей восьмьсот пятидесятого года, девяносто — сто тридцать лет были порой зрелости, а отнюдь не пожилым возрастом. А Люцию исполнилось восемьдесят. И он был уже академиком, а значит, и членом Верховного совета науки. Люций незаметно для себя становился во главе биологов всей земли. Уже многие признанные ученые называли его «Учитель».

Когда Мунций улетел, чтобы тщательно изучить куски мрамора и заняться розысками материалов о Героях с фамилией «Вол...ы», Люций вернулся к прерванной работе. Но забыться, выбросить из головы все, кроме изучаемого вопроса, на этот раз никак не удавалось. Он все время помнил о памятнике и ожидал известий от отца

Прошел месяц.

И вот как-то утром Мунций сообщил, что прилетит в середине дня. И не один, а с врачом Ио.

Люций не обратил внимания на имя, названное отцом.

— Документы нашлись? — спросил он.

Не отвечая, Мунций задал встречный вопрос:

— Где Владилен?

— Он еще здесь.

— Попроси его прилететь к тебе. Его помощь может понадобиться. Мы будем скоро, ждите нас!

И Мунций выключил гравиоф, так и не удовлетворив любопытства сына. Но Люций понял, что его отец находится в отличном расположении духа. Это говорило о том, что им достигнут какой-то результат.

Владилен прилетел сразу, как только узнал о предстоящем прибытии Мунция.

— Меня очень интересует история этого памятника, — сказал он, здороваясь с Люцием. — А вы не знаете, зачем я могу понадобиться?

— Не имею ни малейшего представления. Мой отец иногда любит загадывать загадки.

— А кто такой Ио?

— Какой-то врач. Вероятно, знакомый отца, который, как и вы, Владилен, интересуется находкой.

— Вы его знаете?

— По-видимому, нет. Я знаю, и знаю очень хорошо, другого Ио. Но тот так известен, что и вы не можете не знать его.

— Вы говорите об академике Ио?

— Да.

— А это не может быть он?

— Конечно, нет. Исторические памятники не интересуют академика Ио.

Немного погодя на площадку перед верандой дома опустился арелет бледно-голубого цвета. Аппарат был двухместный, и из него вышли — Мунций, и за ним очень высокий худощавый человек с седыми волосами.

Люций вздрогнул, увидев его.

— Академик Ио! — сказал он удивленно. — Что это значит? Зачем он здесь?

Академик Ио рассеянно пожал руки Люцию и Владилену и отрывисто бросил:

— Рад видеть!

«Все тот же, — подумал Люций. — Нисколько не изменился».

Когда все уселись, Люций приготовился терпеливо ждать рассказа и объяснений. Он хорошо знал, что Мунция торопить бесполезно. Но Ио не имел намерения ждать.

— Говорите, Мунций! — сказал он. — Время идет. Надо приступить к поискам.

— Если дело идет о поисках недостающих кусков мрамора, то их нет в земле. Теперь я могу поручиться за это, — сказал Владилен.

— Жаль, конечно! — ответил ему Мунций. — Но сейчас нас интересует другое. Так вот, Люций, — продолжал он, обращаясь к сыну, — я, конечно, ошибся. Но ошибка оказалась не столь уж значительной. Я думал, что под мраморным памятником были похоронены два брата-героя. Оказалось, что не два брата, а муж и жена. Дмитрий Волгин и Ирина Волгина.

— Ирина Волгина! — воскликнул Люций. — Как странно! Каждый раз, бывая в академии, я вижу ее бюст, установленный в вестибюле. Ведь Ирина Волгина была врачом.

— Значит, муж Ирины тоже был Героем Советского Союза? — удивился Владилен.

— Да. Именно из-за него я и явился к вам, — ответил Ио.

Люций и Владилен посмотрели на него с удивлением и любопытством.

— Сейчас поймете, — сказал Мунций. — Я продолжаю. Под мраморным памятником были похоронены сперва Ирина, а затем Дмитрий Волгины. Они умерли в разное время. Могила находилась в центре парка одного небольшого городка. Этот городок был снесен в середине седьмого века коммунистической эры, и на его месте посажен лес, который растет здесь и поныне. Памятник остался в густом лесу, постепенно о нем забыли. Ирина погибла во время войны, и ее похоронили в обычном для того времени деревянном гробу. Разумеется, от нее не осталось ровно ничего. Но не так получилось с Дмитрием Волгиным. Он умер в Париже — столице бывшей Франции. Его тело было положено в свинцовый гроб и отправлено на родину. Мужа похоронили рядом с женой. Тогда и появилась на памятнике надпись, которая ввела нас в заблуждение. Так вот. Под памятником было два гроба. Один деревянный, другой свинцовый, наглухо запаянный...

Люций вскочил.

— Понял! — вскричал он, перебивая Мунция. — Надо попытаться найти этот свинцовый гроб.

— Вот именно! — Ио в первый раз улыбнулся. — Найти непременно, так как он никуда не мог исчезнуть. Свинец — не дерево. И если гроб был хорошо запаян, а тело не вскрыто...

Сильно возбужденный Люций вторично перебил ученого.

— Ваше мнение, Владилен? — спросил он.

— Могу только сказать, что поблизости от поляны никакого гроба нет, — уверенно ответил молодой ученый.

— Завтра придут два геолога, — сообщил Мунций. — Ведь ясно, что гроб перенесен на другое место силой подземных вод или, возможно, сдвигами почвы. Придется затратить много труда, но поискать стоит. Такого счастливого случая может больше не представиться.

На следующий день начались поиски.

Проходили недели, но гроб Дмитрия Волгина не находился. Многие теряли веру и улетали. На их место по зову Люция и Ио появлялись другие. И вот пришел успех.

В трех километрах от места, где были найдены обломки памятника, на глубине двадцати метров обнаружили длинный, похожий на громадный камень предмет. Извлеченный на поверхность земли, «камень» оказался свинцовым гробом, со всех сторон обросшим известковыми наслоениями.

Казалось бы, бесспорная удача.

Но ученые всегда осторожны в выводах.

К этому времени сотрудники археологического института подняли из архива старые карты города У... и его окрестностей. И оказалось, что находка сделана как раз на том месте, где до третьего вена коммунистической эры находилось городское кладбище.

Кто же лежал в найденном гробу?

Был ли это Дмитрий Волгин, или нашли другого неизвестного человека, похороненного также в свинцовом, а не в обычном деревянном гробу? Для Люция и Ио самым главным было получить более или менее сохранившийся труп человека, умершего около двух тысяч лет назад.

Но не так смотрел на это моральный закон эпохи. Извлеченное из могилы тело человека после обследования его учеными-биологами надо было сжечь, похоронить вторично. Какое же имя назвать при погребальной церемонии?

— Надо продолжать поиски, — решил Мунций. — Вести их до тех пор, пока мы или найдем второй свинцовый гроб, или убедимся, что такового нет и, следовательно, найденный является гробом Дмитрия Волгина.

И поиски продолжались с прежним усердием. Ими остались руководить Мунций и Владилен. А Люций и Ио улетели, увозя с собой найденный гроб.

Известковые наслоения, которые стали за долгие века крепче камня, осторожно и тщательно удалили. В ярком свете лабораторного зала тускло блеснула свинцовая поверхность, и людям показалось, что гроб совсем новый, изготовленный на днях, а не две тысячи лет тому назад.

С помощью мощной оптики осмотрели запаянный шов. Он был сплошным и не имел ни одного изъяна.

— Там труп взрослого человека, — уверенно сказал Люций, руководивший работой. — Вскрывайте шов!

И вот четыре человека подняли и поставили в сторону крышку гроба.

Почти черного цвета, сморщенная и высохшая кожа лица и кистей рук трупа плотно прилегалась к костям, но была совершенно целой. Остальное скрывало полуистлевшее покрывало когда-то белого цвета.

— Закрыть! — приказал Люций.

Прозрачный куполообразный футляр опустился на гроб, плотно войдя в пазы подставки. Зашипел вакуумный насос.

— Не знаю почему, — сказал Люций, — но мне кажется, что это, несомненно, Дмитрий Волгин.

4.

По одной из дорожек, покрытой мелкой, хорошо утрамбованной морской галькой, шли двое людей. Оба высокого роста, хорошо сложенные. Их движения, гибкие и точные, напоминали движения гимнастов.

Мужчина в обычном для этого времени костюме — рубашке без рукавов и коротких брюках, был Владилен.

Его спутницей была молодая девушка, одетая в темно-красное короткое платье, сильно открытое сзади, а спереди закрывавшее грудь до самой шеи. Голые ноги девушки отливали золотистым загаром. Ступни ног, обутые в туфельки вишневого цвета, казались очень маленькими в сравнении с ее ростом. Волосы, собранные и закрепленные у темени, свободно падали на спину и плечи. Девушка была светлой блондинкой и, несмотря на женственную тонкость черт, очень похожа лицом на Люция.

— В конце концов, — говорила она, — ему разрешили и этот опыт. Возражений было много, но отец с помощью своего единомышленника Ио сумел убедить противников. Я люблю и уважаю отца, но в данном случае не могу с ним согласиться.

— Вот как? Это почему же? Установить: умерли ли клетки организма навсегда, или они способны снова ожить, — это имеет колоссальное значение для науки.

— Нельзя глумиться над мертвым! — воскликнула Мэри. — Они собираются вынуть мозг. Потом возьмется за сердце. — Она содрогнулась. — Это уж слишком. Все должно иметь границы! Хотя, со своей точки зрения, вы и мой отец правы. Недаром же, в конце концов, все были вынуждены согласиться, и тело Дмитрия Волгина — я совершенно уверена, что это именно он, — находится сейчас в этом здании. Здесь над ним вот уже три года работают все или почти все выдающиеся ученые под руководством старого Ио и моего отца.

— Вы видели тело? — спросил Владилен.

Мэри поморщилась.

— Не видела, — сказала она. — Я ни разу его не видела. И не увижу. Смотрите на это, как на женский каприз, но мне неприятен «великий опыт», как его называют. В нем есть что-то мрачное и невыразимо тягостное. А я люблю цветы и солнце. Я люблю жизнь и никогда не войду в лабораторию отца, пока там находится мертвое тело. Так что идите туда один. Кстати, мы уже пришли, и дверь перед вами. Я думаю, что вы найдете отца на втором этаже, прямо против лестницы. Он знает о том, что вы прилетели, и будет рад увидеть такого же энтузиаста, как он сам.

Она повернулась и пошла обратно по дорожке сада. Владилен смотрел ей вслед, он ждал, что Мэри почувствует его пристальный взгляд и обернется. Но она не обернулась.

Владилен вошел в здание и поднялся на второй этаж.

Мэри была права. Академик сидел за столом и писал. Через несколько секунд они крепкожимали друг другу руки.

— Я рад, что вы, наконец, вспомнили о вашем обещании. Теперь я вас скоро не отпущу, — сказал Люций. — Я совсем переселился сюда, и за все эти три года ни разу никуда не вылетел. Со мной живет Мэри.

— Я видел ее. А где ваш отец?

— У себя. Он покинул нас два года тому назад. Мы с ним немного не ладили. И с тех пор не виделись.

— Ваша дочь мне кое-что рассказала. Кроме того, я внимательно следил за всей полемикой, которая поднялась в связи с вашими предложениями. Должен сказать, что я целиком согласен с вами, хотя, конечно, мое мнение ничего не может значить. Как идет дело?

— Очень хорошо, — ответил Люций, и его глаза блеснули. — Гораздо лучше, чем мы могли даже желать. Вы видели тело три года тому назад. Пойдемте, я покажу вам его теперь. Предупреждаю, вы будете поражены.

Они поднялись в открытом лифте на самый верхний этаж гигантского здания и вошли в лабораторный зал, расположенный под куполом.

Обстановка лаборатории — шкафы с приборами и аппаратами, столы и даже скамьи и кресла — была сплошь из стекла, что придавало всему какой-то призрачный вид.

Несколько человек в белых халатах что-то делали у столов; один из них пошел Люцию навстречу.

— Раствор меняли? — спросил Люций.

— Конечно, но Ио велел усилить концентрацию владилена на пять процентов.

— Хорошо! — сказал Люций.

Он взял Владилена под руку и подвел его к предмету, стоявшему на самой середине зала.

Это был большой стеклянный ящик, установленный на стеклянных ножках. Он был закрыт со всех сторон и наполнен прозрачной, слегка розоватой жидкостью.

В ящике, не касаясь дна, неподвижно висело человеческое тело, целиком погруженное в жидкость.

Снизу, сверху и со всех четырех сторон на него были направлены широкие раструбы металлических рефлекторов. От них протянулись гибкие, аккуратно уложенные трубки, уходившие сквозь пол куда-то вниз. Рефлекторы и стеклянный ящик окружал красный шнур.

— За этот шнур проходить нельзя, — сказал Люций. — Попадете в зону действия излучателей, а они очень сильны, и их излучение вредно для нормальных клеток.

Владилен подошел вплотную к шнуру и, охваченный естественным волнением, принялся внимательно рассматривать неподвижное тело. Чем дольше он смотрел, тем более волновался. Люций был прав — зрелище не могло не поразить воображение.

Владилен хорошо помнил, как три года тому назад по приглашению Люция вместе с Мунцием он прилетел в лабораторию, чтобы взглянуть на труп, пролежавший в гробу почти две тысячи лет. Он видел тогда почерневшую от времени, сухую и сморщенную мумию. И вот теперь тот же самый труп снова находится перед глазами Владилена.

Тот ли?..

Против воли закрадывается сомнение: не обманывает ли его Люций, не хочет ли подшутить над ним, выдавая недавно умершего человека за того? Куда делись чернота пересохшей ножи и общий «каменный» облик мумии? Так выглядят люди через несколько дней после смерти. Желтоватая ножа кажется даже розоватой из-за цвета жидкости. Волосы не прилипают больше к черепу, они «всплыли», и не надо никакого прикосновения к ним, видно и так — они мягки и шелковисты.

— Волшебство какое-то! — Владилен встряхнул головой, точно все еще не убежденный в том, что это зрелище он видит наяву, а не во сне. — В чем дело, Люций? Что тут произошло?

Люций улыбнулся.

— Понимаете ли, ожили клетки кожи, и отсюда огромная внешняя перемена.

Владилен схватил его руку.

— Значит, вы добились цели? — спросил он.

Люций покачал головой.

— Нет, — ответил он. — О том, что сейчас происходит с телом, мы знали раньше, чем начали работу над ним. Это повторение старых опытов, только в большем масштабе — в смысле времени. Клетки наружного кожного покрова легко впадают в состояние глубокого анабиоза и сравнительно быстро выходят из него. Нами доказано, что даже две тысячи лет недостаточный срок для того, чтобы клетки умерли окончательно, то есть потеряли способность к обмену веществ. Вот и все. Это еще не так много.

— Вы прекрасно знаете, что это не так, — раздался за ними чей-то голос.

Люций и Владилен обернулись. Возле них стоял Ио.

— Рад видеть! — сказал он, протягивая руку гостю. — Вы знаете, Владилен, он запутался. С одной стороны, ему хочется продолжать опыт и заставить все клетки тела, как бы глубоко они ни находились, вернуться к жизни. С другой стороны, не терпится вскрыть тело и осмотреть, в каком со-

стоянии внутренние органы. Одно исключает другое. Вот почему наш Люций в столь мрачном настроении.

Люций улыбнулся.

— Как будто сам Ио находится в другом положении, — сказал он.

— Я слышал, что вы добились согласия на анатомирование тела, — сказал Владилен.

— Да, конечно! — иронически ответил Люций. — Нам разрешили вынуть мозг. А если говорить по-настоящему, то надо вынуть все органы тела и работать над каждым из них в отдельности. Но тогда нечего будет хоронить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1.

За завтраком разговор все время вращался вокруг работы ученого. Любопытство Владилена было беспредельно. Люций терпеливо отвечал на его вопросы.

— Что происходит с телом сейчас? — спрашивал Владилен.

— Сейчас, — рассказывал Люций, — как и все эти три года, идет процесс пробуждения умерших, а точнее — приостановивших свою деятельность клеток организма. Жидкость, которую вы видели, — особый питательный раствор, проникающий в поры, и сейчас он заполняет всю внутреннюю полость тела. Этот раствор, который мы систематически обогащаем, представляет собой идеальную среду для стимулирования жизненных процессов. Он называется «владилин» и синтезирован триста лет тому назад великим биологом и химиком, которого, как и вас, звали Владиленом. Этот ученый всю жизнь работал над вопросами разложения тканей и оставил нам несколько десятков прямо-таки чудодейственных препаратов. Самым замечательным из них является препарат «В-64». Кроме раствора, мы применяем

еще излучение. Вы видели металлические рефлекторы вокруг тела?

— Да, конечно. Вы еще предупредили, что к ним нельзя подходить очень близко.

— Вот, вот! С помощью этих рефлекторов тело пронизывается излучением, заменяющим необходимую для восстановления жизни высокую температуру.

Излучение плюс раствор создают условия, при которых клетки должны ожить, то есть начать обмен веществ, если в них сохранилась способность к этому.

— Но ведь они уже ожили, — с удивлением сказал Владимир. — Почему же вы говорите «должны»?

— Потому, что я все время думаю о тех клетках, которые находятся внутри тела. — Люций улыбнулся. — Вы видели его, так сказать, снаружи, внешне. А что происходит внутри? Ио считает, что клетки и внутренних органов также ожили. Показания приборов как будто подтверждают его мнение. Что-то происходит, но что?

— Что вы намерены делать в ближайшем будущем?

— Пока продолжать существующий режим. Но мы вынем из черепа мозг, а тело останется в растворе. По нашим расчетам, должен настать момент, когда все клетки тела вернуться к жизни.

— И тело будет живым?!

Люций пожал плечами.

— Что понимать под словом «живой»? — спросил он, точно ожидая ответа от собеседника. — Клетки тела, может быть, отдельные ткани, будут живыми, но организм в целом, конечно, останется мертвым. Вообще для жизни многоклеточного организма характерно взаимодействие всех его частей, создаваемое работой мозга и нервной системы. Может быть, здесь проходит грань между «живым» и «мертвым»? Для нас, биологов, эта грань стала настолько неясной, что часто нельзя сказать, что перед нами — живое или мертвое. Для жизни организма, называемого «человек», жизни разумного существа, требуется сознательная работа головного мозга. Это еще одна «грань». Может быть, принять за основу ее?

Люций замолчал и задумался. Владилен ждал продолжения, но, видя, что его собеседник как будто забыл о нем, решился задать следующий вопрос:

— А если тело вынуть из раствора?

— Начнется нормальный процесс разложения тканей. В теле Волгина, будем называть его этим именем, этот процесс был остановлен благодаря герметической оболочке, в которую его заключили, но он все же, видимо, происходил. Насколько глубоко он успел проникнуть, мы не знаем, но уверены, почти уверены, — поправился Люций, — что владелин должен ликвидировать последствия. В этом убеждает нас то, что не видно и не было видно никаких внешних признаков разложения. Но вполне возможно... с этим никак не хочет согласиться Ио, что эти признаки находятся внутри тела. Тогда у нас ничего не должно получиться. Приборы же... действительно... очень странно... — Люций замолчал, но через минуту заговорил снова обычным голосом и, как всегда, точно формулируя свои мысли: — Должен сказать, что с телом Волгина произошло что-то, чего мы никак не можем понять. Как бы быстро ни положили тело в гроб, как бы быстро ни запаляли этот гроб, разложение должно было оставить гораздо большие следы, чем это произошло в действительности. Ведь после того, как гроб был запаян, процесс разложения продолжался некоторое время за счет кислорода, находящегося в тканях тела. Не положили же Волгина в гроб живым! В чем тут дело? Можно подумать, что запаянный гроб подвергали сильному нагреву, и тело оказалось как бы в положении живой ткани, которая бесконечно долго сохраняется в консервной банке. Это очень šťastливое обстоятельство для нас, но как это могло произойти? Нельзя же допустить, что гроб действительно для чего-то нагревали? Мы запрашивали геологов — никаких процессов в недрах земли, при которых происходило бы сильное выделение тепла, за все эти века в данном пункте не возникало. Значит, в земле гроб не мог нагреться.

— Может быть... пожар, — нерешительно заметил Владилен.

— Возможно. Но, в конце концов, это не так уж и важно. Налицо факт, что тело почти не затронуто разложением. И этот факт — основа всех наших планов.

— Вы не могли бы рассказать о них?

— Вы хотите знать наши планы? Мы не делаем из них тайны. Но чтобы вы лучше поняли, мне придется начать издалека.

— Я готов слушать вас до утра, — сказал Владилен.

Несколько минут Люций молчал, точно собираясь с мыслями.

— Смерть... — задумчиво начал он. — Много загадок таит в себе это простое и всем знакомое слово. Внешне смерть проста. Это остановка деятельности сердца, которое прекращает подачу крови, а с нею и кислорода к клеткам тканей. Не получая кислорода, клетки умирают, ткани начинают разлагаться. Вот и все. Видите, как просто. Проще быть не может. Но это только на первый взгляд. Вопрос в том... впрочем, не будем отвлекаться. В медицине различают смерть клиническую и смерть биологическую.

Первая — это еще не окончательная смерть. Она характеризуется только остановкой сердца. После нее возможно вернуть человеку жизнь. Этот промежуток между клинической и биологической смертью называют мнимой смертью. Вот здесь и таится бесчисленное количество загадок, над решением которых бьются поколения ученых вплоть до наших дней. Чем дальше проникала наука в тайны клетки, тем больше становился период мнимой смерти. Мы добились того, что в течение трех часов после остановки сердца человека можно вернуть к жизни. Но где находится предел мнимой смерти? Ведь не может же быть, чтобы таким пределом являлись три часа? Нет, он лежит гораздо дальше, но где?..

Люций посмотрел на Владилена так, словно только что вспомнил об его присутствии.

— Извините! — сказал он. — Я уклонился в сторону. Это мой больной вопрос. Я сегодня немного рассеян, мне не дает покоя одна мысль. И самое интересное — это то, что я

сам прекрасно сознаю, что мысль абсурдна. Волгин умер не три часа, а почти две тысячи лет тому назад.

Слушая Люция, Владилен все время пытался вспомнить мелькнувшую у него мысль. «Кажется, это было тогда, — думал он, — когда Люций говорил о мозге».

— Я не понимаю только одного, — сказал он, надеясь, что, вернув разговор назад, вспомнит. — Зачем вы хотите вынуть мозг? Ведь артерии и вены проникают и в него.

— Я понимаю вашу мысль, — одобрительно сказал Люций. — Но это нам ничего не даст. Если мы вынем мозговое вещество, вернее — то, что от него осталось, то сможем воздействовать на него более сильными средствами. Ведь мы не имеем надежды на то, что клетки мозга оживут, как остальные органы тела.

— Почему? — быстро спросил Владилен.

Он выпрямился, напряженно ожидая ответа. «Сейчас вспомню. Это как раз то самое!»

— Да потому, — ответил Люций, не замечая волнения своего собеседника, — что произошли необратимые изменения.

«Вспомнил!..»

— Мнимая смерть?

— Период мнимой смерти закончился тысячу девятьсот лет тому назад...

— Откуда вы это знаете? Откуда вы это знаете, Люций? Вы сами говорили, что с телом Волгина произошло что-то, чего вы никак не можете понять. Вполне возможно, что оно было законсервировано раньше, чем произошли необратимые изменения. Видимо, оно было законсервировано в первые же минуты его мнимой смерти.

Он внезапно смолк, пораженный выражением лица Люция. Академик смотрел на него странно остановившимися глазами. Потом схватил Владилена за руку.

— Идем! — сказал Люций почему-то шепотом. — Идем сейчас же к Ио. Это грандиозно и... безумно!

Он сжал голову руками, повторяя:

«Безумно!.. Безумно!»

Глаза Люция блестели. Выражение торжества и какой-то глубокой радости было на его лице.

— Владилен! — сказал он. — Запомните эту минуту. Если бы вы только знали, какую мысль подали мне!

Он вдруг вскочил и побежал к лаборатории.

«Уж не сошел ли Люций с ума?» — подумал Владилен.

2.

Эта мысль явилась внезапно, как откровение. Слова Владилены, которым он сам не придавал должного значения, пробудили в памяти фразу из книги другого Владилены — великого ученого шестого и седьмого веков.

— Я вам напомню, а может быть, вы и не читали ее. Владилен писал: «Свойства препарата «В-64» еще никому не известны до конца. Возможно, что они раскроются полностью только тогда, когда его применят к объекту, мнимая смерть которого кажется давно прошедшей». Разве это не поразительно, что никто из нас не вспомнил этого указания, прямо относящегося к нашей работе! Ни я, ни кто-либо другой не думал о «В-64» в таком аспекте...

Люций был сильно взволнован. Он говорил, не переставая мерить широкими шагами огромную, увитую зеленью дикого винограда террасу в доме Мунция. Дом был расположен у самого моря на южном побережье бывшей Франции.

Его слушателями были четверо.

Один был сам Мунций, другой — старик с совершенно седыми волосами и пронизательным взглядом темных глаз под нависшими лохматыми бровями, третий — широкоплечий красивый блондин с почти черным от загара лицом, приблизительно одних лет с Люцием. Четвертым был Ио.

Впервые идея, родившаяся в тиши их лаборатории, выносилась на открытый суд. Мнение людей, которые сейчас внимательно слушали Люция, могло сыграть решающую роль. Что они думали?

— Первоначальная наша задача вам известна, — продолжал Люций. — Мы задались целью проверить, могут ли клетки тела ожить после столь длительного пребывания в совершенно высохшем состоянии. И вы знаете, что нам удалось доказать правоту наших взглядов. Не только клетки, но и ткани тела человека, умершего две тысячи лет тому назад, сейчас живут.

Когда три года назад, после разговора с астрономом Владиленом, который, не будучи биологом, заметил то, что упрямо ускользало от нашего внимания, я высказал свою идею, мои товарищи сразу согласились со мной. Даже Ио! Весь наш коллектив стал сознательно направлять работу по новому пути. Идея увлекла всех. Вы знаете, в чем она заключалась. Воспользоваться ожившими артериями и венами и ввести в мозг препарат «В-64», оживить клетки мозга, не вынимая его из черепа...

Люций остановился у края балюстрады и стал рассеянно срывать листья винограда. На террасе наступило молчание, и только шум прибора нарушал тишину. Люций, не оборачиваясь, снова заговорил:

— Осталось сделать последнее. Восстановить работу сердца, заставить работать мозг, вернуть дыхание. Превратить смерть в бессознательное состояние, глубокий сон. А затем... разбудить мертвого. Двести лет тому назад великий Владилен предлагал произвести такой опыт, но у него не нашлось подходящего объекта. У нас не сохраняют тел умерших. Невероятный случай, редчайшая удача дали нам

возможность сделать то, о чем меч тают поколения ученых. И вот говорят: «Довольно!» Но почему? «Из уважения к человеку», — отвечают нам. Слабый довод! Нам говорят: «Это жестоко и не нужно!». Но ведь были и будут смерти случайные, внезапные, преждевременные. Как же можно говорить, что опыт не нужен, если он избавит человека от угрозы ранней случайной смерти?

Люций повернулся к слушателям. По выражению их лиц он старался угадать, какое впечатление произвела его речь.

Мунций встретил взгляд сына и сдвинул брови. Его пальцы сильнее и чаще забарабанили по ручке кресла.

— Ты, отец, — сказал Люций с горечью, — возглавляешь тех, кто говорит нам: «Довольно!» Когда я предлагал первый опыт с оживлением клеток, ты и тогда был против меня.

Мунций вскинул гордую голову. Казалось, он ответит резкостью. Но он сдержал вспыхнувший гнев:

— Я говорил то, что думал. Я исходил из моральных и этических принципов. Большинство, к моему искреннему сожалению, приняло иную точку зрения. И тогда мы, оставшиеся в меньшинстве, также приняли ее. Поэтому незачем вспоминать то, что было. Ты считаешь меня врагом и ошибаешься. Я искренне рад твоему успеху. Но сейчас речь идет совсем о другом. Мне, да и не только мне, а очень многим, кажется жестоким и ненужным возвращать трупу жизнь. Распоряжаться собой может только сам человек или общество. Но в данном случае вы не можете получить согласие этого человека.

Пока он говорил, загорелый блондин нетерпеливо постукивал ногой. Когда Мунций замолчал, этот человек сочувственно посмотрел на Люция и сказал резким голосом:

— Мунций считает этот опыт ненужным, жестоким и неэтичным. Я вас правильно понял?

— Да, правильно, — ответил Мунций.

— Почему же? Говорить о высоких принципах личной свободы очень красиво, но в данном, исключительном случае совершенно нелогично. Вам, Люций, надо обратиться ко

всему человечеству в лице Верховного совета науки. Пусть вся планета решит участь человека, лежащего в вашей лаборатории. Поскольку мой голос как члена Совета может иметь вес, я обещаю отдать его вам.

— Спасибо, Иосиф! — взволнованно сказал Люций. — Я рад, что вы меня понимаете.

— Да, Люций. Разрешите мне ответить вашему отцу еще в одном пункте. Но предварительно я хочу задать вопрос: верите ли вы, Мунций, что человек, лежащий в лаборатории вашего сына, Дмитрий Волгин?

— Вполне возможно, — ответил Мунций, пожимая плечами. — Но какое это имеет отношение к спору?

— Имеет, и самое непосредственное. Вы говорили о согласии, о невозможности спросить мнение объекта опыта. Очевидно, вы не уверены в том, какое это было бы мнение. А вот я уверен в нем. Волгин умер в возрасте тридцати девяти лет. Мог ли хотеть смерти человек, проживший так мало? Я отвечаю: нет, и еще раз нет! Природа должна была протестовать против такого преждевременного конца. Я совершенно уверен, что если бы мы могли спросить Волгина, то его согласие было бы дано.

Самый старый из собеседников, молча слушавший до сих пор, сказал ровным и тихим голосом:

— Я могу добавить к сказанному Иосифом еще следующее. Человек, о котором идет речь, умер в годы великой борьбы за переустройство мира. Поставим себя на его место. Он боролся за будущее, боролся самозабвенно, иначе он не был бы Героем. Но даже, если это не Дмитрий Волгин, то суть останется та же. Мог ли он не желать увидеть это будущее своими глазами?..

Мунций поднялся с кресла. Казалось, он хочет уйти с террасы, не доведя спора до конца. Ведь он остался в одиночестве, все присутствующие высказались против него. Но он сдержался.

— Возможно, что я не прав, не знаю. Будущее покажет. Но я думаю о том страшном потрясении, которое испытает этот человек, если Ио и Люцию удастся успешно закончить

опыт. Он очутится в чуждом ему мире, оторванным от всего, что было ему дорого, бездной времени. Все родственники умрут для него в один миг. Это тяжкое горе. Удовлетворение любопытства не перевесит трагического одиночества среди людей, которые не будут понимать его и которых он сам не поймет. — Мунций замолчал, но никто не возразил ему, он повернулся и быстрыми шагами ушел с террасы.

Старик, в свою очередь, встал с кресла, собираясь уйти.

— Рассуждения Мунция, — сказал он, — кажутся мне не лишенными известного основания. Я советую вам подумать над тем, что было здесь сказано. Представьте себе, что Мунций окажется прав. Вернуть человека к жизни для страданий... нет, это невысказано!

— Почему вы предлагаете думать только им двоим? — Иосиф порывисто вскочил. — Вся Земля должна решить этот вопрос.

— Да, — сказал Ио, — не остается ничего другого, как обратиться в Верховный совет науки.

3.

В день заседания величественный зал Верховного совета науки, техники и культуры, рассчитанный на шестьдесят тысяч человек, был заполнен до отказа.

Стало известно, что многие крупнейшие ученые собираются выступить, и, хотя увидеть и услышать их можно было, не выходя из дому, где бы он ни находился, всем почему-то хотелось увидеть и услышать их именно здесь.

Ио, вполне уверенный, что они поступают правильно, не сомневался в решении, которое будет вынесено. Он прибыл за заседание в прекрасном настроении.

Полной противоположностью ему был Люций.

Инициатор и автор идеи оживления испытывал странное раздвоение. Долгие разговоры с отцом, в конце концов, влияли на него, и временами в нем просыпалась жалость к существу, с которым он хотел произвести такой страшный опыт.

Случались моменты, когда Люций мечтал о том, чтобы Верховный совет науки высказался против, и можно было бы перестать думать о последствиях воскрешения, но ум ученого тотчас же начинал протестовать против такого исхода.

Люций устал, переволновался, и на заседание явился внутренне опустошенным и безразличным к любому решению, которое ему предстояло услышать.

По приглашению старейшего академика, прославленного медика, который председательствовал на этом заседании Совета, Люций первым поднялся на высокую трибуну.

Многочисленные гравюфы, разбросанные по залу, показали всем его расстроенное и похudevшее лицо.

Стоя у подножия гигантской, пятидесятиметровой статуи Ленина, Люций видел перед собой необъятный простор исполинского зала. Шестидесят тысяч пар глаз смотрели на Люция.

Все ожидали от него горячей речи, и были удивлены его сдержанностью. Кратко и объективно Люций изложил историю работы над телом человека, извлеченного шесть лет тому назад из свинцового гроба, в котором оно пролежало почти две тысячи лет, более подробно остановился на состоянии, в котором это тело находится сейчас, и закончил свое выступление просьбой разрешить ему и его товарищам сделать попытку оживить этого человека.

Общий тон его речи был таков, что Ио только изумленно переглянулся с Иосифом и гневно пожал плечами. Казалось, что Люций из автора проекта превратился если не в противника его, то в человека, не знающего, чью сторону принять в споре.

Люций вернулся к своему месту. Горячая речь Ио, ставшего рассеять впечатление от речи своего соратника, и блестящее выступление Иосифа не заставили его пошевелиться. Так же неподвижно он слушал и возражения. Он открыл глаза только тогда, когда было объявлено, что прения окончены и вопрос ставится на голосование.

В коротких словах председатель напомнил совету об огромной моральной ответственности и о долге человека бережно относиться к другому человеку.

— Мы слышали, — сказал он, — мнение обеих сторон. Сам инициатор идеи предпочел не высказывать своего мнения. Мы ценим проявленную им сдержанность. Очевидно, Люций не хотел влиять на Совет силой своего авторитета. Итак, на одной чаше весов лежит научная победа, на другой — возможная трагедия для человеческого существа. Вопрос труден, и недаром все человечество так заинтересовалось им. Я верю в объективность и в жизненный опыт каждого из вас, они должны подсказать вам правильное решение.

Люций заметил, что его отец, выступавший в прениях, не подал своего голоса. Мунций, казалось, внимательно следил за процедурой голосования, но сын видел по выражению его лица, что он думает о чем-то другом. Иногда он печально улыбался, и тогда Люцию хотелось, чтобы члены Совета высказались против.

Наконец председатель обратился к Люцию и Ио. Им говорили слова, которых они так долго ждали, но в сердце Люция они не встречали отклика.

— Люций и вы, Ио, — говорил председатель. — Верховный совет науки, руководствующийся своей совестью и благом человечества (это была обычная, введенная тысячу лет тому назад форма вступления), разрешает вам произвести этот опыт. С вас снимается моральная ответственность, которую берет на себя все человечество. Но на вас ложится другая, может быть, более тяжелая, ответственность. Вы должны вернуть своему пациенту, иначе мы теперь не можем его называть, все физические и умственные силы, или отказаться от опыта. Верховный совет науки и в его лице все человечество желают вам удачи.

Люций молчал. Видя, что он не собирается говорить, Ио ответил:

— Мы благодарны Верховному совету науки. Возложенная на нас ответственность тяжела, но мы убеждены, что доведем работу до успешного конца.

— Вы сняли с нас моральную ответственность, — неожиданно заговорил Люций, — но я сам не снимаю ее с себя. Я не согласен с высказанными здесь сомнениями и не верю, что последствия будут трагическими.

— Вы несколько поздно решили высказаться, — мягко заметил председатель Совета. — Вопрос решен. Но я рад слышать, что вы уверены в успехе.

Люций опомнился. Краска смущения залила его лицо. Он увидел, что отец сошел с возвышения, на котором помещался стол Совета, и направился к нему. Люций ждал его со смутным чувством вины.

Мунций взял его под руку и увлек к выходу.

— Что с тобой происходит? — спросил он. — Можно подумать, что ты не рад полученному разрешению.

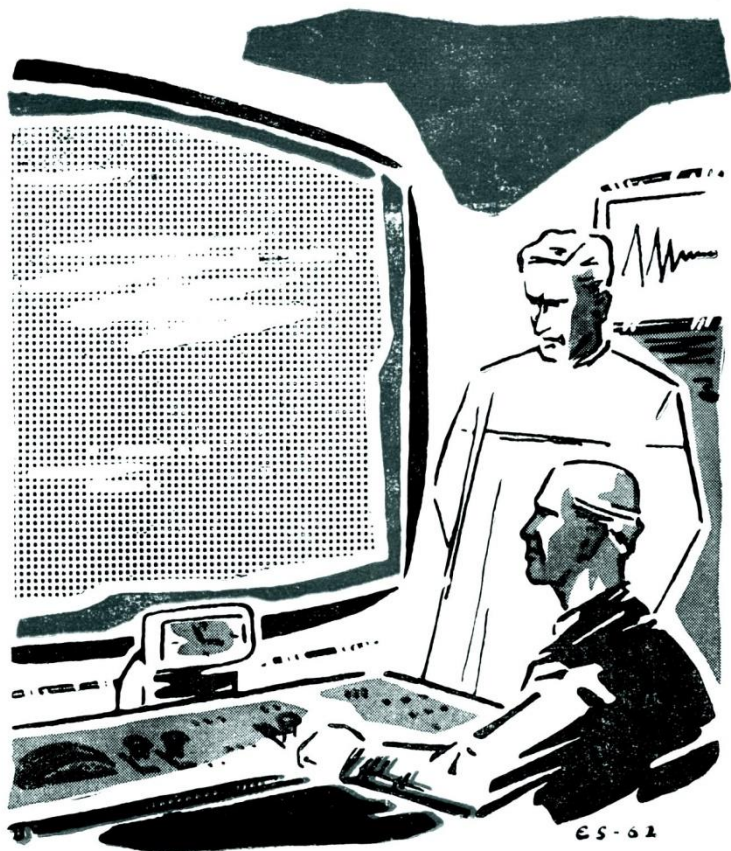
— Я сам не знаю, — ответил Люций. — Пожалуй, ты прав. Я действительно не рад, и было бы лучше, если бы нам отказали. Ты сам виноват в моем состоянии.

Мунций внимательно посмотрел на сына.

— Принятое решение уже не может быть отменено. Если это зло, то оно совершено, и надо думать только о том, как смягчить это зло. Когда вы закончите свой труд и поставите мертвого на ноги, на сцену явлюсь я. Я хорошо знаю старый русский язык, и весь уклад жизни того века мне знаком. Я подготовлю этого человека к нашей жизни. Когда он будет вполне здоров — а я повторяю, что не сомневаюсь в этом, — ты отвезешь его ко мне.

Он крепко пожал руку сыну. Его серые глаза смотрели на Люция ласково и ободряюще. Внезапно он обнял его и прижал к себе.

— Помни, что ты обязан добиться успеха. Тебе оказано большое доверие, и будь достоин его. Я хочу иметь право гордиться своим сыном...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1.

Люций остановился у постели, на которой сидел Волгин, и закончил свой рассказ взволнованно и горячо:

— Вот и вся ваша история, Дмитрий. Верховный совет науки поставил обязательным условием вернуть вам полностью все физические и умственные силы. Мы сделали это.

Потребовалось четыре года очень тяжелого труда. Не раз нам казалось, что все усилия напрасны... И какую радость, ни с чем не сравнимую, доставили вы нам всем, когда приборы впервые показали возникновение мысли в вашем мозгу! Это случилось полтора года тому назад. Это был день, венчающий весь наш труд, так как именно тогда вы стали по-настоящему живым человеком. Смерть была побеждена. Сколько тревоги и волнений пришлось испытать всему человечеству, когда ваша мысль после короткого периода пробуждения неожиданно опять засыпала! Вся Земля, затаив дыхание, ждала, вернется она или нет. Мы бесконечно счастливы, что вы, наконец, с нами. Еще раз скажу — вы знаете все. Судите нас.

Волгин молчал.

Люций взглянул на него и пораился выражению лица Волгина. Он понял, что рассказ произвел совсем не то впечатление, которого ожидали он сам, Ио и Мунций. На этом лице, которое он так хорошо знал, до мельчайшей черточки, не было заметно волнения, отчаяния или горя. Оно было очень серьезно и чуточку грустно.

Прошло две-три минуты полного молчания.

Волгин думал о чем-то. Потом он поднял глаза на Люция, стоявшего у постели.

— Вы не обидитесь на меня, — сказал он, — если я попрошу вас сейчас уйти. Я должен остаться один. Мне нужно... как бы это сказать... ну, что ли, переварить ваш рассказ.

Люций молча направился к выходу.

— Подождите минуту, — сказал Волгин. — Я не хочу, чтобы вы мучились ненужными и ошибочными мыслями и опасениями. Насколько я понял, главный вопрос для вас лично заключается в том, что пробуждение, или воскрешение, может стать для меня трагическим по причине того, что все мои друзья и близкие люди умерли. Так вот, я хочу вам сказать, что самый близкий для меня человек умер еще в той жизни... А теперь идите и вернитесь ко мне часа через три. И еще одна просьба. Я хотел бы, чтобы в это время за мной никто не наблюдал. Я знаю, что вы это как-то делаете.

— И, словно угадав мысль Люция, Волгин добавил: — Вы найдете меня через три часа живым и здоровым, но способным более трезво говорить с вами.

Люций ушел. Волгин остался один.

В том настроении, в котором он сейчас находился, яркий свет был ему неприятен, и, точно подслушав его мысли, свет померк, и в павильоне наступил полусумрак.

Волгин не обратил на это никакого внимания. Он даже не заметил, что его желание было чудесным образом понято. Со вздохом удовлетворения он откинулся на подушку.

Он был совершенно уверен, что его просьба — не наблюдать за ним — будет свято исполнена. Впервые он находился в полном одиночестве, а это было как раз то, в чем он остро нуждался после всего, что услышал от Люция.

Мысли и воспоминания нахлынули на него, и, закрыв глаза, Волгин погрузился в прошлое, стараясь найти в нем силы для странного и пока еще не совсем понятного настоящего.

2.

Люций быстро подошел к стенду и выключил экран.

— Дмитрий просил не наблюдать за ним в продолжение трех часов, — сказал он в ответ на недоуменный взгляд Ио. — Он хочет остаться совершенно один.

— А вы не опасаетесь?..

— Нет. Он понял, что у нас может возникнуть эта мысль, и сказал мне, что ничего с собой не сделает. К тому же, я не мог бы не заметить, если бы Дмитрий только притворялся спокойным.

Оба молча смотрели на потухший экран.

В огромном здании стояла полная тишина, и только чуть слышный шорох в одном из приборов нарушал ее. Люций посмотрел на прибор и протянул к нему руку.

— Его сердце бьется совсем спокойно, — сказал он. — Но раз Дмитрий просил не наблюдать за ним, то и биение его сердца не надо видеть.

И лента прибора за тонким стеклом остановилась.

В первый раз за десять лет люди выпустили из поля зрения воскрешенного ими человека.

Что делал он в одиночестве? Какие мысли и чувства владели им, вернувшимся к жизни из небытия?..

Прошел час. Но все так же неподвижно сидел в кресле Ио, устремив взгляд на белый прямоугольник погасшего экрана, и так же стоял возле него Люций.

Они не могли ни о чем говорить. Исполинская задача, взятая ими на себя, была выполнена. Наука девятого века новой эры сделала то, что было некогда только мечтой, одержала победу над силами природы в ее самой недоступной и самой загадочной области. Отныне смерть будет послушно подчиняться человеку. Из непонятного и жестокого врага она превращалась в друга, избавлявшего человека от жизни, когда естественный предел возраста делал эту жизнь ненужной и тягостной.

Они чувствовали и знали, что достигнутый ими успех является гранью истории, за которой остались долгие века, когда человек покорно склонял голову перед смертью.

Время шло медленно и томительно для них. Они молчали все эти три часа, мучимые неопределенными опасениями, волнениями и тревожными мыслями. Они верили Волгину и все же невольно боялись.

3.

— Конечно, я и сейчас не понимаю, как вы смогли ожить меня через тысячу девятьсот лет после смерти, но, надеюсь, вы объясните мне это со временем, если, конечно, я смогу вас понять...

Волгин говорил спокойным и ровным голосом. Черты его лица были невозмутимы, но Люцию казалось, что оно в чем-то неуловимо изменилось. Словно печать времени легла на него, словно встретились они не через три часа, а после долголетней разлуки. Оно не постарело, не имело на

себе следов слез, отчаяния или пережитых тяжелых раздумий. Станным спокойствием дышали ставшие неподвижными черты этого лица.

«Это пройдет», — с тяжестью в сердце думал Люций.

— Тысяча девятьсот лет — срок невероятно огромный. Наука и техника, быт и общественные отношения — все должно было уйти далеко вперед, и мне вряд ли удастся понять все до конца. Вы просили меня «судить» вас. Я это понимаю так, что вы хотите знать — разрешил ли бы я вам воскресить меня или нет. Определенно ответить на такой вопрос мне трудно...

Конечно, очень интересна ваша новая жизнь. Кроме этого павильона, я еще ничего не видел. Но если бы даже впоследствии я пожалел о том, что «воскрес», то все же не стал бы «проклинать» вас, как это предсказывает ваш отец. Я вижу, что люди переменились за это время и смотрят на многое иначе, чем смотрели мы. В конце концов, ваш мир — это прямое следствие нашей борьбы и усилий, и я буду рад увидеть его и приветствовать ваших людей от имени их далеких предков. Так что отбросьте все ваши сомнения. На мою долю выпала очень странная, необычайная судьба. Вы вернули меня к жизни по решению всего человечества, так могу ли я, коммунист, протестовать против этого? Конечно, нет. Я горжусь, что послужил науке, и этого сознания мне достаточно. Конечно, мне тяжело, что все люди, которых я знал, все, к чему я привык, исчезло с лица Земли. Горечь этой разлуки я пережил только что, и больше никогда не буду говорить о ней... Начну новую жизнь. В одном ваш отец прав: прежде чем войти в мир, мне хорошо будет провести у него некоторое время. Я хочу прочесть книги по истории человечества за эти две тысячи лет и, насколько это возможно для меня, ознакомиться с достижениями науки и техники. И, разумеется, прежде всего надо изучить современный язык. Все это потребует немало времени.

— Я счастлив, что вы так просто смотрите на вещи, — сказал Люций. — На вашем месте я, вероятно, был бы потрясен сильнее.

— Это потому, что вы не привыкли к ударам жизни, — ответил Волгин. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что меня не поразил ваш рассказ. Ваши слова меня глубоко взволновали, но за эти три часа я успокоился. Жизнь в мое время была суровой школой. Теперь, по-видимому, этого нет. Вам ничто не угрожает. Ничто не может изменить спокойного течения вашей жизни, я говорю о жизни человечества в целом, а не об отдельном человеке. Нужда, голод, болезни, войны, внезапные смерти — все, что веками терзало человечество, вам, вероятно, неизвестно.

— Вы правы и не правы, Дмитрий. Нам действительно не угрожает то, что вы сейчас назвали. Но борьба за овладение силами природы еще далеко не окончена. Развитие познания никогда не остановится. Мы знаем свои радости и горести. Мы люди.

— Я хочу выйти отсюда и увидеть ваш мир, — сказал Волгин. — Десять лет своей жизни отдали вы, чтобы вернуть жизнь мне, я у вас в неоплатном долгу.

Он протянул руку Люцию, тот порывисто схватил ее.

— Спасибо вам, Дмитрий! — сказал он. — Одевайтесь, и покинем помещение, которое вам так сильно надоело. Вы все узнаете постепенно от людей, которые больше меня знают о том, что вас интересует. Любой ученый будет рад объяснить вам все, что вы пожелаете. Все человечество ждет вас с нетерпением. Вы самый известный человек на Земле!

Волгин невольно засмеялся. Слова Люция, к его удивлению, доставили ему что-то вроде удовольствия.

«Интересно, — подумал он, — сохранилось ли у людей чувство тщеславия? Если судить по тому, что у них исчезли из обихода фамилии, — вряд ли».

Он стал быстро одеваться. Случайно его взгляд остановился на ясно видимом шраме с левой стороны груди. Этот шрам, которого у него раньше не было, давно интересовал его, но на все вопросы о его происхождении Люций ни разу не захотел ответить.

— Может быть, сейчас, — спросил Волгин, — вы объясните мне, откуда у меня этот шрам?

— Это след операции, но он скоро совсем исчезнет. Полтора года вы лежали без сердца, над ним работал Ио.

Он сказал это спокойно, с таким выражением, как будто ничего особенного здесь не было, но Волгин почувствовал сильное волнение. Пропась, отделявшая этот мир от его прежнего, раскрылась вдруг перед ним во всей своей необъятности.

Волгин внезапно почувствовал, что его охватил страх. Что ждет его за этими стенами? Какой неведомый мир предстанет перед ним? Вместо того чтобы идти за Люцием, он сел на постель.

— Подождите немного, — сказал он. — Не знаю почему, но я боюсь выйти отсюда.

Люций положил руку ему на плечо.

— Это пройдет, — сказал он ласково. — Я понимаю ваше состояние. Но сейчас вас не ждет ничего необычного. Этот павильон был выстроен специально для вас, и место, где он находится, очень уединенно. Выйдя отсюда, вы увидите только сад и дом, в котором я сейчас живу. В них нет ничего примечательного. Из людей вы встретите Ио, которого знаете, мою дочь, и больше никого.

— Я вам очень благодарен, — сказал Волгин, — за все эти заботы обо мне. Но скажите, где находится это здание? В какой стране и части света?

— На острове Кипр, — ответил Люций.

— На Кипре? — удивился Волгин. — Но вы говорили, что я нахожусь в Советском Союзе?

— Тогда я не мог ответить иначе. Вас перевезли сюда три года назад. Раньше вы находились в нашей лаборатории, расположенной далеко отсюда.

— В каком месте?

— Там, где раньше находился город Малоярославец.

— Находился? Значит, сейчас его уже нет?

— Его не существует уже давно. Я узнал, как он назывался, предвидя ваш вопрос.

— А город У... — спросил Волгин. — Он тоже не существует больше?

— Вы жили там?

— Там умерла моя жена, — ответил Волгин. — И там находилась ее могила.

Он опустил голову на руки и долго сидел так. Чувство тоски и страха нахлынуло на него. Города исчезли с лица Земли, а он, Волгин, живет вопреки всем законам природы, как будто не прошло бесконечно долгое время. И никакие достижения науки не вернут его в привычный любимый мир, утраченный навсегда.

Волгину внезапно захотелось вскочить и потребовать от Люция, чтобы он вернул его к прежнему состоянию спокойствия и беспамятства смерти, где нет, и не будет воспоминаний о прошлом и тоски по нему. Но этот порыв мелькнул и погас. Он отнял руки от лица и встал.

— Я кажусь вам смешным, должно быть? — сказал он с принужденной улыбкой. — Но, право, я не могу совладать со своим волнением. Не так просто выйти к людям прямо из могилы...

Люций сам волновался не меньше Волгина. С какой-то необычайной ясностью он понял, какой момент они сейчас переживают.

За годы своей работы над Волгиным Люций привык видеть в нем научный объект, но сейчас, пожалуй впервые, он увидел в нем такого же человека, как он сам.

Подчиняясь влечению сердца, Люций стремительно подошел и обнял Волгина. И тот ответил на это объятие. Люди разных времен, они были дети одной Земли.

— Мне девяносто лет, — взволнованно сказал Люций. — Я дал тебе, Дмитрий, вторую жизнь. Позволь же мне считать тебя своим сыном.

— Мне было тридцать девять лет, когда я умер, — ответил Волгин. — И хотя я родился почти на две тысячи лет раньше тебя, ты имеешь право называться моим отцом. Если ты этого хочешь, то я с радостью соглашаюсь.

Люций вынул из кармана маленькую коробочку.

— По желанию всего человечества, — сказал он, — возвращаю награду, которая тебе принадлежала. Она была изъята из музея, чтобы вернуться к своему владельцу.

Он вынул из коробочки золотую Звезду на потертой муровой ленточке и прикрепил ее к костюму Волгина тем же жестом, каким сделал это давно умерший полководец на поле Великой Отечественной войны.

И так подействовал на Волгина вид хорошо знакомой звезды, каким-то чудом сохранившейся в течение веков, что он как-то сразу совсем успокоился.

— Идем! — сказал он. — Войдем в новый для меня мир.

— Постарайся полюбить его, — сказал Люций.

— Я его уже люблю. Это тот мир, к которому мы стремились, за который боролись и умирали.

Скрытая в стене дверь раздвинулась.

За ней стоял Ио, протягивая обе руки навстречу Волгину.

— От всей Земли, — сказал он, — приветствую ваш приход к нам.

Волгин обнял старого ученого.

Переход через зал, наполненный машинами и аппаратами, установленными только для того, чтобы вернуть ему жизнь и здоровье, прошел для Волгина незамеченным. Он

ничего не видел. С непреодолимой силой его влекло вперед — выйти из-под крыши на простор мира.

И вот, беззвучно раздвинулась другая дверь.

Горячей синевой резануло по глазам воскресшего человека.

После перерыва в тысячу девятьсот лет Волгин увидел небо и сверкающий на нем диск солнца.

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

Фантастическая повесть
Журнальный вариант

Рисунки Н. Клочкова

От редакции:

Роман Георгия Мартынова «Спираль времени» состоит из четырех повестей, объединенных единым фантастическим замыслом. Каждая из них имеет свой самостоятельный сюжет. Мы предлагаем читателям ознакомиться с одной из этих повестей, действие которой происходит на земле легендарной Атлантиды много тысячелетий назад.

Георгий МАРТЫНОВ

СТИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

Фантастическая повесть

Рис. Н. Ключова.

НА ЗАРЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ветер, прилетевший от раскаленных берегов и знойных пустынь восточного материка, где люди, сжигаемые солнцем, черны и ходят голыми, стих, наконец, после заката. Население страны красного бога — Моора, властителя земли и неба, людей и животных, добрых и злых богов, вздохнуло свободнее. Только где-то там, наверху, в таинственном и непонятном для людского ума царстве облаков и туч, потревоженный воздух продолжал еще волноваться, и высыпавшие на небе звезды мерцали больше, чем обычно.

Но вечер не принес ожидаемой прохлады, в которой так нуждались люди, животные и растения после трех суток иссушающего восточного ветра. Воздух хранил большой запас зноя и, остывая, изливал его теперь на улицы города душным и тяжелым дыханием бога ветров — Воана.

Воан разогнал облака, и небо над городом стало чисто, открывая взору все великолепие звездных чертогов Моора.

Луны не было. Невысокая горная цепь, с трех сторон подступившая к городу, смутно виднелась темным зубчатым контуром на фоне звезд. Исполинская голова Воана, высеченная на огромной скале чудовищным трудом многих поколений, обращенная лицом к востоку, откуда приходили страшные ветры пустыни, не была видна. Днем колоссальная скульптура хорошо просматривалась из любой точки города.

Сегодня, вчера и позавчера бог отдыхал. Видимо, он заснул или глубоко задумался, так как целых три дня и три ночи ветер дул ему прямо в лицо, а Воан не замечал этого и не прекратил бедствия. Только сегодня к вечеру он словно очнулся и вспомнил о своих обязанностях.

Сады и огороды, окружающие каждый дом, высушенные ветром, требовали воды, воды, воды... Добрая половина жителей города готовилась не спать третью ночь подряд. Надо было спасать будущий урожай овощей, ягод и фруктов.

Улицы наполнились шумом и движением. Всюду виднелись темные или освещенные колеблющимся пламенем факелов, согнутые под тяжестью сосудов фигуры горожан.

Воду приходилось носить издалека, от берегов реки, текущей за городской чертой, на расстоянии тысячи и более шагов, или от малочисленных колодцев, где все эти три ночи выстраивались огромные очереди.

Воды не хватало. К середине ночи колодцы обычно бывали полностью вычерпаны, и тогда единственным источником влаги оставалась река. Естественно, что каждый горожанин старался получить как можно больше колодезной воды, и возле каждого колодца всю ночь стоял страшный шум, слышались проклятия и ругательства. Нередко дело доходило до ожесточенных драк, которые никто не пытался прекратить. За порядком в городе должны были наблюдать младшие жрецы храмов, но вмешиваться в побоища им не позволяло достоинство служителей божества.

В сады знати были проведены от реки каналы, откуда черпали воду многочисленные рабы. Каналов было довольно много. Они проходили через весь город, во всех направлениях, вдоль улиц, и через них были перекинuty мостики.

Но никому не приходило в голову воспользоваться ими, вместо того чтобы ходить к реке или колодцу. Вода в каналах принадлежала знати, а законы страны сурово карали за присвоение чужой собственности. Редкий смельчак отваживался рискнуть под покровом ночной темноты.

Глаза жрецов видят и в темноте.

Были случаи! Мороз подирал по коже свободных горожан, когда память воскрешала картины наказаний.

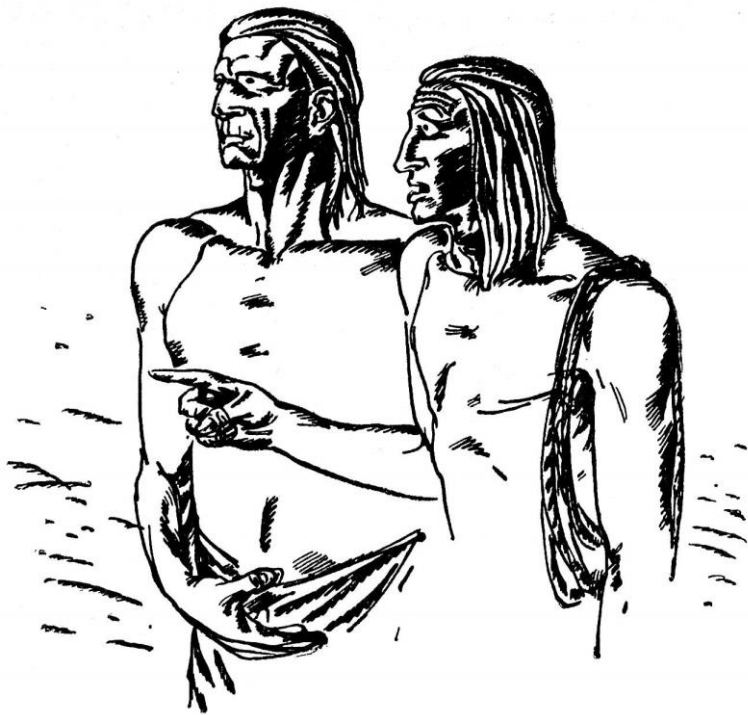
Нет уж, лучше ходить всю ночь к реке и обратно, сгибаясь под тяжестью сосуда, чем позволить себе заметить соблазнительный блеск воды в канале, идущем мимо сада или огорода тут же, совсем рядом.

— О Геро! — воскликнул пожилой мужчина, опуская на землю тяжелый глиняный сосуд огромной величины, но вмещающий совсем немного воды, так толсты были его стенки. — О бог моря, рек и дождя! Что стоит тебе послать

нам дождевую тучу? Или ты поссорился с Воаном, и тот отказал тебе в ветре?

— Что ты там бормочешь? — насмешливо спросил другой горожанин, также опустивший на землю свой сосуд, чтобы немного передохнуть. — Где это видано, чтобы боги помогали простым людям? Они приходят на помощь только жрецам, когда им нужно обидеть кого-нибудь, да и то не всегда.

— Это конечно ты, Моа? — спросил первый, всматриваясь в темноту. — Я узнаю тебя по твоим речам. Смотри, твой глупый язык доведет тебя до священного огня.

Тот, кого звали Моа, подождал, пока удалились проходившие мимо них люди. Свет факела на минуту осветил обоих собеседников. Их обнаженная кожа заблестела расплавленной бронзой. Оба были уже немолоды, спутанная грива волос спадала у каждого ниже плеч. Одежда состояла из одной набедренной повязки и сандалий в виде дощечки с узким ремешком.

— Священный огонь... — сказал Моа, когда никто уже не мог его слышать. — В стране Моора каждый может оказаться в этом огне. Ден или Геза...

— Замолчи! — испуганно прошептал собеседник Моа. — Не произноси громко страшных имен властителей жрецеской касты. Или отойди от меня подальше.

Моа рассмеялся.

— Я их не боюсь, — хвастливо сказал он. — Ден или Геза могут любого человека объявить безумным и бросить в священный огонь. Для того он и горит в храме, чтобы жрецы могли избавляться от людей, которые им неуютны. И с тобой это может случиться, благоразумный и осторожный Гуно.

— Никогда! Я не ругаю жрецов, как ты. Я не смеюсь над богами. Я жертвую на храм и приношу цветы статуям богов. Долго тебе еще носить воду? — спросил он, меняя тему разговора.

— Это последний.

— Как, уже?

Моа пожал плечами:

— Клочок земли, который принадлежит мне, полить недолго.

— У меня такой же сад и такой же огород, как у тебя. — Гуно недоверчиво покачал головой. — Мы вместе вышли из дому. А я еще и половины не полил.

— Значит, ты слишком лениво ходишь, — сказал Моа. — И слишком часто отдыхаешь.

Гуно хотел что-то сказать, но вдруг сильно вздрогнул.

— Смотри! — прошептал он, судорожно схватив за руку своего соседа.

Но Моа уже и сам увидел. Неприятный холодок страха мурашками пробежал по его спине.

Во мраке ночи, среди бесчисленных огоньков звезд, вспыхнула вдруг новая звезда. Она загорелась ровным белым светом и так ярко, что выступили из мрака стены домов и застывшие неподвижно фигуры людей с сосудами на спинах.

Звезда горела почти у самой земли и явно не принадлежала к небесным светилам. Она находилась где-то в самом городе, видимо, на одном из холмов.

Раздались крики. Многие, выронив сосуды, упали на землю и уткнули лица в уличную пыль. Другие, придя в себя, бросились врассыпную.

— Конец работе! — сказал Моа. — Теперь все попрячутся. Хорошо, что я успел натаскать воду раньше, чем загорелся проклятый шар.

Он оглянулся и увидел, что стоит один. Гуно убежал, бросив свой сосуд.

Моа усмехнулся. До чего же боятся люди верховного жреца Дена и его брата Гезы, а также и всего, что имеет к ним хоть какое-нибудь отношение...

Моа удивлялся, что он мог испугаться. Звезда вспыхивала в городе не в первый раз, и свет ее никогда и никому не повредил.

Улицы опустели. Теперь до самого утра никто не осмелится выйти из дому. Многие деревья, кусты и грядки останутся сухими.

— Проклятый Ден! — сказал Моа.

Эти два слова, вырвавшиеся у него невольно, могли стоить ему головы, если бы кто-нибудь услышал их.

Моа боязливо огляделся.

И задрожал, увидя зловещую черную фигуру, медленно идущую по улице и находившуюся почти что рядом.

Жрец! Слышал он или нет?..

Моа замер, боясь пошевелиться.

Жрец подошел и остановился. Его черная одежда сливалась с уличной темнотой, и только по краям складок играли

блики света от таинственной звезды. Блестел гладко обритый череп, и, как показалось Моа, злобно сверкали глаза.

Жрец слегка повернул голову, и свет звезды лег на его лицо.

Моа узнал черты этого лица, известные всей стране, и у него подкосились колени.

Перед ним стоял сам Геза!

— Встань! — услышал Моа голос страшного жреца. — Я не божество, чтобы мне поклоняться. Ты не раб.

Моа послушно поднялся, хотя от страха едва держался на ногах. Попробуй, не выполни приказ Гезы!

— Да, господин, — прошептал он. — Я свободный горожанин. Но, как и все, я твой раб.

— Что делаешь ты один на улице? — Геза посмотрел на сосуды — два огромных кувшина, стоявшие на земле. — А, понимаю, ты носил воду. Но как можешь ты нести два таких больших сосуда?

— Только один принадлежит мне, господин, — ответил Моа значительно окрепшим голосом. Геза казался совсем не таким страшным, каким рисовало его воображение большинства жителей города. — Второй — сосуд моего соседа. Но он убежал, испугавшись, как все.

— Чего испугался он?

Как ответить на такой вопрос?

— Ты понял? — Голос Гезы был строг, но в нем не слышалось гнева. — Почему ты не отвечаешь мне?

— Прости, господин!

— Чего испугался твой сосед? Впрочем, можешь не отвечать, я сам знаю. Люди глупы и боятся того, чего не понимают. А ты не боишься?

— Боюсь, господин. Но меньше других. Я был солдатом.

— Этого, — Геза указал рукой на таинственную звезду, — совсем не надо бояться. Ничего опасного нет. И того, кто зажигает этот свет, также не надо бояться. Тем более проклинать его.

Моа затрепетал всем телом.

— Кто может проклинать верховного жреца, — сказал он дрожащим голосом. — Вся страна благословляет тебя и твоего священного брата.

Геза улыбнулся.

— Ты проклинал его, — сказал он. — Ты сказал только что; «Проклятый Ден». Или я не расслышал? Встань! Я уже говорил, что мне поклоняться не надо.

— Господин, пощади! — взмолился Моа.

— Ты знаешь, что обязан мне повиноваться. Почему же ты не выполняешь моего приказа?

Моа вскочил, как подброшенный пружиной.

Геза молчал. Отблески белого света играли в его темных задумчивых глазах. Молодое лицо, слово изваянное из потемневшей бронзы, было спокойно и чуть грустно.

И вдруг вместо ожидаемого Моа смертного приговора из уст жреца раздались совершенно другие слова.

— Как странно! — сказал Геза. — Давно вспыхивает этот свет. Ничего не случилось, никакого несчастья не произошло ни с кем. А люди боятся не меньше, чем в первые дни, когда в нашем городе жили они. Никого нет. — Геза, точно в недоумении, оглядел пустынную улицу. — А людям надо работать, носить воду для садов и огородов. Все спрятались. Только бывший солдат стоит как столб и пялит глаза на свет, причины которого не понимает. Скажи, почему вы все так глупы?

— Не знаю, господин, — робко ответил Моа.

— Ты тоже перестанешь носить воду?

— Я кончил, господин. Этот сосуд последний.

— А если бы он не был последним? Стал бы ты носить воду и дальше?

— Не стал бы, господин.

— Отчего?

— Нельзя, господин. Так думают все.

— Очень жаль, что думают.

И повернувшись спиной к ошеломленному Моа, Геза отошел от него, и вскоре черная фигура растаяла во мраке.

Моа стоял, ничего не понимая. Геза, первый жрец храма Моора, слышал кощунственные слова простого горожанина, и не осудил его тут же на смерть за оскорбление верховного жреца.

Невероятно!

«Он просто забыл, — подумал Моа. — Рассуждая о нашей глупости, забыл то, что я сказал и что он слышал. Но завтра он вспомнит, и тогда я погиб».

Но он тут же сообразил, что Геза не спросил его имени, и вряд ли, в такой темноте, мог рассмотреть и запомнить лицо, которого раньше никогда не видел.

— Будь я проклят, — тихо сказал Моа, — если позволю себе еще раз пропустить язык. Гуно был прав.

И, опасаясь, что жрец вернется, Моа схватил свой сосуд и бросился к дому.

Сосуд Гуно остался на улице.

Никто больше не рискнул выйти. Только рабы в садах зная, дрожа от страха, по-прежнему черпали и носили воду. Они знали: ничто, даже землетрясение не послужит им оправданием, если они прекратят работу. Страх перед гневом господина был сильнее суеверного ужаса.

Звезда горела всю ночь, ровным немигающим светом.

Но если бы кто-нибудь заглянул за ограду дома, принадлежавшего Моа, то мог бы увидеть, как Моа и его жена продолжают поливать грядки. Хитрый солдат давно уже пользовался водой из канала, идущего возле его сада. Зарытая в земле бамбуковая труба вела в подвал его дома. Моа носил воду — только для виду, чтобы никто не мог заподозрить его в нарушении закона.

Риск казался ему небольшим. Моа верил в покровительство могущественного человека, которому служил верой и правдой.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Комната была похожа на фонарь.

В каждой из ее семи стен было окно. А над полом, сплошь покрытым звериными шкурами, находилось восьмое, во всю величину потолка.

Через восемь окон виднелись звезды.

На середине комнаты слабо поблескивала поверхность семигранного стола. На нем ничего не стояло, и в кажущейся глубине полировки отражались мерцающие точки звезд.

Над столом, неизвестно как подвешенный, испускал узкий пучок слабого света черный шар. Матовая его окраска казалась сплошной, и трудно было определить, откуда, из какой точки выходил из него луч света.

Комната тонула во мраке. Освещен был только небольшой участок стола и стоявший возле него не то табурет, не то низкий стул без спинки. Сиденье, сильно выгнутое, было покрыто белой шкурой.

Стол занимал три четверти комнаты. Квадратные окна почти соприкасались одно с другим. Видимо, это помещение находилось высоко над городом, так как, кроме звезд, ничего не было видно, даже верхушек деревьев.

Впечатление окружающей пустоты усиливалось отсутствием или полной прозрачностью оконных стекол. Но внутрь комнаты не проникало дуновение наружного воздуха.

У стола, опершись коленом о табурет, стоял человек высокого роста, одетый во все черное. Слабый свет от шара падал на его руки с костлявыми пальцами, а иногда выхватывал из темноты гладко обриту голову.

Тогда становились видными глубокие морщины, покрывавшие лоб и впалые щеки.

Человек был очень стар.

Наклонившись вперед, он пристально всматривался в поверхность стола, а его правая рука непрерывно двигалась.

Черный шар висел неподвижно. Но исходящий из него луч света время от времени слегка перемещался. Когда, он осветил край стола, стало видно, что там расположены две кнопки. Старческая рука часто и нетерпеливо нажимала на одну из них.

Требуемого результата, очевидно, не получалось. С уст старика сорвалось короткое слово, похожее на проклятие,

Он наклонился.

Причина неисправности выяснилась сразу. Между кнопкой и нижней рамой стола лежал скомканный кусок материи. Видимо, кто-то, вытирая пыль, забыл тряпку в неподобающем месте. Острый стерженец кнопки не доставал до узкой металлической пластинки.

Старик протянул руку, чтобы убрать помеху,

но сразу же отдернул, не притронувшись к тряпке. Он выпрямился и повернул голову к одной из стен.

Черты его лица напоминали хищную птицу. Плоский лоб упирался в прямую линию узких бровей. Небольшие темные глаза, широко расставленные, блестели совсем молодого. Тонкий горбатый нос изгибался как клюв. Маленький

рот с плотно сжатыми губами, острый подбородок. Покрывтая морщинами кожа отливала цветом меди.

Черный шар вдруг вспыхнул. Теперь он стал матово-белым и засверкал как маленькое солнце. Комната ярко осветилась. Кроме стола, табурета и шкур на полу, в ней ничего не было. Шар висел, как будто в воздухе. На чем он держался, даже теперь, при свете, не было видно.

На груди старика, на тонкой цепочке, висела небольшая золотая трубочка. Он взял ее и поднес к губам.

Пронзительный звук раздался в комнате. Он не дрожал, не колебался, не вибрировал. Точно протянулась вдруг невидимая струна и звучала, казалось бы, невыносимо для человеческого слуха.

Прошло несколько минут. В углу комнаты беззвучно откинулась крышка люка. Из него поспешно поднялся юноша.

Он был высок, слоен и мускулист.

Черные волосы, стянутые золотым обручем, проходившим посередине лба, спускались на плечи. Одежда состояла из одной только белой набедренной повязки. Правильные черты и большие выразительные глаза делали лицо юноши красивым и мужественным.

Остановившись перед стариком, юноша замер красно-бронзовой статуей.

Несколько секунд старик смотрел на него глазами налитыми кровью. Бешенство исказило его черты. Кивком головы он указал на кнопки.

Юноша наклонился и сразу увидел злополучную тряпку, видимо, забытую им здесь. Едва заметная дрожь выдала охватившее его волнение.

Старик повелительно протянул руку. Он стоял все так же неподвижно и не произнес ни одного слова.

Юноша не просил о прощении. Очевидно, он знал, что это бесполезно. Он достал из-под стола длинную тонкую плеть.

Старик вырвал ее и замахнулся.

Юноша не сделал ни малейшей попытки защититься от удара. Он смотрел поверх головы старика, и ни один мускул

его не дрогнул. Только глаза потемнели и стали почти черными.

Плеть свистнула. На обнаженном плече вздулась синебагровая полоса.

Юноша не пошевелинулся. Его лицо оставалось таким же спокойным, точно удар был нанесен не ему.

Плеть взвилась вторично.

Но на этот раз удара не последовало. Костлявая рука была кем-то перехвачена в воздухе.

Старик яростно обернулся, дернулся, пытаясь освободиться, но сильные пальцы сжали его кисть, и плеть выпала из ослабевшей руки.

— Пусти! — сказал он тихо.

Стальная хватка разжалась.

Перед стариком стоял молодой человек не старше тридцати лет. Ростом он был немного ниже старика и так же, как тот, одет во все черное. Несмотря на разницу в возрасте, между ним и стариком было поразительное сходство. Тот же обритый череп, лоб, брови и тонкий с горбинкой нос. Но у молодого человека все черты были смягчены, не столь резки. У старика глаза были черные и почти круглые, у молодого — карие и удлинённые.

— Ах, Ден! — сказал молодой человек. — Ведь ты обещал мне.

У него был приятный голос низкого тембра.

Старик повернулся к юноше, который стоял на том же месте и в той же позе, устремив взгляд куда-то в пространство. Казалось, он даже не заметил появления третьего действующего лица этой сцены и выигранной им роли.

— Убирайся! — сказал старик.

Юноша спокойно направился к люку.

Когда крышка опустилась за ним, старик обернулся.

— Откуда ты взялся? — спросил он угрюмо.

— Я только что вернулся.

— И поспешил на помощь братцу?

— Я не знал, что тут происходит. Я оказался здесь случайно.

— Где ты был?

— Прогуливался перед сном.

— И думал о ней?

— Да, о ней.

Старик рассмеялся.

— Твой милый Рени обозлил меня, — сказал он. — Из-за него сорвалось сегодняшнее наблюдение. Но я научу его аккуратности!

— Оставь его в покое, Ден! Рени мой молочный брат, и я люблю его.

— Молочный брат... люблю... — Ден фыркнул. — Он раб, был, есть и будет рабом.

— Все равно. Он мой брат, и я не позволю тебе истязать его, к твоим услугам много других.

Ден промолчал. Немного спустя он спросил с кривой улыбкой:

— А меня ты кем считаешь, Геза?

— Тем, кто ты есть. Ты мой родной брат, Рени — молочный. Но я отношусь к вам обоим одинаково.

— Да, я это знаю.

Ден произнес эти слова внешне спокойно. Казалось, он решил прекратить разговор, который был ему неприятен. Сочувственно-ироническим тоном он прибавил:

— Тебе следовало бы помнить, что стоит мне рассказать о сегодняшней сцене и нашем разговоре, и твой любимый Рени будет обезглавлен. И ты не сможешь его спасти.

Говоря, он не смотрел на брата, с деланным интересом рассматривая кнопки.

— Я знаю, — ответил Геза. — Но ты никогда этого не сделаешь. Я же сказал, что отношусь к вам обоим одинаково.

Ден вздрогнул от этой скрытой угрозы. Он хорошо знал — Геза никогда не бросает слов на ветер.

Власть верховного жреца была почти безгранична, но первый жрец храма Моора имел неоспоримое преимущество, в его руках находился тайный аппарат возмездия жрецеской касты. Ден хорошо знал, что это означает, и хотя Ге-

за был его братом, и притом младшим, приходилось опасаться его гнева.

— Успокойся! — сказал Ден. — Я сам не хочу терять Рени. Он раб полезный.

Геза поморщился от этих слов.

— Нелепые законы в нашей стране, — сказал он со вздохом.

— Вижу, что ты очень уверен в моей братской любви, — захихикал Ден, — раз не боишься говорить такие вещи. Если бы тебя слышал Роз...

— Что ж, передай ему, — равнодушно сказал Геза.

Ден пытливо посмотрел на брата.

— Что с тобой происходит, Геза? — спросил он ласково.

— В последнее время ты словно потерял интерес к жизни.

— Она просто утратила для меня цену.

— Неужели из-за нее?

— Не только. Лана не будет моей женой, я это знаю...

— Ничего ты не знаешь, — сердито перебил Ден. — Стоит мне сказать одно слово ее отцу...

— Ты знаешь, что я этого не хочу. Я люблю Лану, но она войдет в мой дом лишь добровольно. Прошу тебя, не будем говорить об этом.

— Ты сказал «не только». Значит, есть и другая причина. В чем она? — спросил Ден.

— В тебе. Вернее, не в тебе, а в том, что ты делаешь. Вот в этом столе.

— Ты боишься?

— А ты?

Ден невольно оглянулся.

Под сильным белым светом, исходящим от шара, гладкая поверхность стола потеряла свою «глубину», столь заметную в полумраке, и казалась теперь, несмотря на блеск, матовой.

— А ты? — повторил Геза.

Ответа он не дождался. Ден продолжал смотреть на стол, и в его округлившихся глазах рос и ширился ужас. Казалось, еще мгновение — и верховный жрец закричит.

— Ты сказал, я боюсь, — заговорил Геза. — Да, Ден, боюсь. И с каждым днем этот страх усиливается во мне. Я боюсь так же, как боишься ты сам, как боятся жители города, вся страна. Я только что был на улице. Весь город носил воду. Но вспыхнул шар — и улицы опустели. Люди боятся даже смотреть на свет в нашем доме. Ты, я, все живущие здесь стали отверженными. Никто не рискует подойти к нам, заговорить с нами...

— Не все так глупы, — пробормотал Ден.

— Да, есть люди, которые встречаются с нами, не избегают нас. Но кто они? Жрецы, подчиненные нам. Те, кто нуждается в нас. Роз и Бора боятся потерять свою власть и никогда не решатся поссориться с жрецами. Но тот же Бора никогда не отдаст мне свою дочь.

В голосе Гезы прозвучала глубокая грусть, почти отчаяние.

Ден обернулся.

— Ты глупец! — сказал он. — Стоит тебе захотеть, и Лана — твоя.

Геза ничего не ответил.

— Нас боятся, — продолжал Ден. — Жрецов всегда боялись, потому что боятся божества, которому мы служим, волю которого передаем людям. Меня и тебя боятся еще больше. И это хорошо.

— Подожди, Ден, — перебил Геза, — дай мне договорить. Слишком долго я носил в себе мои мысли. Настало время их высказать. Каста жрецов всегда была сильна, нас всегда боялись, ты прав. Но почему? Потому что жрецы знали то, чего не знают другие. Тщательно хранимые тайны знания — основа нашей силы. И темнота всего народа. Почему же мы пользуемся большей властью, чем наш отец? Почему нас боятся неизмеримо сильнее? Только потому, что именно при нас появились они! — Геза показал пальцем куда-то вниз. — Потому что мы ближе всех соприкоснулись с ними. Их боялись, и на нас перенесся этот страх, когда они ушли. А разве не лучше, если бы мы были такими же, как прежде? Разве наша власть была недостаточной прежде?

Но мы не были бы страшилищами, не были бы отверженными...

— И Лана была бы твоей, — насмешливо добавил Ден.

— Чего ты хочешь добиться? — продолжал Геза, не обратив внимания на реплику брата. — Постичь их тайны? Никогда ты не постигнешь их! Это тайны божества.

— Они были не божества, а люди, — возразил Ден. — Не совсем такие, как мы, но люди.

— Я не уверен в этом. И ты не уверен, что бы ты ни говорил. Чем иным можно объяснить твою старость? Кто, кроме богов...

— Люди! Люди знавшие то, чего мы не знаем. — Ден понизил голос. — Существуют силы, неизвестные людям. Они были людьми, и только людьми. Но мудрыми, знающими больше, чем знаем мы. Зачем божествам уходить под землю?

— Кто, кроме богов, — Геза продолжал, точно не слыша слов Дена, — может наказать человека преждевременной старостью?

— Безумные речи! — сердито сказал Ден. — Замолчи и слушай меня! Я расскажу тебе о таких вещах, о каких не слышал никогда и никто. О вещах, более таинственных, чем этот шар. Ты никогда не задумывался над чем, что они делают там, под землей?

— Думал. Вероятно, там только трупы. Не могут люди, если они не боги, быть живыми двенадцать лун, без воздуха, пищи и воды.

— Но ведь они вышли из-под земли. Их тайник находился в земле. Они вышли из него живыми.

Геза со страхом посмотрел на Дена.

— Ты хочешь сказать, что они там живы?

— Их там нет, — ответил Ден.

РАССКАЗ ДЕНА

Тон, которым были произнесены эти слова, не оставлял никаких сомнений.

Геза ошеломленно смотрел на брата. Ден молчал, ожидая вопросов,

— Ты осмелился? — прошептал наконец Геза. — Почему же ты остался жив?

— Не знаю. Видимо, твои «боги» солгали нам. Но боги не могут лгать. Это ли не доказательство, что они были не боги, а всего только люди.

— Ты открыл дверь?

— Как иначе мог я убедиться, что их там нет?

— Но как же ты добрался до двери? Тайник закопан.

— Так думают все. Я один знал, что к двери можно подойти. Все, кто, кроме меня, знал об этом, все, кто закапывал тайник и прорывал подземный ход, умерли.

Геза не задал напрашивавшегося вопроса. Он знал, как дешево ценилась в их стране жизнь рабов.

— И ты осмелился открыть дверь? — повторил он.

— Это была тяжелая для меня минута. Минута малодушия, слабости воли, когда я понял, что неотвратимо становлюсь стариком. Это было шесть лун назад. Я хотел смерти. А ведь они сказали, что всякий, кто притронется к двери, умрет.

— Разве ты не знаешь, что жрец может покончить с собой, только бросившись в священный огонь?

— Как могу я не знать законов нашей касты? Любопытство оказалось сильнее разума. Я хотел увидеть, что там внутри. В последнее мгновение жизни постигнуть хотя бы одну эту тайну.

— И что же ты там увидел? — Геза всем телом подался вперед к брату.

— Собери свое мужество, Геза. Я расскажу тебе все, что произошло со мной. Ты узнаешь невероятные вещи и поймешь, какие тайны у нас в руках. Слушай! — Ден замолчал,

словно собираясь с силами или припоминая подробности того, о чем собирался поведать брату. Машинально он сделал движение сесть на единственный табурет в комнате, на котором уже несколько минут сидел Геза. Тот поспешно вскочил, а когда Ден сел, опустился на шкуру у его ног. — Слушай меня! Был вечер, когда я, измученный страхом и отчаянием, решил привести в исполнение свое намерение. Ты, конечно, не помнишь, как нежно простился я с тобой в этот день. Ты ничего не подозревал. Это был второй день новой луны. Первой луны, я хотел сказать. Запомни эту подробность, она очень важна. Я прошел в сад. Луна стояла низко над горизонтом. Я хорошо запомнил ее узкий край, наполовину закрытый облаком. Запомнил потому, что подумал: «Это последнее, что я вижу в жизни». В беседке есть тайный люк. От него идет ход к двери тайника. Я подошел к ней. Ты помнишь эти странные и непонятные запоры? Они находятся внутри двери, но их можно открыть и снаружи, с помощью маленького выступа, на который нужно нажать три раза с различным промедлением. Я запомнил порядок, когда они при нас открывали эту дверь. И вот тогда, стоя перед дверью, прощаясь с жизнью, я подумал, что могу умереть прежде, чем дверь откроется. Ведь они сказали: «Каждый, кто притронется». Но я вспомнил, что те, кто закапывал тайник, притрагивались к этой двери, правда, не руками, а заступами. Ведь это происходило при мне.

И я решил перехитрить их. Я снова вышел в сад, нашел короткую крепкую ветку. И ею нажал на выступ. Три раза. Дверь открылась, и я не умер.

— Значит, они не солгали, — сказал Геза.

— Молчи и слушай! Ты не слышал еще и десятой доли. Слушай и не перебивай!

— Прости!

— Дверь открылась. Я подумал в этот момент о том же, что сказал сейчас ты. И обрадовался, что узнаю тайну, а умереть смогу в священном огне. Законы не будут нарушены. Я заглянул в дверь. Там комната, совсем круглая, без окон. Да и не может быть окон в земле. В ней стоят четыре

ложа, очень узкие и ничем не покрытые. У меня был факел, но он был мне уже не нужен. Как только открылась дверь, вспыхнул такой же шар, как здесь. Свет был нестерпимо ярок. Никогда, в самый ясный день, свет солнца не бывает так ярок. Комната была пуста. Четырех человек, которые на наших с тобой глазах вошли в нее, не было. Я подумал, что они вышли ходом, по которому пришел я. Но ведь они велели закопать тайник и не могли знать о моем намерении провести подземный ход. Да и куда они могли скрыться, никем не замеченные? Каждый человек в нашей стране сразу узнал бы их. Они исчезли! И я подумал, что если войти в эту комнату, то исчезнешь и сам. Может быть, именно это хотели они сказать? Если бы меня нашли у двери, был бы нарушен закон, если я исчезну, никто не поймет, куда. Я не колебался и перешагнул порог.

Ден на минуту замолчал. Геза боялся пошевелиться.

— Было ли это с самого начала, — продолжал Ден, — или я заметил, только войдя в тайник, не знаю. Но стены дрожали, как при землетрясении. Они колебались подобно волнам моря, а временами, казалось, их покрывал туман. Как только я перешагнул порог, появилось ощущение, что я падаю в бездну. Я видел, что стою на полу и не падаю никуда, но чувство было именно такое — стремительного падения. Испуганный, я отскочил назад.

Сколько я пробыл там? Не больше одной минуты. Даже меньше. Ни на мгновение я не терял сознания, в этом я твердо уверен. Прошло меньше минуты.

И вдруг шар погас. Факел я выронил раньше, чем вошел. Меня окружила полная темнота. Высечь огонь было нечем. Я был жив, тайник не убил меня.

Тогда я понял, что «боги» обманули нас, а значит, они и не были богами. Я слышал, как сама собой захлопнулась дверь. Ощупью добрался я до люка и вышел в сад. Геза, поверь мне, я не лишился рассудка, мой разум был в полном порядке. Стоял день! И судя по положению Солица, вторая половина дня. А ведь я вошел в подземный ход несколько минут назад, и это было вечером.

— Как же это могло случиться?

— Не знаю, ничего не знаю. Был день! Я медленно шел к дому, ошеломленный во много раз больше, чем ты сейчас. Я встретил Рени. Как всегда, он поклонился мне и сказал: «Наконец-то ты вернулся, мой господин!»

Я прошел мимо, не потому что не хотел, а потому что не в силах был ничего ответить. Почему Рени сказал: «Наконец-то»? Пусть прошла ночь, пусть еще половина дня. Это не могло послужить поводом к такой фразе. А потом я увидел тебя. Ты страшно удивился и тоже спросил, где я был «так долго»

— Помню, — сказал Геза. — Я так и не получил от тебя ответа. Тебя не было сорок дней, и мы все тщетно ломали голову над этой загадкой. Даже Роз и Бора тревожились. Народу сказали, что ты болен.

— Да, я узнал в тот же день, что прошла не одна ночь, а сорок. Что стоит уже середина второй луны. Как могло это произойти? Человек не замечает времени, когда теряет сознание. Но если я даже и потерял сознание, я должен был быть сильно истощен. Я не ел и не пил сорок дней, а чувствовал себя так же, как всегда. Но это еще не все, Геза. Слушай, что было дальше. Это еще более странно, еще более таинственно. Даже сейчас меня охватывает дрожь, когда я вспоминаю... Потрясенный всем, что мне пришлось испытать, я почувствовал себя плохо и прилег. Сердце билось неистово. И внезапно... — Ден схватил руку Гезы и сжал ее, — внезапно я заметил, что мое сердце... бьется с правой стороны.

Геза вздрогнул. Мысль, что Ден помешался, мелькнула у него. Инстинктивно он протянул руку к груди брата. Ден мягко отвел ее.

— Я не лишился рассудка, как ты, несомненно, думаешь, — сказал он. — Мое сердце билось с правой стороны! Это было именно так. И больше того, когда я положил на грудь руку, то положил именно левую и на правую сторону. Я сделал это машинально, не думая. Мои руки поменялись местами. Я никогда не был человеком, у которого левая ру-

ка является главной. Такие люди есть, ты знаешь. Конечно, мне показалось, что я сплю и вижу все во сне. Тогда я сильно ущипнул себя. И снова левой рукой. И самое удивительное, мне не казалось это странным или непривычным. Все во мне как бы перевернулось. То, что я привык ощущать справа, было теперь слева, и наоборот. Это не был ни сон, ни бред, это было действительностью. В ужасе я вскочил, кинулся к столу и написал несколько слов. Геза! Я писал левой рукой и не слева направо, а справа налево. Писал легко и свободно, как всегда. А раньше я не мог написать левой рукой ни слова. Я не помню, сколько времени просидел я перед столом. Если бы ты тогда вошел ко мне, то мог бы посчитать меня безумным с большим основанием, чем сейчас.

И странная мысль явилась мне. Если при входе в тайник во мне все перевернулось, то, войдя туда вторично, я снова стану самим собой. Я бросился в сад. Темнело — видимо я долго сидел у стола. На небе висела половина Луны. А ведь я помнил, что только вчера видел ее узкий край. Тогда я еще не верил, что прошло сорок дней. Факела я с собой не взял. Ощупью добрался до двери. В полной темноте нащупал выступ и трижды нажал на него. Я не только дотронулся до двери, но и прижался к ней всем телом. И снова остался жив. Они нам солгали. Дверь открылась, и я упал внутрь. Шар не вспыхнул, как в первый раз. Меня по-прежнему окружала темнота. Я не почувствовал, что падаю в бездну. Но на этот раз я потерял сознание. Очнулся, как после тяжелого сна, весь разбитый, с болью во всем теле. Теперь из шара исходил свет. Но очень слабый, не белый, а желтый, темно-желтый, как от коптящей светильни. Мои ноги находились за пределами тайника.

Я выполз из него. Шар сразу погас. В небе висела все та же половина Луны. Но она немного отошла от прежнего места. Было ясно, что на этот раз прошел час или чуть больше. Я оперся рукой о дерево — у меня закружилась голова. И сделал это правой рукой. Я схватился за сердце, и снова правой рукой. Сердце билось, как всегда, слева.

— И теперь?.. — спросил Геза.

— С тех пор все, как было.

— И больше ты не входил туда?

— Нет, ни разу. Но меня покинули мысли о смерти. Я понял, что не имею права унести с собой в могилу нераскрытую тайну. Я все время думаю об этом, стараюсь понять и... ничего не понимаю. Иногда мне кажется, что ничего этого не было. Но записка, которую я сохранил, доказывает мне, что это было. Я покажу ее тебе. На ней моей рукой написано три слова, левой рукой, справа налево. Сколько раз пытался я повторить эту надпись, ничего не выходило. Как и всегда, я не могу писать левой рукой...

Ден долго молчал, мрачный и печальный. Потом он встряхнул головой, точно отгоняя мысли:

— Я должен рассказать тебе все.

— Как, разве было еще что-нибудь?

— Да, Геза, было. Но не тогда, а много позже. Это началось примерно четыре луны тому назад. Вернее, я заметил это четыре луны тому назад.

— Но что?

— Я решил никому ничего не говорить. Это еще более таинственно, чем то, что ты уже слышал. И страшнее, во много раз страшнее. Я начал и должен рассказать до конца. Может быть, смерть уже близка ко мне. Пусть же тайна не умрет со мной, пусть узнаешь ее ты, мой родной брат и преемник. Ведь когда я умру, ты станешь верховным жрецом страны. Но чтобы ты опять не счел меня безумным...

Ден вскочил и поднял с пола плетъ. Потом, неожиданно для Гезы, сорвал с себя верхнюю часть одежды.

— Геза, — сказал он, — возьми эту плетъ и ударь меня по спине. Ударь со всей силой, какая у тебя есть.

— Ты помешался?

— Именно для того, чтобы доказать, что это не так, я и прошу тебя.

— Но я разорву тебе кожу! — Геза опасно посмотрел на свою мускулистую руку.

Ден рассмеялся:

— Твой удар не будет сильнее моего удара ножом, который я нанес самому себе в минуту вторичного приступа малодушия. Нанес вот сюда, в сердце. Смотри! Разве есть на моей груди какой-нибудь след? А нож вошел в нее на всю длину. Бей! И как можешь сильнее!

Геза схватил плеть. Он чувствовал, что если тотчас же не убедится в правоте Дена, то сам сойдет с ума.

Ден спокойно повернулся к нему спиной.

— Как можно сильнее, — повторил он. — Прошу тебя!

Геза отступил на шаг, размахнулся и, вложив всю силу, нанес брату страшный удар, который, казалось бы, должен был рассечь Дена надвое.

Свист воздуха — и конец длинной плети чувствительно ударил... по самому Гезе.

Его пальцы разжались, и плеть упала на пол.

— Что это?! — Геза схватился руками за голову.

Он видел, видел ясно, как плеть прошла сквозь тело Дена, точно сквозь воздух.

— Ты получил доказательство, — спокойно ответил Ден. — Теперь ты будешь верить моим словам. Твое волнение понятно, но оно ничтожно в сравнении с моим, когда я ударил себя ножом и не почувствовал удара, когда вынул нож и не увидел никакой раны. Видимо, моя голова сделана крепко, раз сохранился в ней разум после такого испытания.

Слова Дена убедили Гезу в реальности происходящего. Он со страхом смотрел на брата.

— Я заметил это четыре луны назад, в день великого жертвоприношения. Я находился в святилище храма и надевал священные одежды. Кроме меня, там никого не было. Ты знаешь, как тяжела золотая цепь, которую носит при церемониях верховный жрец. Я надел ее, и вдруг... она стала погружаться в мое тело. Я видел, как натягивается материя моего одеяния, погружаясь в плечи вместе с цепью. Боли я не испытывал, но был так поражен, что даже не испугался. Страх пришел позже. Цепь погрузилась до ключицы и остановилась. Вероятно потому, что ее удержала в этом положении материя. Я очнулся от оцепенения и схватил цепь.

Она легко вышла из тела. Я отбросил ее, будто она была раскаленной. А материя одежды так и осталась углубленной в мои плечи. Я был уверен, что увижу глубокие вмятины, но, раздевшись, не увидел ничего. Плечи были такими же, как всегда. Я почти упал на скамью, пораженный, ошеломленный, испуганный — все вместе. Потом вошел ты, удивленный, что я заставляю так долго ждать себя. Храм был полон народа. Я сказал тебе, что болен и не могу исполнять обряд.

— Да, я помню это, — сказал Геза. — Ты просил меня занять твое место в церемонии.

— Теперь мое тело пропускает все. Я не могу понять, почему с меня не спадает одежда. Она как-то держится. Не затронуты этой болезнью только ноги и кисти рук. Если их тоже поразит болезнь, я буду беспомощен, не смогу удерживать в руках ничего тяжелого.

— Уйди отсюда! — вскричал Геза. — Это все стол и шар!

— Нет. — Ден покачал головой. — Ни стол, ни шар здесь ни при чем. Я много думал и, кажется, понял. Когда я упал внутрь тайника, мои ноги и кисти рук остались за его порогом. Вот в чем причина. Если виноват шар, то не этот, а тот, в тайнике. Граница болезни проходит как раз по линии бедер. То, что ниже, осталось здоровым. В этом моя последняя надежда. Таким, как сейчас, я могу жить. Но умереть по своему желанию я не могу.

— Почему? — спросил Геза.

— Потому, что тогда моя тайна откроется всем. А мы, жрецы, не имеем права выпускать ее из своих рук. Ты один знаешь ее и, когда я умру, когда придет твой час, откроешь ее своему преемнику. Я не знаю как, но эта тайна может пригодиться нашей касте.

— Но почему ты не можешь умереть по желанию?

— Потому что нож бессилен, потому что бессилен и огонь. Я испытал это. Я положил руку в священный огонь, когда никто не мог видеть меня. Не кисть, а локоть. Я ничего не почувствовал. Я долго держал руку в огне. И ничего

не случилось. Мое тело свободно пропускает и огонь, который не может его сжечь. Если я брошусь в священный огонь, а обычай требует, чтобы при этом присутствовали старшие жрецы, сгорят только ноги и кисти рук. Подумай об этом, Геза! Может быть, именно это, поражающее воображение свойство тела человека, побывавшего в тайнике, явится тем, что даст новую страшную власть верховным жрецам. А теперь идем, Геза! Я устал, да и ты тоже.

В эту ночь Геза долго не мог заснуть, вспоминая прошлое.

ЧТО БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ ЛУН НАЗАД

Ден имел основания утверждать, что существа, явившиеся из-под земли, не были богами, что они люди. «Не такие, как мы, но люди», — часто повторял он. А Ден был верховным жрецом страны, и народ верил в его мудрость.

Обиталище богов и вообще добрых духов — на небе. Под землей живут злые духи. А пришельцы были добры. За три луны, проведенные ими на земле, они ни в чем не показали злых намерений. Так не могли вести себя владыки подземного царства. Но и обитатели неба не могли прийти из-под земли. Значит, верховный жрец прав!

Настойчивое стремление Дена доказать народу, что пришельцы не боги, имело очень серьезные причины. Ден действительно был мудр, как и подобало верховному жрецу. Веками народу внушали, что те, кто олицетворял собой высшую власть в стране, прямые потомки богов, что они сами равны богам. Абсолютная власть держалась на этом. Что сказали бы люди, если жрецы объявили бы пришельцев богами, то есть родственниками Роза и Боря? Разве не бросилось бы в глаза всем полное внешнее несходство пришельцев с властителями? Вера людей в то, что говорят им жрецы, могла пошатнуться.

Ден считал их людьми. Очень странными, обладающими таинственным и непонятным могуществом, но людьми. Они и сами утверждали, что они люди. Зачем богам отрицать свою божественность? А пришельцы отрицали. Они говорили...

Геа всегда вздрагивал, когда думал об этом. Говорили! Нет, пришельцы никогда не говорили! Они молчали, но люди слышали их слова!

Необъяснимо... и страшно!

Они называли себя братьями людей Земли. Но когда Геа впервые увидел их, он убежал в ужасе. Он принял их за духов подземного царства. Тогда еще никто не подозревал о тайнике под землей...

Было утро, солнце только что взошло. Геза, тогда еще младший жрец храма, встал рано. В тот день была его очередь поддерживать священный огонь перед изваяниями богов. В ожидании первой трапезы он прогуливался по саду.

И вот, когда он подходил к повороту дорожки, невдалеке от беседки, прямо перед ним внезапно провалилась земля. Непостижимым образом, на ровном месте, образовалась яма.

Он несколько не испугался, подумав о подземных водах, которые иногда подтачивают почву и вызывают такие обвалы. Его смутило, что земля провалилась как-то странно, как будто и не провалилась совсем, а просто исчезла.

Он остановился, чего-то ожидая. Неясное чувство тревоги овладело им.

Прошло несколько минут. Все было спокойно, но тревога непрерывно усиливалась. Гезе казалось, что он слышит голоса, исходящие из ямы, но возможно и откуда-то из другого места. Потом раздался резкий металлический звук. Он исходил уже точно из глубины ямы.

Геза подошел ближе и заглянул в яму. Она была темна и глубока. И в ней, приближаясь, виднелись какие-то голубые пятна.

Он не успел ничего сообразить, не успел даже повернуться, чтобы уйти...

Из ямы вышли четверо!

Геза убежал сразу. Но все же он успел рассмотреть подземных жителей. Их фигуры в мельчайших подробностях запечатлелись в его мозгу. Ведь он считал, что первым из людей увидел духов зла!

Они показались ему совершенно одинаковыми. Да и потом, когда пришельцы жили здесь, когда люди освоились с их внешностью, многие так и не могли отличить их друг от друга.

Духи зла были среднего роста и одеты в плотно облегающие тело голубые костюмы. В том, что это одежда, а не сама кожа, люди убедились только впоследствии. Гезе показалось, что духи обнажены и кожа у них голубая, как небо,

резко отличается от цвета лица и рук, которые были совсем белыми. У духов было по две руки и по две ноги. На лицах с заостренными подбородками большое место занимали глаза и лоб. Глаза были огромными и круглыми, очень светлыми — голубые у троих и бледно-серые у одного. Над очень длинными тонкими бровями нависал мощный лоб, занимая половину всего лица. Нос и рот ничем не отличались от носа и рта человека.

В это мгновение первой встречи они показались Гезе кошмарными уродами, мертвенно-бледными, какими и должны были оказаться духи подземного царства. Потом, привыкнув, он находил их если и не красивыми с земной точки зрения, то и не уродливыми. В чертах пришельцев была непривычная, странная, но несомненная гармония.

Но тогда Геза страшно испугался. Он бросился бежать к дому, забыв о своем сане жреца, о том, что закон повелевает жрецам спокойствие и величавую медлительность в движениях.

Он ворвался в дом, влетел в комнату Дена, который встретил его появление удивленным и гневным взглядом. Весь вид брата сразу показывал, что Геза бежал, а это считалось преступлением для жреца любого ранга.

Ден поднялся в ярости от мысли, что придется подвергнуть Гезу жестокому наказанию, а может быть, и выгнать его из храма. Это будет позором для их рода, в котором все много веков передавали друг другу сан верховного жреца.

Видел ли кто-нибудь бегущего Гезу?..

Но Ден не успел ничего сказать.

— Там, в саду, — задыхаясь, прошептал Геза, — из-под земли вышли... четверо... духов... зла.

Ден нахмурился. Только и не хватало, чтобы Геза помешался. В их стране на помешанных смотрели как на одержимых бесами и бросали их в священный огонь.

Геза протянул руку к окну:

— Смотри сам!

Пожав плечами, Ден повернулся к окну.

К дому подходили четыре голубые фигуры. Ничего похожего на них Ден не видел ни разу в жизни. У одной из этих фигур в руках был небольшой черный шар.

Ден облегченно вздохнул. Значит, Геза не сошел с ума.

Верховный жрец не верил в злых духов. Он не испугался. Первой мыслью, пришедшей ему в голову, было, что кто-то решил подшутить над ними. И вместо страха, охватившего Гезу, Ден почувствовал холодную злость. Хорошо же! Он проучит шутников. С верховным жрецом такие шутки не проходят даром!

Геза еще больше испугался, когда увидел, что брат решительно направился к выходу в сад, навстречу духам. Он хотел идти за ним, но не мог двинуться с места. Как замороженный, он смотрел в окно, опасаясь чего-то страшного, что могло произойти.

Он видел, как Ден твердыми шагами направился к четырем голубым фигурам, которые остановились, видимо, ожидая его. Потом шаги Дена сразу замедлились. Геза мог бы поклясться, что бесстрашный Ден готов был повернуть обратно. Но не повернул. Геза услышал его голос:

— Кто вы? Что вам здесь нужно?

Это мог сказать только Ден. Но Геза не узнал голоса брата. Он прозвучал как-то странно, без выражения, и самый звук этого голоса был не таким, как всегда. Но Геза не обратил на это внимания и подумал: «Молодец, Ден».

Если это действительно духи, то они должны почувствовать, с кем говорят!

И вдруг Геза услышал ответ. Группа из четырех голубых фигур и одной черной была от него довольно далеко. Он никак не мог слышать их на таком расстоянии. И все же слышал. Только в это мгновение он удивился, что смог услышать то, что сказал Ден.

— Мы ваши братья, — говорил кто-то из четырех. — Мы пришли к вам издалека и надеемся встретить в вас друзей.

Голос показался Гезе странно знакомым. Но в нем было что-то неестественное, будто звучал он не в ушах, а прямо в мозгу.

Ден снова что-то сказал, и на этот раз Геза не расслышал даже звука его голоса. Но ответ он опять услышал вполне ясно:

— Мы пришли к вам с нашей родины. Она очень далеко. Примите нас как друзей и братьев. Мы не причиним вам никакого зла.

Снова неслышный вопрос Дена — и ответ:

— Все дети Солнца — братья. И мы, и вы — дети Солнца.

Как узнал потом Геза, Ден спросил пришельцев, откуда они знают язык, если пришли издалека.

— Мы не знаем вашего языка, — последовал странный ответ. — Мы говорим на своем. Но ты слышишь нас также на своем. Не удивляйся! Потом ты поймешь, как это происходит.

Нет, мудрость пришельцев изменила им. Ни «потом», ни сейчас люди не понимали, «как это происходит». Тайна так и осталась тайной!

Геза заметил, что невдалеке появились трое рабов, принадлежавших их дому. С изумлением смотрели они на странную группу. Затем в ужасе упали на землю.

Ден также заметил их. Он признался впоследствии, что если бы не появились рабы, он мог не выдержать и убежать, подобно Гезе. Присутствие рабов удержало его. Он не мог уронить в их глазах свое достоинство. Ведь его привел в ярость не самый факт бегства Гезы, а только опасение, что это бегство, недостойное жреца, мог кто-нибудь увидеть.

Ден пригласил пришельцев войти в дом. Они последовали за ним без колебаний.

Геза видел, как они вошли.

И тогда он, наконец, очнулся от своего оцепенения, и к нему вернулась способность двигаться.

Ден говорил с духами, и с ним ничего плохого не случилось!

Войдя в общую комнату, где обычно принимали гостей и посетителей, Геза увидел пришельцев вблизи. Они были такими, какими сохранила их его память.

Он обратил внимание, что глаза духов стали как будто меньше, но потом он понял, что они просто прикрыты веками. Перестав быть круглыми, эти глаза приобрели больше сходства с глазами людей.

Ден предложил гостям сесть на скамьи, покрытые шкурами. Они спокойно сели. Казалось, у них не было ни тени удивления или любопытства при виде незнакомой им обстановки. Как будто не в первый раз видели они все это. Один из них не выпускал из рук черного шара. Ни Ден, ни Геза не подозревали тогда, что видят перед собой одну из самых необычайных тайн пришельцев, и не обращали на шар никакого внимания.

— Не бойтесь нас! — «раздался» голос духа.

Слова были ясно слышны, но снова Геза заметил, что звучали они не в ушах. Кто из четверых произнес их, оставалось неизвестным. Ни один из них не шевелил губами.

— Мы вас не боимся, — гордо ответил Ден. — Мы никого и ничего не боимся. Разве вы не знаете, кто я?

Вопрос показался Гезе бессмысленным. Откуда явившиеся из-под земли могли знать Дена?

Но кто-то из пришельцев спокойно ответил:

— Мы это знаем, вернее, узнали только что. Ты и твой брат — служители божества.

Сказал ли он «служители» или «жрецы», Геза не мог определить.

— Твой брат думает, что мы духи, — продолжал звучать в голове Гезы странно знакомый голос. Он уже понял, что пришельцы не издают ни одного звука. Почему же он слышит их? Прежний страх медленно поднимался в нем. — Но мы такие же люди, как и вы, только родина у нас другая. Ты сказал, что не боишься нас. Но брат твой боится. — Глаза того, кто держал шар, смотрели на Гезу. И Геза понял, что говорит именно этот пришелец. — Мы не духи, и нас не надо бояться. Мы видим вас в первый раз и не боимся. Поступайте, как мы.

Ден внезапно повернулся к Гезе.

— Ты опоздаешь в храм, — сказал он.

Геза понял, что Дена оскорбили слова незнакомца. Упрек в трусости задел его гордость, и он решил удалить брата. Сам он, по-видимому, действительно не боялся.

— Я иду, — покорно ответил Геза.

— Не огорчайся, — ласково «сказал» пришелец. — Мы никуда не уйдем, и ты увидишь нас, когда вернешься.

Геза направился к выходу.

— Никому ни слова! — сурово сказал Ден ему вслед.

И Геза, уходя, успел услышать, как пришелец сказал:

— Это правильно. Говорить о нас еще преждевременно. Мы очень ошиблись.

Что означали эти последние слова, никто так и не узнал.

Геза, конечно, исполнил бы приказ Дена и ни словом не обмолвился о пришельцах, но первое, что его спросили, когда он вошел в храм, было: «Кто эти люди?»

Как оказалось, почти весь город уже знал о появлении в доме верховного жреца странных существ, непохожих на обыкновенных людей. Ден забыл о рабах, которым он не запретил рассказывать о том, что они видели. И рабы рассказали.

— Я не знаю, кто они, — ответил Геза.

О том, что происходило после его ухода, Геза узнал от Дена.

Пришельцы просили оказать им гостеприимство и, опасаясь вторичного упрека в трусости, Ден предложил им поселиться в его доме. Они сразу согласились.

Боялся ли Ден своих гостей? Вероятно, все же боялся, но никогда и никому не признался в этом. С самого начала он взял с ними тон спокойного равнодушия, как будто не видел ни в них самих, ни в обстоятельствах их появления ничего необыкновенного. И насколько можно было судить, пришельцам нравилось такое отношение к ним. До самого конца своего пребывания на поверхности земли они обращались к Дену с уважением, говорили с ним как с равным.

— Нам нужно иметь помещение, — «сказал» один из пришельцев, — где мы могли бы поместить этот шар. Там должен быть стол.

— А вы сами? — спросил Ден, удивленный, что они говорят о шаре, а не о самих себе.

— Мы можем находиться где угодно. Мы постараемся не мешать вам.

— Вы нам не мешаете, — ответил Ден, все более удивляясь. — Дом велик, и комнат много. Выбирайте любую.

— Позволь нам поместить шар на крыше. Она плоская.

— Но там нет никакого помещения.

— Его можно сделать. Это будет нетрудно.

— Мои рабы к вашим услугам, — сказал Ден.

И сказав, почувствовал вдруг, что его не поняли. Откуда явилось это убеждение, он не смог бы объяснить. На лицах его гостей ничего не отразилось. Но Ден был настолько уверен, что гости не поняли, что тотчас же повторил фразу, немного изменив ее. Он почему-то решил, что гостям непонятно слово «рабы».

— Мои слуги, — сказал он, — сделают все, что вы им прикажете.

На этот раз они поняли его. Доказательством послужил ответ:

— Мы тебе благодарны. Твоим слугам нетрудно будет сделать то, что нам надо.

Они словно извинялись, что причиняют рабам беспокойство.

— Неважно, — сказал Ден, — трудно или не трудно. Они сделают все.

Он сдерживался. Но его все время мучило желание спросить, откуда явились эти существа. Геза сказал, что изпод земли. Так ли это?

— Скажи нам свое имя, — попросили гости.

— Меня зовут Ден.

Он ожидал, что они назовут свои имена.

— Прости нас, — сказал пришелец, — но мы не можем сказать тебе, как зовут нас. Ты не услышишь.

Ден не понимал и не мог понять способ разговора, которым пользовались пришельцы. Но он уловил главное. В его мозгу звучали только знакомые слова. Стоило пришельцам употребить слово, которого он не знал, и звучание прекращалось.

— Понимаю, — ответил Ден. — Вы говорите не так, как мы, без звуков. И ваши имена, которые мне незнакомы, не прозвучат для меня.

— Ты прав, — сказал пришелец. — И мы рады, что ты это понимаешь.

Дену хотелось спросить: как же все-таки говорят его гости, почему их беззвучные слова слышны? Но он считал такой вопрос несовместимым со своим достоинством вер-

ховного жреца, и промолчал. С детских лет ему внушили, что жрец никогда и ни при каких обстоятельствах не должен проявлять любопытства.

Но он тут же убедился, что вопрос и не нужен его странным собеседникам.

— Ты хочешь знать, — сказал один из них, — как мы говорим с тобой. Мы постараемся объяснить это, но не сейчас, а позднее. Ты хочешь знать, откуда мы явились. Этого мы не сможем объяснить. Ни сейчас, ни после. Мы можем только показать тебе то, что помогло нам явиться сюда. Пойдем в сад, и ты увидишь.

ЧЕРНЫЙ ШАР

Геза помнил, как на крыше их дома появилась удивительная комната пришельцев. Пробыв в храме сутки, он был свободен три дня и провел их в обществе голубых гостей.

Пришельцы вели себя скромно, старались ничем не стеснить хозяев, предупредительно отвечали на каждый вопрос. Часто случалось, что ответ следовал раньше, чем спрашивающий успевал произнести первое слово. Это было замечено всеми, и еще больше усилило суеверный ужас рабов, которые, все до одного, готовы были убежать сломя голову, если бы привычка к повиновению не удерживала их.

Все, кроме Рени.

Молочный брат Гезы, товарищ его детства и близкий друг, Рени во всем подражал Гезе и не выказывал никакого страха. Он стал посредником между пришельцами и остальными рабами, получал указания и передавал их другим.

Рабов ничему не учили. Они были неграмотны и дики. Рени учился вместе с Гезой, правда, тайком. Ни отец Дена и Гезы, ни сам Ден, когда отец умер, никогда бы не допустили, чтобы раб получил какие бы то ни было знания. Но Геза судил иначе и передал брату все знания, которыми обладал сам.

Может быть, потому и не боялся Рени пришельцев?

Слух о них быстро распространился по всей стране. Страх и любопытство овладели всеми. Уже на следующий день после их появления дом верховного жреца стал местом паломничества высших сановников страны. С самого утра начали прибывать богато украшенные носилки, несомые рослыми рабами. Каждый старался найти благовидный предлог для визита; подражая жрецам, знать считала, что обыкновенное любопытство ниже ее достоинства.

Даже Роз и Бора, гордые и надменные властители страны, не выдержали, и один за другим прибыли к Дену. Не придумывая никаких предлогов, они прямо потребовали показать им пришельцев.

Бора явился с дочерью. Именно тогда Геза впервые увидел ту, которая потом заняла все его мысли. Лана была очень красива и держалась еще более гордо, чем ее отец. Гезу поразило, что она отнеслась к необычным существам, которых увидела первый раз в жизни, с полным равнодушием. Небрежно скользнув взглядом по пришельцам, Лана отвернулась от них и притворно зевнула. Казалось, ей скучно смотреть на такое обычное зрелище. Зато Бора был сильно удивлен и, пожалуй, испуган. Он ни слова не сказал пришельцам, и поспешил удалиться.

Роз пробыл долго. Он сидел, внимательно рассматривая пришельцев, молчал и все больше хмурился. Ден сказал гостям, кого они видят перед собой. Но на пришельцев это не произвело никакого впечатления. Розу это не понравилось. Он резко поднялся и вышел, пригласив Дена следовать за собой.

Они долго беседовали наедине. Как узнал потом Геза, Роз настаивал на немедленной казни пришельцев, он считал их опасными для спокойствия страны. Дену с трудом удалось убедить его подождать и выяснить сначала, кто такие пришельцы, откуда они явились и каковы их намерения. В конце концов, Роз согласился. Тогда Ден попросил оградить пришельцев от людского любопытства. Эта просьба отвечала намерениям самого Роза, и он отдал приказ, чтобы никто не смел подходить к дому под страхом смерти.

— Они знают то, чего не знаем мы, — объяснил Ден брату. — От них мы получим новые знания. Вот почему я убедил Роза пощадить их.

— Ты думаешь, их можно казнить? — спросил Геза, все еще считавший, что пришельцы если и не духи зла, то все-таки какие-то духи, а потому бессмертны.

— Не знаю, — ответил Ден, и тень тревоги прошла по его лицу. — Но если бы попытка лишить их жизни не удалась, это было бы совсем плохо.

Геза тогда не понял, что хотел сказать Ден этой фразой.

Пришельцы действительно обладали знаниями, удивительными и таинственными.

По их указаниям рабы изготовили деревянный каркас семигранной комнаты и установили его на крыше, проделав в ней люк. Все семь стен и потолок имели большие отверстия, квадратные на стенах и семигранное на потолке. Потом был сделан низкий стол, тоже в форме семигранника.

Затем рабов удалили.

То, что произошло после, Ден и Геза запомнили на всю жизнь. Пришельцы внесли в эту необычную комнату, со всех сторон открытую ветрам, свой черный шар. Один из них достал узкую ленту, сделанную из незнакомого светлого металла, и тщательно отмерил расстояние от поверхности стола до какой-то известной ему точки в воздухе. А потом... они положили, именно положили туда черный шар и... выпустили его из рук.

Шар остался висеть в воздухе!

Ден и Геза не верили своим глазам. Шар не падал!

Им стоило большого труда заставить себя остаться на месте.

Один из пришельцев посмотрел на них и улыбнулся.

— Вы удивлены? — «сказал» он. — Но это не... — опять слово словно провалилось в сознании. — Это просто неизвестное вам явление. Придет время, и вы, я имею в виду людей вообще, поймете, как это происходит.

Ни Ден, ни Геза ничего не смогли ответить от волнения.

Пришельцы отошли от стола. Шар висел неподвижно. И вдруг... он вспыхнул ярким белым светом.

Пламя факелов и свечей меркнет при свете солнца. Сейчас был день, небо было безоблачно. Но шар освещал стол и шесть человек, стоявших возле, столь сильно, что ясно были видны тени.

Потом свет стал слабее, превратился в узкий луч, который из белого стал зеленым, и неожиданно завертелся над поверхностью стола, освещая ее концентрическими кругами.

Это было уже слишком. Вряд ли нашелся бы хоть один человек на Земле, который смог бы такое выдержать. И оба брата не выдержали. Они кинулись к люку, спасая свой разум.

Оказавшись внизу, в комнате Дена, они молча посмотрели друг на друга.

— Это знание! — сказал Ден. — Это мудрость. Что бы ни увидели еще, мы не должны бояться. И никому, слышишь, Геза, никому ни слова! Тайны этих людей должны принадлежать нам, нашей касте.

— Людей? Ты считаешь, что они люди?

— Конечно, люди. Не такие, как мы, но люди.

Так родилась эта фраза, которую Ден потом повторял бесчисленное количество раз.

Дена сильно беспокоило, как отнесутся пришельцы к их явному бегству. Не будут ли голубые смеяться над ними. Он знал, что если заметит насмешку, то сам, без колебаний, пошлет пришельцев на казнь, чем бы ни кончилась такая попытка.

Но пришельцы и не думали смеяться.

Ден и Геза встретились с ними за дневной трапезой. Пришельцы питались обычной пищей, но отказывались есть мясо. Утром они подкрепились фруктами. Ден приказал готовить для них растительные блюда.

А после трапезы один из пришельцев (остальные удалились в приготовленную для них комнату) долго говорил с Деном и Гезой.

Очень осторожно, явно опасаясь задеть гордость хозяев, пришелец повторил то, что сказал наверху, когда черный шар повис в воздухе. Он просил верховного жреца убедить людей в том, что пришельцев не надо бояться, что они никогда не причинят никому никакого зла. Даже наоборот, они могут научить многому. Например, лечить болезни, с которыми не умеют бороться их врачи. (Ден и Геза поняли это слово как «жрецы», потому что в это время не было никаких врачей, а их роль исполнялась жрецами.) Он сказал, что пришельцы недолго пробудут здесь, что «появляться» в этой эпохе они не собирались, но ошиблись во времени. («Что он говорит?» — подумал Геза. «Похоже на бред», — подумал Ден.) А раз так случилось, им необходимо пробыть здесь некоторое время, прежде чем отправиться дальше.

— Куда? — спросил Ден.

— К другим людям, — последовал ответ. — К тем, кто сможет оказать нам помощь.

— В другую страну?

— Нет, к другим людям.

— Какая помощь вам нужна?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Мне придется употребить незнакомые вам слова. Вы их не услышите.

Ден кивнул головой, хотя весь разговор был для него сплошным туманом.

Пришелец снова заговорил просто и понятно:

— Мы покажем вам много интересного, чего вы никогда не видели.

— Да, мы хотим видеть, — твердо ответил Ден.

— Вы увидите. Это в наших интересах.

Они увидели в тот же вечер.

Когда по приглашению пришельцев Ден и Геза снова поднялись наверх, они заметили поразительную перемену в семигранной комнате.

Шар висел по-прежнему в воздухе, на том же месте. Он был белым, а не черным, и ярко освещал все. Но стол изменил свой вид. Он не был теперь довольно грубо отделанной деревянной вещью. Поверхность его стала гладкой и блестящей, как поверхность воды, и в ней отражался шар. На краю появились два маленьких выступа, сделанные как будто из кости. Двойная рама стола стала теперь другой, и никто не смог бы догадаться, из чего она сделана. Это было уже не дерево.

Но самое удивительное произошло с отверстиями в стенах и потолке. Ден и Геза, как только вошли, сразу заметили, что комната отделена от наружного воздуха. Был ветер, но он не проникал сюда. А вместе с тем, отверстия по-прежнему казались пустыми. Они подошли к ближайшей стене и, протянув руку, дотронулись до чего-то упругого, как ткань, сильно натянутая. Это «что-то» было совершенно прозрачно.

Они снова очень испугались, но сумели скрыть свой страх от пришельцев.

Темнело, и свет шара становился все ярче.

Потом они узнали, что в этот вечер весь город вышел на улицы. Люди смотрели на необъяснимое сияние над домом верховного жреца, и страх ширился и разливался как наводнение. Двое умерли в эту ночь от ужаса, четверо потеряли рассудок, и их на следующий день бросили в священный огонь.

Роз и Бора, окруженные советниками и слугами, поднялись на крышу своего дворца и несколько часов простояли там, испуганные не меньше своих подданных.

А Ден и Геза видели такое, что можно было только удивляться, как и они не сошли с ума.

Пришельцы попросили их приблизиться к столу. Свет шара померк, превратился в узкий луч, сосредоточившийся в центре стола. И из этого центра, словно расплываясь по всей поверхности, возникали одна за другой картины...

На Земле были художники. Они высекали на стенах или рисовали углем изображения людей и животных. Были мастера, создававшие из камня и дерева подобия людей. Эти картины и статуи держались долго, но всегда оставались такими, какими были созданы. Они не менялись и, конечно, были неподвижны.

А здесь, как бы под поверхностью стола, в его «глубине», появлялись движущиеся картины! Их никто не рисовал, они появлялись сами, все в одном черно-белом тоне, и производили впечатление действительности. И это было самое страшное.

Точно откуда-то сбоку и немного сверху виднелись дома, люди, природа. Станные дома, странная природа! Люди походили на пришельцев, но природа была ни на что не похожа.

Все двигалось. Люди шли, растения шевелились. Между домами, по улицам, быстро, очень быстро проезжали какие-то повозки. Но в них не были впряжены животные. Повозки двигались сами по себе: В них сидели люди. А часть повозок, несколько иной формы, летела по воздуху, и в них также сидели люди, похожие на пришельцев.

— Вы видите нашу родину, — сказал пришелец.

Где, в какой части света могла находиться столь странная и необычайная страна? Никто никогда не слышал о такой.

— Где ваша родина? — спросил Ден.

— Она очень далеко. И мы не можем на нее вернуться. Нам нужна помощь людей.

— Вы говорили, что не можете сказать, какая вам нужна помощь. Теперь вы сказали. Мы дадим вам корабль, на котором вы сможете доплыть сколь угодно далеко. На самый край света.

— Корабль нам не поможет. До нашей родины не доплывешь по воде.

— Где бы она ни находилась, до нее можно добраться.

— Да, можно, но не с той... какая есть у вас.

Опять провал, опять должно было прозвучать незнакомое слово!

Ден замолчал. И он и Геза не спускали глаз с поверхности стола. А под ней одна картина сменяла другую. Проходили, как в реальном сне, причудливые виды удивительной родины пришельцев. Города сменялись отдельными зданиями, полями, на которых двигались невероятные, ни на что не похожие сооружения, садами — может быть, это были леса — с неведомыми растениями. Всюду были люди, которые что-то делали, но что именно, трудно было понять. И всегда, везде, неизменно виднелись летающие повозки. Они опускались на землю, и из них выходили люди. Другие влезали в эти повозки, и те снова поднимались и летели.

Ден и Геза, стиснув зубы, заставляли себя спокойно смотреть, не выдавая пришельцам своего возрастающего ужаса.

Но «живые» картины внезапно прекратились. На их месте появились, как письма, длинные строчки непонятных знаков. Пришельцы наклонились вперед, всматриваясь в эти знаки, может быть, и читая их.

— Они еще ничего не знают, — «сказал» один из пришельцев.

Фраза явно адресовалась не жрецам, но они услышали ее. А раньше, когда пришельцы говорили друг с другом, они не слышали ничего. Было ли это признаком волнения или рассеянности?

— И мы бессильны им сообщить, — раздался «голос» другого пришельца.

Больше ни Ден, ни Геза не слышали ничего.

Пришельцы отвернулись от стола, они продолжали свой немой разговор, видимо, потеряв к столу всякий интерес.

Письмена исчезли. Шар снова вспыхнул белым светом.

Один из пришельцев повернулся к Дену.

— Простите нас, — сказал он, — но сегодня мы вам ничего больше не покажем. Мы очень опечалены, получив с родины неприятные вести.

— Эти картины, — сказал Ден, — вы хотите сказать, что они пришли сюда с вашей родины?

— Да, они оттуда. Там такой же шар, как и здесь, но более сильный (последнее слово не прозвучало, но Ден и Геза поняли: «сильный»). Они связаны между собой, но наш может только принимать, ничего не может передать.

В этом наша беда.

— Чем они связаны? — Ден посмотрел на шар, который висел ни к чему не прикрепленный, и пожал плечами.

— Я не могу этого объяснить, — сказал приходец.

И Дену и Гезе показалось, что прикрытые веками, удлиненные глаза пришельца смотрели на них с печалью и затаенной болью. Но, может быть, им только показалось?..

ПРИШЕЛЬЦЫ

Лучше всего Геза запомнил именно первые дни пребывания пришельцев на поверхности земли. Последующие сливались в его памяти, и он не смог бы сказать, когда произошло то или иное событие. Каждый день в чем-нибудь проявлялось непонятное могущество голубых гостей.

Три случая запомнились Гезе особенно рельефно. В них сказались не только знания, но и характер пришельцев.

Как-то один из рабов, уже пожилой, почти старый человек, упал с лестницы и сломал ногу. Ден видел это в окно.

В таких случаях с рабами не церемонились. Если человек был уже неполноценен, его приканчивали. Молодых и сильных лечили, но при переломах это занимало много времени, и следы оставались на всю жизнь.

Ден приказал убить старика.

Два раба подошли к несчастному, чтобы выполнить приказ.

Геза стоял рядом. Убеждения, привитые ему с детства, не позволяли вмешиваться, но он жалел раба и думал, что, будь он сам на месте Дена, старик остался бы жив.

Острый нож уже готов был опуститься и пронзить горло. Но вдруг — Геза хорошо это видел — рука молодого раба судорожно отдернулась назад, и нож выпал. Точно кто-то невидимый схватил разящую руку.

Геза увидел одного из пришельцев, быстро подходившего к ним.

Не обращая внимания на рабов, пришелец опустился на колени возле пострадавшего.

Гезу охватил гнев. Кто бы ни были эти пришельцы, они не имели права вмешиваться во внутренние дела дома. Прикончить раба велел Ден, верховный жрец, третье лицо в стране.

Он хотел сказать об этом пришельцу, но не успел.

— Убивать человека за то, что он сломал ногу, это слишком жестоко, — «сказал» пришелец. — Разрешите мне

вылечить его. Если он будет здоров, не нужно будет и убивать его.

— Здоров он не будет, — ответил Геза. — Но дело не в этом. Ден велел убить его, и это должно быть сделано, здоров он или нет. Прошу тебя, не мешай и удались.

Пришелец встал. Он пристально смотрел на Гезу и, казалось, колебался. Но, видимо, понял, что действительно не имеет права нарушать законы чужой страны. Бросив взгляд на обреченного, взгляд, полный печали, пришелец повернулся, чтобы уйти.

— Подожди!

Это сказал Ден, незаметно подошедший к месту действия.

Пришелец остановился. Геза видел; что все существо этого странного человека наполнило чувство надежды, так красноречивы были его поза и выражение глаз.

— Ты ошибся, — холодно сказал Ден, — назвав его человеком. Он не человек, а раб.

— Раб тоже человек, — ответил пришелец, — он не животное.

— Он моя собственность. И я могу убить его, когда захочу. Ты сказал, что хочешь его вылечить. Разрешаю тебе, лечи его.

Геза понял, что Дену интересно увидеть, как будет действовать пришелец. Но он знал, что раб все равно умрет. Не в характере Дена было отменять раз отданное распоряжение.

Но оказалось, что пришелец догадался об этом.

— Ты обещаешь, если он будет совсем здоров, пощадить его? — спросил он.

Ден гневно сдвинул брови.

— Это мое дело, — резко ответил он.

— Пока ты не дашь слова, я не буду его лечить. Это бесполезно, если он все равно умрет.

Любопытство оказалось сильнее, и Ден уступил.

— Хорошо, — сказал он. — Обещаю: если он будет здоров, я отменю свой приказ.

Снова опустившись на колени, пришелец положил руку на лоб раба, который за время этого разговора несколько раз переходил от жизни к смерти и снова к жизни.

Ден, Геза и два молодых раба, оставшиеся здесь, так как не получили приказа удалиться, видели, как пострадавший тотчас же закрыл глаза, словно заснул.

— Теперь он не почувствует боли, — сказал пришелец.

Ден усмехнулся. Никто никогда не заботился о том, что чувствует раб.

Пришелец действовал быстро и четко. Его движения были уверенны, точно он только тем и занимался, что лечил сломанные ноги.

Перелом был глубоким. Кость прорвала кожу и торчала из раны. В таких случаях лечить не умели, человек на всю жизнь остался бы хромым.

И вот на глазах четырех человек произошло невероятное. Несколько ловких движений белых рук — и сломанная кость встала на свое место. Кровь сразу перестала течь. Пришелец положил обе руки на место перелома и держал их так несколько минут. Глаза его были закрыты, на высоком лбу прорезалась глубокая складка. Вся его поза выражала огромное напряжение.

Потом он снял руки.

Раны не было! На ее месте виднелся только едва заметный шрам.

Пришелец снова положил руку на лоб раба. Тот открыл глаза.

— Встань и иди! — сказал пришелец.

И раб встал и пошел, твердо ступая на только что сломанную ногу. Он ушел, даже не спросив разрешения Дена.

— Я выполнил свое обещание, — сказал пришелец.

— Я выполню свое, — ответил Ден. — Но вы должны научить меня это делать.

— Будет трудно, — сказал пришелец. — Ваш мозг не приучен. Но мы попробуем.

Геза знал, что «проба» состоялась, но не привела ни к чему. Ден не смог услышать объяснения пришельцев.

Второй случай произошел вскоре после первого.

Пришельцы приняли приглашение Дена присутствовать при большой церемонии в храме. Они пришли рано, когда еще не было народа, и попали как раз к тому моменту, когда в священный огонь должны были бросить человека, потерявшего рассудок. Младшие жрецы уже схватили эту женщину, которая бессмысленно смеялась, и подносили ее к глубокой нише, где горел священный огонь.

Как и всегда, пришельцы сразу поняли происходящее. И на этот раз уже нельзя было сомневаться, что именно по их мысленному приказу жрецы вдруг выпустили женщину в двух шагах от ниши.

И снова один из пришельцев обратился к Дену с просьбой разрешить ему вылечить безумную.

Ден охотно согласился. У него не было никаких причин желать смерти горожанки, которая не была рабыней. Если ее вылечат и она станет нормальной, тем лучше.

Женщина перестала смеяться, когда пришелец положил руки на ее голову. Она смотрела в глаза, которые видела впервые в жизни, не выказывая ни удивления, ни страха. Но когда пришелец убрал руки, женщина снова рассмеялась.

Ден ждал. Замерев от страха, возле него стояло несколько жрецов храма.

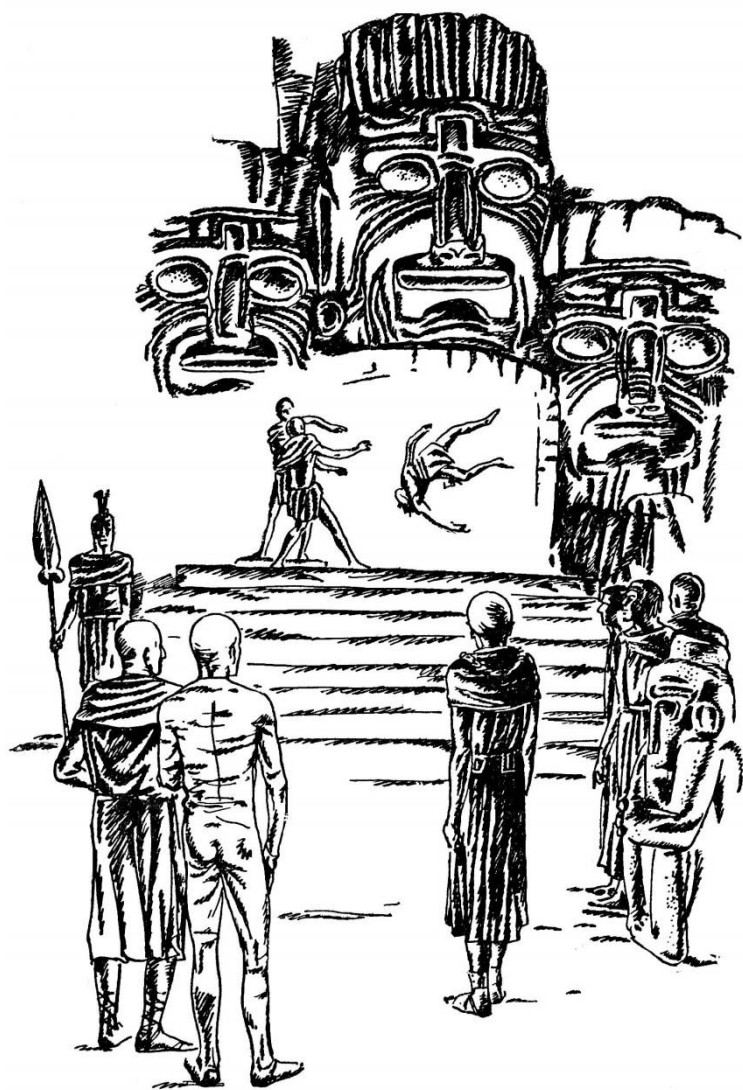
Пришелец опустил голову. Ден понял, что лечение не удалось, и обрадовался. Что бы он ни говорил, но полной уверенности, что пришельцы не боги, у него не было. Теперь можно быть уверенным. Боги должны быть всемогущими, иначе они не боги. Пришельцы не смогли вылечить безумную, значит, они не всемогущи.

— Ее нельзя вылечить? — спросил он.

— К сожалению, нельзя. Но пощади ее! Не подвергай такой мучительной смерти!

— Ее казнь не я, — ответил Ден, — а закон. Смерть в священном огне — не казнь, а благодеяние. Так умирают служители божества, если хотят умереть раньше времени.

Он подал знак младшим жрецам.

Но женщина вдруг упала. Ден наклонился к ней и увидел, что она мертва.

Он посмотрел на пришельца. Тот спокойно «ответил»:

— Ее убил я. Смерть в огне мучительна. Я не хочу этого.

В распоряжении Дена были секунды. Он знал, что фразу пришельца слышал не он один. Ее слышали все. Это было открытое выступление против законов страны, против воли жрецов. Он должен был тут же отправить к палачу того, кто сказал эти слова. Не сделать этого — значит лишиться сана верховного жреца.

Но Ден знал, что ни за что не скажет слов, которых от него ждали, не прикажет схватить пришельца. Послать на казнь это таинственное существо было слишком рискованно. Ден не был уверен в результате такого решительного опыта.

Он продолжал стоять, наклонившись над трупом женщины, напряженно ища выхода.

И выход нашелся. Ден выпрямился.

— Если бы ты действительно сделал это, — холодно сказал он, обращаясь к пришельцу, — то умер бы сам. Но ты ошибся. Она не умерла, а потеряла сознание. Тому виной — твоя попытка вылечить ее. Твои слова преступны, но ты чужеземец и не знаешь наших законов. Я прощаю тебя. Бросьте ее в огонь, — приказал он.

Труп женщины исчез в пылающей нише.

— Они догадливы, — сказал Ден, рассказывая вечером того же дня об этом случае. — Они не повторили своих слов. Они поняли. Но женщина действительно была мертва.

— Как же он убил ее? — спросил Геза.

— Не знаю. Они умеют убивать, не прикасаясь, без оружия.

— Но если они захотят, то смогут уничтожить всех.

— Они этого никогда не сделают, — уверенно ответил Ден.

Третий случай особенно запомнился Гезе.

Ужас перед непонятной силой пришельцев увеличивался с каждым днем.

Люди боялись даже близко приближаться к дому, где они жили. Не надо было и приказа Роза. Страх пересиливал любопытство. Когда пришельцы появлялись на улицах, прохожие прятались куда попало. Редко случалось пришельцам говорить с людьми, к чему они явно стремились. Все избегали их, кроме Дена и Гезы. А если кто-нибудь не успевал спрятаться и пришелец заговаривал с ним, человек стоял ни жив ни мертв и почти не мог отвечать.

Рабы в доме Дена испытывали еще больший ужас. Они вынуждены были находиться возле пришельцев и никуда не могли убежать от них. Они чаще всех сталкивались с таинственной силой, чаще всех видели проявления этой силы.

Если Ден, самый образованный человек своего времени, понимал, что все тайны пришельцев объясняются большим знанием, то рабы, сплошь неграмотные, не могли понять этого. Один Рени вступал в разговор с пришельцами, когда был уверен, что его не увидит Ден.

И вот один из рабов не выдержал. Его разум помутился от постоянного страха, в котором он жил. Раб бросился на пришельца и ударил его палицей.

Геза видел это с порога двери. Из рабов при этой сцене присутствовал один только Рени.

Удар, нанесенный с большой силой, обрушился на голову пришельца.

Геза невольно закрыл глаза, уверенный, что увидит труп с разmozженным черепом.

Но когда он осмелился посмотреть, то увидел совсем другое. Пришелец не только остался жив, но, казалось, и не получил никакого удара. Он стоял возле раба, ударившего его, и, судя по всему, что-то говорил ему. Палица валялась на земле.

Геза вышел в сад. Совершенно преступление, сделана попытка убить гостя. Только жесточайшее наказание могло, по понятиям Гезы, извинить хозяев дома.

Пришелец встретил его улыбкой.

— Как хорошо, что этот негодяй промахнулся, — сказал Геза. — Но он будет жестоко наказан.

— Он не промахнулся, — услышал Геза неожиданный ответ. — Он ударил меня, и с большой силой. Но я прошу тебя считать, что удара не было.

— Невозможно! — ответил Геза. — Если бы я исполнил твою просьбу, это имело бы плохие последствия. Такое не может остаться безнаказанным.

— Я понимаю тебя, — сказал пришелец. — Но этого никто не видел, кроме тебя и твоего названного брата, который будет молчать.

— Он знает. — Геза указал на раба, неподвижно стоявшего на том же месте. — Он расскажет другим.

— Он ничего не расскажет. И не расскажет потому, что не помнит.

— Он слышал наш разговор.

— Он его не слышал. А теперь перестанем говорить об этом. Теперь он будет слышать. Спроси его, что он тут делает.

— Что ты тут делаешь? — спросил Геза раба.

— Господин позвал меня, — ответил раб. — Я подошел выполнить его желание. Я жду, когда господин скажет.

Сомневаться было невозможно: раб ничего не помнил.

— Уходи! — приказал Геза. — Ты не нужен господину.

Раб удалился.

— Ты никому не скажешь? — спросил пришелец.

— Никому, — машинально ответил Геза. — Но как вы это делаете?

— Ты не поймешь меня.

— Неужели ты не почувствовал удара? Разве тебя нельзя убить?

— Я смертен, — ответил пришелец. — Но здесь я могу умереть только от естественных причин. От насильственной смерти мы хорошо защищены. Без этого нельзя пускаться в путь, по которому мы пошли.

Геза ничего не понял, но больше не спрашивал. Вечером, в присутствии Дена, он спросил пришельцев:

— У вас есть рабы?

— Нет, и не может быть, — последовал ответ. — Человек не может быть рабом. Это противоестественно.

- Я не знаю стран, где нет рабов.
- Такие страны есть, но не здесь.
- Что же вы делаете с пленниками: убиваете их?
- У нас не может быть пленников. Мы не ведем войн.
- Но ты произнес это слово, — сказал Ден, — значит,

ты его знаешь.

Лицо пришельца омрачилось.

- У нас были войны, — ответил он, — но очень давно.
- Если нет рабов, — сказал Геза, — то некому вести работы.

— Мы делаем все сами.

— Даже те, кто обладает властью?

— У нас нет власти в твоём понимании. Все люди равны.

— Такая страна не может существовать. — Геза недоуменно смотрел на Дена. Тот улыбнулся.

— Как можно не считать рабов людьми? — продолжал пришелец. — У них такое же тело, такой же мозг, как у вас. Они во всем такие же, как вы.

— Нет, — ответил Ден, — ты ошибаешься. У рабов неразвитый мозг. Они глупы, как животные.

— Развитие мозга зависит от учения. Вы их ничему не учите, и потому они кажутся вам глупее вас. Но вот ты, — обратился он к Гезе. — Ты тоже убежден, что рабы — низшие существа. Как же ты считаешь раба своим братом?

Ден насмешливо посмотрел на Гезу.

— Тебя выкормила мать Рени, и ты называешь его своим братом. Ты прав. Но почему же вы допускаете, чтобы ваших детей выкармливали рабыни? Ведь они, по-вашему, животные.

— Наших детей всегда выкармливают рабыни, — ответил Ден, сдерживая раздражение. — Мы пьем молоко четвероногих животных, почему же мы не можем пить молоко двуногих?

— Вы едите мясо четвероногих, — возразил пришелец. — Тогда я не вижу причин не есть и двуногих. Хорошо, прекратим этот разговор, который тебе неприятен. Прости меня.

— Я не сержусь. — Ден встал. — Ты чужеземец, и у тебя другие понятия. Не сердись и ты, если я скажу, что твои взгляды кажутся мне дикими.

Разговор на этом прекратился.

Удалившись к себе, Геза задумался над услышанным. Он чувствовал правду в словах пришельца. И вдруг он вспомнил о Рени.

Ден не знал, что Рени образован. Молочные братья тщателью скрывали от всех свою тайну. Открыть ее — значило поставить под угрозу самую жизнь Рени. Ведь даже пленников, если они оказывались грамотными, не обращали в рабство, а уничтожали.

Рени обладал теми же знаниями, что и сам Ден. Они были равны в этом отношении. Раньше Геза никогда не задумывался об этом. В детстве он учил Рени просто из озорства, а затем по просьбе самого Рени. Геза искренне любил товарища детских игр.

И вот слова пришельца поставили перед ним вопрос: глупее ли Рени, чем Ден или сам Геза? Если рабы подобны животным, никакое образование не сделает их умнее. И в таком случае Рени выучил все, чему учил его Геза, механически, не осмысливая. Если же нет...

Шаг за шагом, слово за словом вспоминал Геза поведение и поступки Рени, старался восстановить в памяти все их разговоры. И чем больше он вспоминал, тем яснее становилось ему, что Рени ни в чем не уступал Дену. Больше того, Рени высказывал мысли, которые теперь, после слов пришельца, казались Гезе более зрелыми, чем мысли Дена по тому же поводу.

Рени был рабом, сыном и внуком рабов. Его мозг — это мозг раба.

Что же, значит, пришелец прав?

Геза вскочил и зашагал по комнате из угла в угол. Его гордость, унаследованная от предков, внушенная ему с детских лет, возмутилась от такого вывода. Рени умнее Дена! Значит он умнее и его самого, потому что он, Геза, всегда признавал умственное превосходство старшего брата.

Что-то вроде сожаления, что он дал Рени знания, шевельнулось в душе Гезы.

«Но разве это что-нибудь меняет? — подумал он тут же. — Допустим, Рени так же неграмотен, как остальные рабы. Пришелец все равно прав. Нет, я поступил хорошо, хотя бы потому, что могу теперь с уверенностью сказать: правда не на нашей стороне. Но что же тогда надо делать? Учить всех рабов? А кто же будет работать? Страна, в которой все — господа, не может существовать. Получится хаос. Но и оставлять рабов в том же положении, выходит, несправедливо».

Геза чувствовал, что запутался и не может разобраться в своих мыслях. Он рассердился на пришельцев, возбудивших в нем эти мысли. К чему они? Все останется так, как было всегда. Пусть это несправедливо, но иначе нельзя. Так устроен мир.

«Я не сержусь на Рени, — подумал он, засыпая. — Он ни в чем не виноват, и я его люблю. А думать об этом больше не надо».

Но он продолжал думать и на другой день, и на третий, и весь год, прошедший с тех пор. Простая мысль повлекла за собой более сложные, и, не замечая этого, Геза стал смотреть на все иными глазами, чем раньше. Зерно, брошенное в его ум пришельцами, давало всходы.

РЕНИ

Шло время, и Ден с Гезой все больше и больше привыкали к постоянному пребыванию в их доме голубых гостей, которые уже не казались им ни странными, ни необычными. «Разговор» пришельцев сделался настолько привычным, что хозяева перестали замечать молчание своих собеседников и, незаметно для самих себя, все чаще задавали вопросы или отвечали не вслух, а мысленно. И не испытывали при этом никакого страха.

Человек ко многому привыкает.

Ден был доволен, что пришельцы не пытаются завязать сношения с другими людьми, а довольствуются обществом его и Гезы. Это отвечало его тайным намерениям использовать пребывание пришельцев для усиления жреческой касты вообще и власти верховного жреца в особенности.

И он был бы очень удивлен и разгневан, если бы узнал, что не только он и Геза говорят с гостями, что есть человек, который тоже ведет с пришельцами долгие и обстоятельные беседы, и что сами пришельцы разговаривают с этим человеком охотнее, чем с ним.

Этим человеком был Рени.

Бесправное и унижительное положение молодого раба вызывало у пришельцев глубокое сочувствие, тем более что они очень скоро поняли: из всех людей, которых они встретили, ошибочно «появившись» в этой ранней эпохе, именно Рени обладал наиболее развитым мозгом. Его ум дремал под спудом примитивных понятий и зачаточной культуры своего времени, бессознательно стремясь к пониманию сути окружающего мира, напоминая сухую губку, всегда готовую жадно впитывать в себя влагу знания.

И пришельцы с удовольствием отвечали на пытливые вопросы Рени, стремящегося только к пониманию, без всяких корыстных целей, как это было у Дена. Пришельцы легко разгадали намерения верховного жреца, которые не могли вызвать у них симпатии.

Наука и техника мира, откуда явились пришельцы, были столь высоки, что Рени не смог бы понять даже «азбуки», на которой они базировались. Понимая это, пришельцы старались ознакомить любознательного юношу с основой основ любой науки — с диалектикой природы, с начальной философией явлений, корни которой настолько естественны, что доступны каждому, чей ум не испорчен и не засорен ложными теориями.

Мозг Рени был подобен чистой странице, на которой можно написать все, что угодно.

Пришельцы хорошо понимали, что, обучая раба, они подвергают его смертельной опасности. И они были очень осторожны. До самого конца их пребывания на Земле никто даже не заподозрил о «крамольных» беседах. В этом оказал им большую помощь сам Рени, раньше своих господ понявший, что с пришельцами можно разговаривать, не разжимая губ.

Пришельцы пробыли на поверхности Земли три луны, иначе говоря, всего восемьдесят дней. За этот короткий отрезок времени Рени как бы переродился. Уходя, пришельцы оставили на Земле совершенно другого человека.

На изъявления благодарности молодого раба всегда следовал все тот же загадочный ответ: «Это в наших интересах».

Что означали эти слова, не мог понять и Рени.

Ден и Геза с неприятным удивлением встретили сообщение пришельцев, что им пришло время уйти.

— Куда вы уходите? — спросил Ден. — Разве вам плохо у нас?

— Мы навсегда сохраним о вас хорошую память, — ответил один из пришельцев, сообщивший им эту новость. — Но мы не можем навсегда остаться здесь. Мы должны выполнить порученное нам дело. И мы скучаем по родине, хотим на нее вернуться. А в этом нам могут помочь только другие люди Земли.

— Опять ты говоришь о других людях. Если мы не можем помочь вам, то не поможет никто.

— Мы надеемся, что это не так.

— На Земле нет страны, которая обладала бы большим могуществом, чем наша.

Пришелец пристально посмотрел на Дена и вздохнул.

— Мы хотим вернуться на родину, — сказал он,

— Вам нужен корабль?

— Нет, мы уйдем туда, откуда пришли.

— Под землю? Но ты сам сказал, что вы не можете вернуться без помощи людей Земли.

— Мы вернемся опять. Но к другим людям, людям будущего.

— Прости меня, но я ничего не понимаю. Твои слова лишены смысла.

— Они лишены смысла для тебя, но смысл в них есть. — Пришелец переменял тему. — Мы не решили, — сказал он, — что нам делать с шаром. Трое из нас считают, что его надо оставить вам. Они думают, что это принесет вам пользу, поможет будущим поколениям понять, что в мире есть много еще неизвестного. Я не согласен с ними. Но один не может идти против троих. Вероятно, шар останется у вас. Но я имею право дать совет: уничтожьте шар и стол, бросьте их в море. Сделав это, вы поступите хорошо.

И в тот же день пришельцы ушли. Ден и Геза проводили их и видели, как четверо скрылись в подземном тайнике. Яма, образовавшаяся когда-то на глазах у Гезы, была тут же засыпана. Об этом просили пришельцы. Только впоследствии у Дена явилась мысль прорыть подземный ход к двери.

Он не выполнил совет пришельца. Сначала Ден думал сделать это немного погодя: его очень интересовали картины, которые пришельцы научили его вызывать на поверхности стола, А потом он привык каждый день посещать семигранную комнату и уже не в силах был расстаться с чудесными аппаратами.

Картины никогда в точности не повторялись. Они всегда были разными, точно живые. А если появлялся город или какой-нибудь пейзаж, которые Ден уже видел, то все равно они были не совсем одинаковы.

Почему это так, Ден не мог понять. Он не верил словам пришельцев, что эти картины «рисуются» в столе не шаром, а приходят при помощи шара с родины пришельцев, передаются оттуда для того, чтобы их мог показать шар.

Это было выше его понимания.

Но больше картин Дена интересовали письма. Он часами всматривался в них, пытаясь разгадать смысл значков, которые считал буквами. Но и спустя двенадцать лун они остались такими же непонятными, как и в первый день.

Пришельцы ушли. Они похоронили себя в глубине земли, в круглом тайнике, и — это знал теперь Дан — там их уже не было. Куда же они исчезли? Они говорили, что выйдут опять, но к другим людям. Что могли означать эти слова?..

Ден не находил ответа.

Он изменялся на глазах. Геза со страхом и жалостью наблюдал за братом. Ден старел стремительно и непонятно. Прошло всего двенадцать лун, а узнать его стало уже невозможно. Он ничем не походил на прежнего Дена. Теперь это был дряхлый старик с молодыми глазами, раздражительный, злобный, хищный.

Жизнь рабов превратилась в ад. Словно мстя за свои неудачи, Ден с холодной жестокостью наказывал их за малейшую провинность, не щадя ни молодого, ни старого, ни даже ребенка. Его ненавидели и боялись, как злого духа.

Его власть в стране стала почти безгранична. Всеобщий страх был основой этой власти. Пришельцев постепенно забывали. Былой страх перед ними уступил страху перед Деном. В его доме вспыхивал таинственный свет, по-прежнему внушавший всем ужас. Все непонятное пугает, Дена перестали понимать. Он обладал неведомыми тайнами лечения, ему удалось вернуть к жизни людей, болезнь которых считалась неизлечимой. Он знал новые способы получения и обработки металлов. Испокон веков люди пользовались оловом для посуды и медью для оружия. Ден научил смешивать оба металла и получать новый, обладавший чудесной твердостью. Он научил иначе обрабатывать землю, и урожай повысился.

Но никто не испытывал к Дену благодарности. Его только боялись.

Роз и Бора ненавидели Дена, но из страха скрывали свои чувства. Он лишил их абсолютной власти. Никогда еще власть жрецов не была столь сильна. Роз и Бора с нетерпением ожидали смерти Дена, радовались, видя, как он стареет. Но и сама эта преждевременная старость пугала, Ден понимал, что после его смерти все станет по-прежнему. Призрачная власть верховного жреца рассеется, как дым. Значит, надо передать эту власть такому человеку, которого так же будут бояться. Таким человеком мог быть только Геза, и Ден сделал его первым жрецом храма Моора, хотя по возрасту Геза и не имел права на столь высокий сан.

За двенадцать лун братья стали почти чужими друг другу. Наделенный мягким и сравнительно добрым характером, Геза все меньше любил старшего брата, видя его утонченную жестокость. Он редко соглашался присутствовать при появлении картин, словно не интересуясь ими. А Дену необходимо было передать Гезе все, что он успел узнать от пришельцев и что следовало сохранить в тайне от всех. Как ни малы были полученные им знания, они намного превосходили науку его времени, и человек, обладающий этими знаниями, всегда будет властвовать. Для Дена интересы жреческой касты были дороже всего.

Поняв причины отчужденности Гезы, Ден решил сдерживаться. Он хорошо относился к Рени, любимцу брата, и даже обещал никогда не наказывать его. Нарушив это обещание, Ден тут же постарался исправить ошибку, и посвятил Гезу в свою тайну. Он рассчитывал, что теперь-то уж Геза должен заинтересоваться такими чудесами. А заинтересовавшись, увлечется, и цель будет достигнута.

Геза действительно был очень заинтересован. Он думал об услышанном всю ночь, а наутро, что уже никак не входило в планы Дена, позвал Рени и рассказал ему все.

К удивлению Гезы, Рени несколько не удивился:

— Я знаю об этом, — сказал он. — Я давно это заметил. Иногда Ден (наедине с Гезой Рени называл Дена по имени)

приказывал мне помочь ему надеть парадные одежды. Я обратил внимание, что мои пальцы проходят в его тело и Ден этого не замечает.

— И ты не испугался?

— Немного, — ответил Рени. — Но больше был заинтересован. Есть многое, чего мы не знаем. Пришельцы были людьми, и они понимали, как это происходит. И не боялись. Зачем же нам бояться?

— Почему ты думаешь, что они знали о таком явлении?

— Потому что они сами были такими.

— Они?

— Да. Ты помнишь, как Лези (это было имя раба, напавшего на пришельца) ударил одного из них? Я видел. Удар пришелся по голове, но палица прошла насквозь.

— Я закрыл глаза от ужаса и ничего не видел.

— Я видел хорошо.

— Почему же ты не рассказал мне?

— Я думал, что ты сам видел.

— А почему молчал о Дене?

— Я думал, ты сам знаешь. Ты молчал. Я считал, что тоже должен молчать. Обнаружить знание такой тайны опасно.

Эти слова напомнили Гезе о вчерашнем ударе плетью, который Ден нанес Рени. Но, посмотрев на плечо молочного брата, он не увидел сине-багровой полосы, которую хорошо помнил.

Рени перехватил его взгляд.

— Ден сильно ударил меня, — сказал он с мрачным выражением в красивых глазах. — Очень сильно. След должен был остаться надолго. Но я смазал плечо мазью, изготовлять которую меня научили пришельцы. И, как видишь, за одну ночь все прошло,

— Научили пришельцы?

— Что тебя удивляет?

— А что это за мазь? — спросил Геза вместо ответа.

— Я покажу ее тебе.

— И ты научил других?

— Нет, это опасно. Но я употреблял ее несколько раз, помогая другим, которых еще хуже избивали по приказу Дена. И всегда мазь помогала.

Геза улыбнулся:

— Рабы считают тебя волшебником, наверно? Они не боятся тебя?

— Нет. А если и боятся, то немного и совсем не так, как тебя и Дена. Меня они любят.

— Ты же знаешь, что я никогда не наказываю рабов так, как Ден.

— Ты господин, и тебя боятся, как господина. А я такой же раб, как и они.

— Если бы это зависело от меня, Рени, ты давно уже перестал бы быть рабом.

— Я знаю.

Геза с нежностью обнял Рени:

— И твое плечо совсем не болит?

— Как только я наложил мазь, боль прошла.

— Расскажи мне, когда и почему пришельцы научили тебя такому лечению.

— Когда, я не помню. Они сами предложили научить меня. Они относились к нам очень хорошо.

— По-моему, Ден не знает о такой мази.

— Ты прав. Пришелец сказал мне: «Если кто-нибудь узнает, у тебя отберут мазь и запретят изготавливать ее. Храни тайну и посвяти в нее только верного человека». Они считали нас, рабов, людьми, — с горечью добавил Рени.

Геза промолчал. Не раз приходила ему в голову мысль, что он оказал Рени плохую услугу, дав ему образование. Развитие умственных способностей только подчеркивало рабское положение. Но сделанного не воротишь!

— Ты мой брат, — сказал Геза, не зная, чем успокоить Рени, осознавшего вчера с новой силой, что он вещь, которую господин может сломать и выбросить в любую минуту.

— Только в твоих глазах, Геза, — ответил Рени. — Но это, — он дотронулся до обруча, пересекавшего его лоб, — не позволяет забыть.

— Снимай его, когда приходишь ко мне.

— А что это изменит? Горьки не внешние признаки рабства, а сознание его.

— Ты жалеешь, что я дал тебе знания?

— А ты думаешь, что другие рабы не чувствуют ничего? Они неграмотны и дики, но душа их болит так же, как моя. Ты хороший человек, Геза, ты лучше других, но ты многого не понимаешь.

— Чего я не понимаю?

— Того, что раб такой же человек, как ты.

Гезу поразило сходство этих слов с тем, что говорили пришельцы. Люди, стоявшие намного выше его и Дена, и рабы, стоявшие, по его убеждению, много ниже, мыслили одинаково.

— Ты ошибаешься, Рени, — сказал он. — Я давно это понял. Но ведь ничего нельзя изменить. Так устроен мир.

— Устройство мира зависит от людей. Изменить можно все. И когда-нибудь мир изменится. Жаль, что мы этого не увидим.

Геза вздохнул.

— Да, — сказал он, — мы с тобой этого не увидим. И это, конечно, жаль. Но я не представляю себе такого мира, где нет рабов. Не могу представить. Скажи мне, — переменил он тему, — ты веришь, что у Дена перевернулось все тело и сердце оказалось с правой стороны? Может ли это быть?

— Я думаю, что Ден сказал правду. Такого не выдумаешь.

— Но это же невозможно!

— Оказалось же возможным, что палица прошла сквозь голову пришельца, как сквозь воздух. Оказалось же возможным, что мои пальцы проникали в тело Дена, не встречая сопротивления. Расскажи об этом — никто не поверит. Все скажут, что это невозможно.

— Тонкой иглой можно проткнуть щеку, — сказал Геза, — и щека пропускает иглу. Но то, что находится с левой стороны, не может оказаться на правой.

— Никогда?

— Никогда!

— Тогда смотри! — Рени подошел к стене и снял с нее боевую перчатку, которую вместе с остальными доспехами Геза хранил в своей комнате. — Видишь, большой палец находится слева. — Рени вывернул перчатку. — А теперь он справа.

Геза рассмеялся.

— Человека нельзя вывернуть, как перчатку, — сказал он.

— Видимо, тут и кроется ошибка, — возразил Рени. — Мы знаем три направления — длину, ширину и высоту. Если бы мы знали два, то не могли бы себе даже представить, что и перчатку можно вывернуть.

Геза в полном изумлении смотрел на Рени. Такой странной мысли еще никто и никогда не высказывал. Но он сумел понять смысл услышанного.

— Четвертого направления не существует, — сказал он.

— Как знать. Может быть, оно существует, но мы еще не знаем.

— Жаль, что мы не догадались спросить у пришельцев, где находится их сердце — справа или слева.

— Это ничего бы не дало. Они не земные люди. На их родине все другое.

— Ден думает, что их родина под землей.

— Мне кажется, что это не так. Их слова надо понимать иначе.

— Но если не на земле и не под землей, то где же?

— Может быть, над землей.

— Почему же мы ее не видим?

— Она очень далеко.

Геза задумался. То, что говорил Рени, было ново. Откуда у него такие необычайные мысли?

— Хорошо, допустим. Их родина велика, на ней есть города. Почему же она не падает на Землю?

— А почему не падает Луна?

— Ты бы еще спросил, почему не падает Солнце. — Геза улыбнулся.

— Я часто думаю об этом, — сказал Рени.

— И думать нечего. Солнце и Луна прикреплены к небесному своду.

— Значит, и родина пришельцев может быть прикреплена точно так же. Но я как-то спросил пришельца, высоко ли небесный свод, и он ответил, что никакого свода нет.

— Ты его не так понял. Все предметы падают на землю. Упала бы и Луна, если бы не была прикреплена.

— Шар же не падает. А он ни к чему не прикреплен.

Геза не нашелся, что ответить на такой довод. Шар действительно не падал, вопреки всем законам.

— А что ты сам об этом думаешь? — спросил он.

— Я думаю, что не все законы нам известны, — ответил Рени.

КУДА УШЛИ ПРИШЕЛЬЦЫ

Каждый человек связан со своей родной эпохой, в которой он родился и вырос, бесчисленными, хотя и неосознаваемыми нитями, которых он в обычной, повседневной жизни никогда не замечает.

Оборвать эти нити нелегко. Путешествие в отдаленное будущее, кажущееся таким заманчивым и привлекательным в мечтах, тяжело и мучительно в действительности.

Об этом часто забывают те, кто стремится увидеть будущее. Каждое поколение человеческого общества чем-то отличается от предшествующего поколения. Человечество в целом непрерывно и неуклонно идет вперед и вверх по пути эволюции, по пути развития и усовершенствования разума. Если между поколениями образовался бы слишком большой разрыв во времени, чего обычно никогда не случается, то разница в развитии могла бы оказаться чрезмерно значительной. Так неизбежно случится с человеком, пришедшим из прошлого. И чем больше будет разрыв, тем тяжелее отразится эта разница на психике человека-релятивиста.

В начале общечеловеческого пути, в начале истории развития разума подъем идет медленно. Заметная разница между поколениями сперва возникает через промежутки, измеряемые тысячами лет. Но чем дальше, тем короче становятся эти промежутки, Тысячи лет сменяются сотнями, а затем и десятками. А когда человечество достигает высоких ступеней, ощутимой становится разница в развитии между дедами и внуками. И чем дальше от начала пути, тем быстрее и круче идет линия подъема к вершинам безграничного знания, никогда не достижимым.

Четверо молодых ученых, взявших на себя задачу выполнить план своих предков, хорошо знали этот неумолимый эволюционный закон. Их родина достигла очень высокой ступени развития. Вернувшись на родную планету через несколько поколений, они неизбежно попали бы в совершенно другой, незнакомый, непонятный и чуждый им мир.

Из крупнейших ученых, какими они были, отправляясь на Землю, они превратились бы в самых отсталых, самых неразвитых членов общества.

Такая перспектива им совсем не улыбалась.

И можно сказать вполне уверенно, что, если бы они знали заранее, что случится с ними на Земле, ни один из четырех не согласился бы отправиться в путь.

Их послали для установления контакта двух планет. Планет, во всем подобных друг другу, отличавшихся, по масштабам вселенной, совсем незначительно, только временем, когда появились на них разумные существа. Наука их родины знала, что такие планеты-близнецы встречаются очень редко.

Человечества-братья должны были найти друг друга, протянуть друг другу через мертвые просторы космоса руку дружбы и взаимной помощи.

Разумная жизнь на двух планетах, принадлежащих к системам разных солнц, никак не могла развиваться одновременно и строго параллельно. Одна из них неизбежно должна была идти впереди другой. Но ученые на родине пришельцев знали, что на высших ступенях эволюции, при высоком развитии науки и техники отставшая цивилизация все ближе и ближе подходит к идущей впереди, догоняет ее. И разница между ними, даже очень большая в начале пути, должна все более заметно уменьшаться.

Четверо ученых отправились в путь в полной уверенности, что человечество Земли достигло уже если и не такой высокой ступени, как их родина, то, во всяком случае, очень близкой.

Почему же они ошиблись?

За время пребывания в стране Моора молодые ученые часто обсуждали этот вопрос. Почему ошиблась их наука? Причин могло быть несколько. Наиболее вероятной казалась им гипотеза о влиянии на развитие разума природных условий.

Объяснение, которое они нашли, и которое казалось им несомненным, сводилось к следующему.

Благоприятность или неблагоприятность природных условий, существующих на данной планете, оказывает на развитие мозга разумных существ огромное и решающее значение. Чем суровее окружающая природа, чем труднее борьба за существование, тем быстрее развивается разум — самое мощное оружие в этой борьбе. Конечно, только на первых ступенях эволюции, на самых низших. Впоследствии наука и техника постепенно освобождают человека от власти природы. А пока наука еще не родилась, пока техника отсутствует или находится в зачаточном состоянии, природа сурова и безжалостна к человеку. Она может ускорить его развитие, но может и внезапно замедлить его. Предвидеть эти «капризы», заранее рассчитать их совершенно невозможно. На родине пришельцев ученые исходили из опыта истории развития человечества своей планеты. Они, конечно, понимали, что на двух разных планетах не может быть совершенно одинакового развития истории. Но они внесли в свои расчеты поправки на благоприятные природные условия, «прибавили» человечеству Земли лишнее время, чтобы, как они думали, гарантировать себя от большой ошибки.

И все же ошиблись. И очень значительно.

Природа Земли оказалась гораздо менее сурова к слабым и беззащитным существам, какими в начале эволюционного пути являются разумные обитатели любой планеты.

Таково было найденное четырьмя пришельцами объяснение. Но от сознания, что загадка разрешена, им было, конечно, не легче.

Между их родиной и Землей лежало исполинское расстояние. Космический корабль, даже летящий со скоростью света, затратил бы на перелет много лет. Четверо посланцев иного мира практически оказались на Земле мгновенно, воспользовавшись пространством нулевого измерения, где не существует расстояний.

Очнувшись от короткого беспмятства и по неподвижности стенок камеры поняв, что путешествие окончено, они сразу повернулись к приборам, которые должны были отве-

тить им на ряд важнейших вопросов. Многое могло случиться за долгие века, протекавшие с того времени, когда их предки установили эту камеру на Земле. Она могла глубоко погрузиться в почву, могла оказаться на дне океана, могла быть поднята на вершину горы. Надо было знать, что ожидает их за ее стенками, можно ли вообще открывать дверь.

Четверо посмотрели на приборы одновременно.

И одновременно увидели то, что показалось им кошмарным сном.

Но одинаковые сны не могут сниться четырем людям.

Бесстрастные приборы сообщали, что канал нуль-пространства закрылся за ними, что пути назад у них нет!

Понадобилось время, чтобы до конца осознать катастрофу.

Что произошло? Что встало на их дороге? С каким законом нулевого пространства довелось им первыми встретиться?

Эти вопросы оставались без ответа.

Но, может быть, произошла только авария? Это было надеждой. Они ухватились за эту мысль.

Остальные приборы дали утешительные ответы. Камера находилась в земле, неглубоко. В их распоряжении были аппараты, с помощью которых они легко выйдут на поверхность. Атмосфера Земли не изменилась, а микробов и бактерий они не боялись. Время, когда человек мог пострадать от такой причины, давно миновало на их планете. Количество кислорода было такое же, как в их родной атмосфере. С этой стороны все было в порядке. Можно спокойно открыть дверь и выйти из камеры.

Но прошло довольно много времени, пока они наконец настолько успокоились, что решились выйти. От того, что ожидало наверху, зависела теперь их дальнейшая судьба. Авария могла произойти в двух местах: здесь и на родине. Канал нулевого пространства мог закрыться на родине. Тогда все будет совсем не страшно. Точные и бдительные «наблюдатели» немедленно доложат о случившемся, авария будет быстро устранена. Если же это случилось

здесь, тогда все зависело от того, кого они встретят на поверхности Земли.

Четверо вышли.

Человек всегда хочет верить в желаемое. Поэтому первое впечатление было у четверых ученых благоприятным. Им показалось, что их надежды сбываются. Они увидели, что находятся на холме, у подножия которого раскинулся большой город. Вдали блеснула беспредельная даль океана. Совсем рядом возвышался величественный храм. Они не знали, каково назначение этого здания, и приняли его за простой дом. Незнакомая архитектура показалась им красивой. Кругом был обширный сад с неизвестными им растениями, с хорошо расчищенными дорожками и грядами цветов. Невдалеке возвышалась беседка. Все, казалось, указывало на высокую культуру.

Прямо перед ними стоял человек Земли. Они не ожидали увидеть человека, в точности похожего на них самих, и потому не удивились одежде и бронзово-красной коже этого обитателя чужой планеты. Но то, что сделал этот человек, поразило и смутило их. Житель Земли испугался и убежал! Они слышали, что он принял их за «духов зла»!

Духи зла! Это указывало на примитивное мышление и низкий уровень развития науки. Но, может быть, этот человек принадлежит к самым отсталым? Может быть, они встретились с проявлением атавизма, всегда возможного в отдельных людях?

Они все еще хотели верить.

Оставшись одни, они огляделись более внимательно.

Дома города были грубо и примитивно построены, «величественный» храм был велик, но в его отделке не чувствовалось участия машин. Они видели в городе кривые улицы, много людей, но ни одной машины, ни одного двигателя.

Все было предельно ясно!

Земля не только не достигла уровня развития их родины, но делала лишь первые шаги на пути прогресса. Они попали в мир физического труда, в преддверие эпохи механизмов, а

следовательно, и науки. Обитатели Земли, не знающие техники, ничем не могли помочь им.

В этот момент они ясно ощутили: между ними и родной планетой легла бездна времени!

Первым их желанием было бежать обратно в камеру, перенестись в другую, более близкую им эпоху.

Но они знали, что сейчас это невозможно. Пребывание в нулевом пространстве не проходит бесследно для организма, требуется более или менее длительный отдых.

Они вынуждены были остаться...

Черный шар невозмутимо показывал далекую родину. Предполагалось, что эти картины должны иллюстрировать их рассказ людям Земли. Кому могли они рассказать? Никто не понял бы ничего в их рассказе.

Они были в гостях у наиболее развитых людей этой страны. В этом отношении им повезло. Но как низок был уровень этих людей, как безмерно далеки были они от тех, кого четверо надеялись встретить!

Как только был сделан стол, как только шар привел его неровную и грубую поверхность в надлежащий вид, как только появились первые картины, четверо поняли самое главное — повреждение камеры, если оно действительно было, произошло здесь, а не на их родине. Об этом с очевидностью говорило письмо, переданное им, в котором заключалось пожелание успеха, скорого возвращения и... передавался привет ученым Земли!

Там, на родине, ни о чем не подозревали.

Значит, рассчитывать приходилось только на самих себя!

Восемьдесят суток, необходимые для восстановления сил организма, показались им очень долгими. Внимательно наблюдая за жизнью окружающих их людей, пришельцы старались хотя бы приблизительно определить, какими темпами пойдет развитие научной и технической мысли, через сколько времени люди Земли достигнут нужной им ступени. Беспощадная действительность говорила, что долгие века отделяют эту эпоху от того времени, когда наука дойдет до овладения законами, которые лежали в основе маши-

ны пространства и времени — цилиндрической камеры, перенесшей их на Землю, но бессильной сейчас вернуть обратно.

И они пришли к выводу, что им нужно «перебросить» себя через много тысяч оборотов Земли вокруг Солнца.

Их предки, думавшие и начавшие дело контакта, установили на Земле две камеры, этого требовала элементарная осторожность. Обе находились в исправности. Отказала та часть установки, которая ведала преодолением пространства. Машина времени была в исправности. Это открывало путь к спасению, путь к возвращению на родную планету: пусть не в привычный мир, но все же на родину. Этого было вполне достаточно, чтобы пришельцы решились без колебаний.

Тысячелетия! Этот срок для человечества их планеты был чудовищно огромен. Но выбора не было. Или вернуться через тысячелетия, или... не вернуться совсем.

И когда прошло назначенное ими время и можно было без вреда для здоровья вернуться в камеру, они сделали это с радостью.

Всеми помыслами они стремились теперь в будущее Земли, неожиданно ставшее их собственным будущим, хотели оказаться там как можно скорее. Об опасности они не думали, не хотели думать. А грозная опасность существовала.

Машина времени — это не то, что машина пространства. Для их сознания путь от родины до Земли был мгновенным и действительно был мгновенным. Теперь путь во времени будет кратким только для сознания, но не в действительности.

Цилиндрическая камера находилась на Земле и будет на ней находиться все это время. Бесчисленное количество случайностей могло повредить ее, даже уничтожить совсем. Людям, находившимся в этой камере, грозила гибель, «пробуждение» было далеко не гарантировано.

Пришельцы надеялись на чувствительные и умные приборы и механизмы, которые должны были прекратить путь и «разбудить» их в случае явной опасности. Но произойдет

ли это своевременно, успеют ли они принять меры к спасению, никто не мог знать.

Машины времени существовали на их родине давно, но никто не пользовался ими в столь грандиозных масштабах. Камера была оборудована установкой времени на всякий случай, чтобы можно было «перескочить» небольшой отрезок, если пребывание на Земле станет чем-нибудь угрожать жизни.

Того, что случилось, никто не мог предвидеть.

Готовясь к своей экскурсии, четверо ученых несколько раз совершали небольшие «скачки», на месяц, на два вперед, чтобы освоиться с машиной, научиться управлять ею. Теперь им предстоял гигантский скачок, но они были уверены, что все произойдет так, как происходило на коротких отрезках времени.

И они твердо надеялись, что, появившись на поверхности Земли второй раз, встретят на ней нужное им развитие науки, что получат от людей Земли помощь, в которой нуждались.

Но судьба готовила им новую неожиданность...

ДВА РАЗГОВОРА

Геза легко нашел тайный люк, о котором говорил ему Ден.

Люк был хорошо замаскирован, и, не зная о нем, не только нельзя было найти его, но даже заподозрить, что он существует.

Геза спустился в подземный ход и увидел загадочную дверь. Она нисколько не изменилась с тех пор, как он был здесь вместе с Деном, провожая пришельцев. Тогда они подошли с другой стороны, по ходу, появившемуся когда-то на глазах Гезы. Теперь этот ход был засыпан, и от него не осталось никакого следа.

Ден подробно объяснял, как надо нажимать на выступ сбоку от двери, но Геза так и не решился сделать это. Он видел полусгнивший факел, брошенный Деном, видел и корякую ветку, которой Ден нажимал на выступ.

Все соответствовало рассказу.

Геза вернулся в беседку.

Желание окончательно убедиться, войти в тайник, самому испытать все, что испытал Ден, преследовало Гезу. Он с трудом сдерживался, не из страха, а только потому, что Рени убеждал его не делать этого.

Памятный разговор с молочным братом повторялся много раз, и Геза вынужден был признаться самому себе, что мысли Рени ошеломляют его, что Рени лучше понимает тайны пришельцев.

О них Геза говорил и с Деном, но вскоре убедился, что старший брат мыслит одинаково с ним самим. А в словах Рени было много нового и не всегда понятного. Это вызвало невольное уважение.

«А что, если пустить Рени к столу пришельцев? — часто думал Геза. — Может быть, он поймет то, что тщетно стараются понять Ден?»

Но об этом нельзя было и мечтать. Даже уборку семигранной комнаты Ден поручил Рени только потому, что кто-то должен был заниматься этим.

А может быть, Ден выбрал Рени, желая таким знаком доверия сделать приятное Гезе.

Нет, к столу Ден никого не допустит!

«Ден так быстро стареет, что вероятно скоро умрет, — решил Геза. — А став верховным жрецом, я поручу стол Рени. Но это значит, — тотчас же подумал он, — сделать Рени таким же стариком, как Ден».

— Я бы на это согласился, — сказал сам Рени, когда Геза поделился с ним своими мыслями. — Ден ничего не откроет.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он ничего не добился до сих пор.

— А ты уверен, что добьешься?

— Нет, не уверен, — рассмеялся Рени.

Беседка стала любимым местом отдыха Гезы. Его непреодолимо тянуло к подземному ходу. Он знал, что рано или поздно не выдержит и откроет таинственную дверь, что бы ни говорил ему Рени...

Однажды, сидя в беседке, Геза увидел, что к воротам ограды приблизились носилки, и сразу узнал их.

Носильщиками всегда были самые рослые из рабов. Только один человек во всей стране пользовался для этого малорослыми пленниками недавней войны. Этим человеком была дочь Бора — красавица Лана. Только у нее носилки были отделаны серебром — металлом, ценившимся гораздо дороже золота. Даже сам Бора не позволял себе подобной роскоши.

Геза видел, как опустились носилки, как один из рабов лег на землю, заменяя собой ступеньку, видел выходящую из носилок Лану и все еще не мог поверить, что это она, что именно сюда, в их дом, прибыла Лана. Но она вошла в сад и направилась в его сторону.

Закон не позволял первому жрецу идти навстречу кому бы то ни было, кроме властителей страны. Геза встал и слегка наклонил голову в знак приветствия.

На молодой девушке было длинное платье из блестящей материи, изготавливаемой в далекой стране, где жили желтые

люди с косыми глазами. Светло-каштановые волосы, что являлось большой редкостью, были уложены в высокую прическу, перевитую серебряными нитями.

Он молча ждал неожиданную гостью, не трогаясь с места. Когда она вошла в беседку, он предложил ей сесть. Спрашивать о цели прихода жрецу не полагалось.

— Здравствуй, Геза! — сказала Лана.

— Здравствуй! — ответил он.

— Я пришла к тебе, а не к Дену. Я рада, что застала тебя одного.

— Мы с Деном редко бываем вместе.

— Ты рад меня видеть?

— Я не ожидал твоего прихода.

— А почему ты сам не приходишь ко мне?

— Потому что мой приход не может тебя обрадовать.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверен.

Он сгорал от желания узнать цель ее прихода. Но если бы Лана вдруг встала и ушла, он все равно ничего не спросил бы. Жрецу нельзя выказывать любопытство.

Лана хорошо знала, что он ни о чем не спросит ее, что она должна говорить сама.

— Я хочу побеседовать с тобой, — сказала она. — Мне скучно без тебя. С тех пор, как ты хотел взять меня в жены, я все время думаю о тебе и...

Он чуть было не нарушил закона, но сумел взять себя в руки.

— И жалею о своем отказе, — закончила Лана.

— Я могу повторить свою просьбу, — хрипло сказал Геза. Он с трудом верил, что она действительно сказала такую фразу. Волнение захлестнуло его.

— Ты меня еще любишь, Геза? — спросила Лана.

Самолюбие подсказывало ответить отрицательно, но он только что сказал, что готов повторить просьбу, и он знал, что ни за что не откажется от нее по своей воле.

— Да, люблю, и всегда буду любить, — ответил Геза, бледнея от унижения, которому она его подвергала.

Лана встала:

— Тогда ступай к моему отцу.

Лицо ее пылало. Только влюбленный юноша мог не заметить выражения уязвленной гордости и гнева в ее продолговатых глазах.

— Бора отказал мне один раз, — сказал он.

Лана справилась со своим волнением и снова села.

— Ты, наверное, очень удивлен моими словами? — спросила она.

— Да, Лана, очень.

— Я не сумела справиться со своими чувствами. С вами, жрецами, приходится говорить первой. Или проститься с мечтами.

— Я понимаю, — сказал Геза, — и благодарен тебе. Но почему ты думаешь, что теперь...

— Потому, — перебила Лана, — что я слышала, как мой отец сказал своему брату Розу, что если бы Ден не был так стар, то мог бы взять меня в жены.

— Ден одно, я другое.

— Отец хочет видеть меня женой верховного жреца.

Трудно было в таком разговоре соблюдать требования закона. Геза, по всей вероятности, нарушил бы этот закон, если бы в нем вдруг не шевельнулось подозрение. Странно все-таки! Роз и Бора ненавидят Дена, мечтают о его смерти. Они должны точно так же ненавидеть и его, Гезу. Уж не задумали ли они примириться с будущим верховным жрецом, перетянуть его на свою сторону, сделать Гезу врагом своего брата? Геза никогда не сочувствовал захвату власти жрецами, но ведь Роз и Бора этого не знают. Но если так, то приход Ланы и ее неожиданные слова — инициатива не ее, а самого Бору.

Его оскорбила мысль, что Лану могли специально подослать к нему и что ее личные чувства, возможно, не играют тут никакой роли.

— Ты не сама пришла ко мне, — сказал он. — Тебя прислал твой отец.

Лана посмотрела на него с удивлением:

— Почему ты так решил, Геза? Отец не знает. Он никогда не позволил бы мне.

На ее глазах показались слезы. Геза смутился. Он ласково взял ее руку, но Лана резко отняла ее.

— Не сердись, — сказал он. — Ты должна понять, чем вызваны мои слова. Если я ошибаюсь, и ты любишь меня...

— Разве ты можешь сомневаться, видя меня здесь?

Ее не удивляла его внешняя холодность. Она знала, что это обязательно для жреца любого ранга.

— Тогда, — сказал Геза, — я сделаю вторую попытку.

Лана поднялась:

— Я буду ждать. Прощай!

— Прощай, Лана.

Он не обнял ее на прощание, хотя по обычаю должен был сделать это. Он видел, что молодая девушка оскорблена его недавними словами. И уже жалел о том, что сказал их.

Лана ушла, не оборачиваясь. Он провожал глазами ее носилки, пока они не скрылись за поворотом.

Что-то в этом разговоре оставило неприятный осадок. Но Геза был слишком сильно влюблен, чтобы анализировать. Он решил, что фальшивые ноты в словах Ланы ему почудились.

Ден несколько раз предлагал Гезе, что поговорит с Борой, но Геза всегда отказывался. Он не хотел, чтобы любимая женщина пришла к нему по принуждению. Теперь Лана сама сказала, что хочет этого.

И, несмотря на сомнения, Геза был счастлив.

А Лана торопилась домой. Носильщики почти бежали. Они научились понимать настроения своей госпожи и знали, что промедление будет им дорого стоить.

Прибыв во дворец, Лана тотчас же прошла к отцу.

Бора ждал ее. Это был грузный мужчина огромного роста. Когда он шел, казалось, что сама земля стонет от непосильной тяжести. Рабы изготавливали для него особо прочную мебель.

Мясистое, с крохотными глазками лицо Боры повернулось к вошедшей дочери.

— Все сделано, отец, — сказала Лана. — Геза любит меня по-прежнему.

И неожиданно упала в кресло и заплакала.

Бора не обратил на это никакого внимания — он не придавал значения женским слезам.

— Пойду, обрадую Роза, — сказал он и вышел.

Роз тоже ждал. Результат поездки, предпринятой Ланой по его совету, беспокоил его. Многое зависело от того, как относится Геза к его племяннице. Любит ли он ее по-прежнему или, оскорбленный отказом, перестал думать о ней? Если не любит, план, задуманный Розом, мог ни к чему не привести.

Роз был уверен, что стремление к власти свойственно Гезе не меньше, чем самому Дену. Если это было не так, то Ден не назначил бы Гезу первым жрецом храма Моора, то есть своим преемником. Роз отлично знал жреческую касту и понимал, что жрецы сделают все, чтобы не выпустить из своих рук то, что в них попало.

Заслышав шаги Бору, Роз присел к столу и притворился погруженным в чтение. Пусть Бора видит, что он всегда работает за них двоих. Ведь сам Бора с трудом одолел начальную грамоту. Все управление страной лежит на Розе. Пусть брат лишний раз убедится, что не может обойтись без Роза. А то, чего доброго, ему может прийти в голову мысль властвовать одному. Бору любят солдаты, он хорошо дрался вместе с ними, ему обеспечена их поддержка. А значит, он сильнее Роза. Особенно теперь, когда Ден правит страной наравне с ними.

Жалобный скрип половиц приближался. Роз продолжал читать. Он даже не поднял головы при входе брата.

— Лана вернулась, — сказал Бора.

— Погоди! — ответил Роз. — Я дочитаю важное донесение.

— О чем оно?

— Не все ли равно, раз ты его не поймешь.

Гигант нисколько не обиделся на такой ответ. Он давно уже привык к характеру брата и всецело полагался на него,

добродушно признавая умственное превосходство Роза. Он, Бора, не политик, а воин. Оглянувшись, он сел на скамью, специально для него поставленную здесь,

— Ну, так что же узнала Лана? — спросил наконец Роз.

— Геза любит ее.

— А она не ошиблась?

— Моя Лана — умная девушка.

— Значит, самое время привести в исполнение наш план.

— Твой план, ты хочешь сказать.

— Да уж, конечно, не твой. Но ты со мной согласился,

— Я всегда с тобой соглашаюсь.

По губам Роза скользнула усмешка. Братья походили друг на друга только ростом. У Роза было более хрупкое сложение и худощавое лицо с большими глазами. Его руки были тонки и изящны, ничем не напоминая два «молота» Боры.

— По твоему приказу, — сказал Роз, — Лана отказала Гезе. Неужели он все-таки ее любит?

— Она сказала ему, что сама его любит, как ты ей советовал. Он поверил. Все сделано по твоему плану. Но Лана плачет. По-моему, покончить с Деном можно и не отдавая ее в жены Гезе.

— Нет, без этого нельзя обойтись. Тогда смерть Дена окажется для нас бесполезной.

— Будь добр, объясни, почему.

— Охотно.

Роз встал и заходил по комнате. Ему было легче высказывать свои мысли, не видя перед собой бессмысленно-сосредоточенного лица брата, которое его всегда раздражало.

— Смерть Дена нам необходима, — начал он, — и притом, как можно скорее, пока нынешнее положение не стало привычным для народа. Ден пользуется исключительным положением, в которое его поставило пребывание в его доме этих проклятых пришельцев со всеми их тайнами. Пока он жив, власть жрецов будет усиливаться с каждым днем. Кончится это тем, что наш род будет только формально

управлять страной. Но что произойдет после смерти Дена? Верховным жрецом станет его брат, Геза. Что изменится? Ничего. Только вместо старика во главе жреческой касты окажется молодой и полный сил. Значит нужно, чтобы Геза стал членом нашей семьи. Тогда он будет не опасен. Оскорбленный отказом верховный жрец — непримиримый враг. Тебе это понятно?

— Да, понимаю. Но ведь и Геза может умереть.

— Это труднее во много раз. Ден так состарился, что его смерть никого не удивит. Геза молод. Жрецы на стороне Дена и Гезы. Они знают, кому обязаны своей неслыханной властью в стране. Их много. Они знают, что мы, то есть ты и я, ненавидим и боимся Дена и Гезы. Неужели ты можешь думать, что они ничего не заподозрят, если умрут и Ден, и Геза? Нет, они сразу все поймут. А тогда может произойти непредвиденное, вплоть до смены династии.

— У меня есть солдаты.

— При жизни нашего деда — Дора — было столкновение солдат с жрецами. Ты знаешь, чем оно закончилось. Народ слушается жрецов.

— А как ты думаешь убить Дена?

Роз поморщился от такой прямолинейности. Он не любил называть вещи своими именами.

— Он должен умереть от «старости», в своей постели.

— А кто отравит его? Не ты же сам.

«Хоть это сообразил!» — подумал Роз.

— Предоставь действовать мне, — сказал он громко. — Геза явится к тебе завтра или, в крайнем случае, послезавтра. Прими его ласково и согласишься отдать ему Лану. Хорошо бы сделать так, чтобы при этом присутствовало несколько человек. Тогда Геза не сможет отказаться от своих слов. Смерть Дена — рискованное дело!

— Все будет, как ты хочешь, — ответил Бора. — Я знаю, что ты сумеешь сделать все, как надо.

И братья расстались, довольные друг другом.

ПЛАН ДОБА

После разговора с Ланой, такого неожиданного, что Геза едва мог верить, что этот разговор ему не приснился, он на другой же день отправился к Боре. Геза не хотел откладывать свое счастье ни на один час.

Бора встретил его приветливо. Кроме него, в комнате оказалось еще трое людей, принадлежащих к высшей знати, — два правителя областей и один военачальник. Они встали при входе первого жреца храма Моора и почтительно приветствовали его. Геза ожидал, что они уйдут, но, видимо из уважения, все трое остались.

Со свойственной ему бесцеремонностью, которую Геза хорошо знал, Бора сразу же спросил, чем он обязан появлению столь высокого гостя.

Пришлось говорить при посторонних.

Выслушав просьбу Гезы, Бора сделал вид, что задумался.

— Ты оказываешь мне большую честь, — сказал он. — Я не ожидал этого. Значит, ты хочешь взять в жены Лану?

— Об этом я и прошу тебя, — ответил Геза, удивленный таким нелепым вопросом.

— Большая честь, — повторил Бора. — Правда, я хотел видеть Лану женой верховного жреца, но ты почти верховный жрец. Ты станешь им после Дена.

— Это может случиться не скоро.

— Ден стар, очень стар. — Бора явно не знал, что ему говорить дальше, и сердце Гезы замерло от страха. Неужели он получит второй отказ, да еще при свидетелях? Тогда Лана будет навеки потеряна для него. — Но ты прав, Ден может прожить еще долго.

«Я сделал глупость, — подумал Геза. — Надо было действовать по совету Дена».

— Но я согласен, — неожиданно сказал Бора. Выполнять и дальше совет Роза — затянуть разговор и не соглашаться сразу — было ему не по силам. — Бери Лану и будь с ней счастлив.

Он грузно встал и сделал шаг к Гезе.

Не будь тут посторонних людей, Геза, возможно, сумел бы найти предлог уклониться от выполнения опасного обычая, но в их присутствии это было бы оскорблением для Бору. Он напряг мускулы и покорно дал обнять себя будущему родственнику. Его кости буквально затрещали, но Геза нашел в себе силы не показать боли и даже улыбнулся.

— Благодарю тебя, — сказал он, с трудом переводя дух.

О согласии самой Ланы никто не обмолвился ни словом. Спрашивать дочерей не полагалось, но высокое положение давало Лане право выбора мужа. Бора должен был упомянуть о согласии Ланы, если он ничего не знал о ее разговоре с Гезой в беседке. Но осуществление мечты так опьянило Гезу, что он не заметил этой странности.

Присутствующие поздравили жениха. Потом его отвели к Розу, дяде невесты, и Гезе пришлось выдержать еще одно родственное объятие,

Геза вернулся домой чуть не помешанным от счастья.

Он тотчас же приказал разыскать Рени и, когда тот явился, рассказал ему о своем успехе.

Рени нахмурился.

— Мне это не нравится, — сказал он, — Такой поворот должен иметь причину.

Геза смотрел на него, не понимая.

— Мы поговорим завтра, — сказал Рени.

— О чем?

— Так, о некоторых моих мыслях.

— Ничего не понимаю.

— Ты поймешь завтра.

Но и на следующий день Геза не понял, вернее не захотел понять того, что говорил ему Рени.

— Дело совсем просто, — возражал он. — Гораздо проще, чем ты думаешь, Рени. Лана меня любит, и она убедила отца, что незачем отдавать ее Дену, который скоро умрет. Бора хочет, чтобы она стала женой верховного жреца. Она ею и будет. Вот и все.

— Расскажи мне еще раз, — попросил Рени, — как можно подробнее, не пропуская ни одного слова, ни одной

самой мелкой подробности. Что говорила тебе Лана? Что говорил Бора, и каким тоном? Что сказал Роз?

— Ты какой-то странный сегодня, Рени. Зачем тебе это? Ты подозреваешь заговор? Против кого? Против меня? Это нелепо, раз мне отдают Лану. Против Дена? Им незачем составлять заговоры, они уверены, что Ден и так скоро умрет. Согласие Боры вызвано желанием иметь будущего верховного жреца своим родственником. В этом есть смысл. Да и какое мне дело! Я люблю Лану, и она будет моей. Больше мне ничего не надо. А вернуть Розу и Боре всю полноту власти я решил давно, и сделаю это, как только стану верховным жрецом. Мне не нравится то неестественное положение, которое создал Ден. Ты это знаешь.

— Да, но Роз и Бора этого не знают. Ден молод, он только выглядит стариком. Но если он мог постареть всего за двенадцать лун, то может и снова помолодеть за такое же время. Мы не знаем причин его преждевременной старости. Я думаю, что Роз рассуждает именно так. Он должен так рассуждать. Он и Бора ненавидят и боятся тебя и Дена. Как же я могу не беспокоиться, узнав, что они внезапно переменили свое отношение к тебе.

— Милый Рени! — Геза обнял молочного брата. — Ты меня любишь, я знаю. Радуйся вместе со мной, и ничего не опасайся.

Рени вздохнул. Бесполезно говорить с Гезой! Он опьянен счастьем и не в состоянии понимать очевидных вещей.

— Как хочешь, — сказал он. — Но позволь мне охранять тебя.

— Охранять? — Геза от души рассмеялся. — Можно подумать, что мне грозит смертельная опасность. Ты не в своем уме, Рени. Но поступай, как хочешь.

— Я чувствую какую-то опасность, — сказал Рени. — Мне подозрительна вся эта история. Внезапный приход Ланы, быстрое согласие Боры...

Геза вспомнил мелькнувшее у него подозрение во время разговора с Ланой в беседке и почувствовал правду в словах Рени. Но ему так хотелось верить в безоблачное счастье, что он тут же отогнал неприятное воспоминание.

Лицо Рени было так мрачно, что Геза снова попытался успокоить своего верного друга.

— Подумай сам, Рени, — сказал он. — Что может замышлять против меня Бора, если Лана будет моей женой? Брак с жрецом нерасторжим. Если я умру, Лана до конца жизни останется вдовой.

И Геза ушел, оставив Рени одного с его мыслями.

Молодой раб долго сидел в беседке, пытаясь разобраться в своих подозрениях. Последние слова Гезы навели его на новые мысли. Геза прав! Жена жреца никогда не сможет стать женой кого-нибудь другого. Но Лана еще не жена Гезы. Не тут ли таится опасность? Умертвить Дена выгодно Розу. Но Бора отказал Гезе, и Роз должен думать, что новый верховный жрец будет относиться к ним враждебно. С другой стороны, если Геза также умрет, это возбудит подозрения жрецов. Жрецы никому и ничего не прощают: Сколько людей, так или иначе задевших интересы этой могущественной касты, были найдены мертвыми в своих домах, и никто не мог объяснить их внезапную смерть. В распоряжении храмов много верных, испытанных средств, о которых никому не известно. Но если Геза умрет, будучи женихом Ланы?..

Рени внезапно вспомнил небольшую подробность, о которой Геза упомянул, видимо, случайно. При его разговоре с Борой присутствовали свидетели!

Рени вскочил в сильном волнении. Ну конечно! Именно это обстоятельство раскрывает весь план Роза. О согласии Бору отдать свою дочь в жены Гезе узнает вся страна. Кто заподозрит, что Геза умерщвлен Розом, если он жених племянницы Роза? Опасность грозит Гезе не после, а до его брака!

Рени казалось, что он понял все, до конца. Гезу надо охранять каждый день, каждую минуту, до тех пор, пока Лана не станет его женой.

Об опасности, угрожавшей Дену, Рени не думал. Если Ден умрет, все только свободно вздохнут.

Рени искренно любил Гезу, но он знал и то, что его собственная судьба тесно связана с Гезой. Не будь Гезы, он,

Рени, был бы простым рабом, таким же бесправным и угнетаемым, как остальные.

И он решил неотлучно находиться рядом с Гезой. Он часто спал с ним в одной комнате, теперь это будет ежедневно. Он сам будет следить за приготовлением пищи для Гезы. Ведь умертвить его Роз может только при помощи яда. Не рискнет же он подослать убийцу в дом верховного жреца. Но такая возможность тоже не исключена.

Приняв решение, Рени немного успокоился.

В общих чертах он правильно понял план Роза, ошибившись только в одном. Роз знал, что такой наивной уловкой, как мнимое согласие на брак, жрецов нельзя обмануть. Его план относительно Гезы был тоньше, чем думал Рени.

Роз не терял времени. Как только решился вопрос о браке Ланы и прошло достаточно дней, чтобы об этом событии узнала страна, он приступил к действиям.

Спешить заставляло Роза и то соображение, о котором Рени говорил Гезе. Ден состарился неестественно. Кто знает, вдруг он начнет молодеть. Никому не известно, какие тайны узнал он у пришельцев. Может быть, эта мнимая старость — хитрость, чтобы поразить всех возвращением молодости и еще больше возвыситься в глазах населения. А тогда внезапная смерть неизбежно возбудит подозрения.

Доверенный человек Роза, раб из страны черных людей по имени Доб, был позван в спальню властелина. В преданности этого человека у Роза никогда не возникало сомнений. Доб скорее даст разрезать себя на куски, чем выдаст планы своего господина.

Властителям следует знать все, что касается их подданных, в особенности тех, кто стоит близко к верховной власти. Шпионить в домах высших сановников было обязанностью Доба. Он пользовался для этого рабами, так как сам был рабом и не возбуждал в них той ненависти, которую угнетаемые всегда испытывают к угнетателям. И хотя все его осведомители хорошо знали привилегированное положение Доба, это было в их глазах не недостатком, а наобо-

рот, достоинством, так как Доб хорошо вознаграждал их за службу.

И Доб сообщал своему господину все, что тот хотел знать.

Выслушав Роза, Доб задумался.

— Найти исполнителя твоей воли, мой господин, не трудно, — сказал он, — Но дело идет не о простом, а о верховном жреце. Если наш человек будет пойман и уличен, его ждет не обычная казнь.

— Подумай об этом, — сказал Роз. — Его не должны поймать. Тогда жрецы все узнают.

— Они опытные, господин. А если они вскроют тело Дена и найдут яд?..

— Ты осторожен и осмотрителен, как всегда, — сказал Роз. — Об этом я не подумал.

— Ты хочешь, чтобы все думали, что Ден умер от старости?

— Конечно.

— Мне кажется, это ошибка.

— Я не понимаю тебя.

— Яд найдут, — уверенно сказал Доб. — Жрецы очень умны. Если бы это был простой жрец, они поверили бы в естественную смерть.

— Ты прав, — с беспокойством сказал Роз. — Значит, мой план никуда не годится?

— Нет, господин, почему же. Тебе нужно, чтобы Ден умер. Он умрет, но не от старости, а именно от яда.

— Ты сошел с ума?

— Нет, господин. Я в полном рассудке. Скрыть нельзя. Значит, Ден должен быть отравлен так, чтобы об этом все знали.

— Нет, ты помешался, мой бедный Доб!

— Нисколько, мой господин.

— Отравителя сразу найдут.

— Обязательно, и это очень хорошо.

— Он назовет твое имя, а оно приведет ко мне.

— Он не сможет этого сделать.

— Я тебя окончательно не понимаю.

— Все очень просто, мой господин. Рабы Дена ненавидят его. В то, что один из них убил своего господина, все поверят. У Гезы есть раб по имени Рени. Геза относится к нему, как к брату, а Ден не считается с этим. Недавно он избил Рени плетью. У Рени больше оснований ненавидеть Дена, чем у других. Знаешь ли ты, мой господин, что этот Рени получил такое же образование, как сам Геза?

— Что? Он осмелился нарушить закон?

— Да, мой господин. Геза научил его всему, что знает сам.

— Этот Рени завтра же умрет!

— Не торопись казнить его. Он мне нужен.

— Не думаешь ли ты именно ему поручить это дело?

— Нет, господин. Рени не согласится и расскажет Гезе. Он нужен мне, чтобы ответить за смерть Дена. Рени казнят жрецы, и Гезу не в чем будет обвинять. Муж Ланы должен быть незапятнан, чтобы стать верховным жрецом.

— Ты очень умен, Доб, — сказал Роз.

— Я стараюсь быть полезным тебе, мой господин. Ты скажешь Гезе при случае, что знаешь о его преступлении, и он навсегда останется благодарен тебе за то, что ты его не выдал.

— Ты просто сокровище, Доб! Но кто же выполнит твой план?

— У меня есть подходящий человек. Его зовут Моа, и он давно служит мне, хотя и не является рабом. Я держу его в руках, зная его тайну.

— Какую тайну?

— Он ворует воду из канала, идущего в твой сад, господин.

— И давно зная это, ты молчал? — в гневе спросил Роз.

— Я вижу, что ты не все говоришь мне. Ты умолчал и о Рени.

— О том, что Рени образован, я сам узнал только вчера, когда мне сообщили о подслушанном разговоре его и Гезы, мой господин. А Моа был мне нужен. Значит, он был нужен и тебе, господин. Кража воды не такое уж большое преступление.

— Знаешь, Доб! — сказал Роз. — Если бы это был не ты, такие слова стоили бы головы любому рабу.

Доб улыбнулся:

— Ты можешь казнить меня, когда захочешь, мой господин.

Роз промолчал. Грозный властитель привык к своевольству своего раба и прощал ему многое. Доб был ему необходим.

— Хорошо, — сказал он. — Ты сообщил мне о двух преступниках. Оба нужны тебе. Но я казню их обоих.

— После смерти Дена, мой господин.

Роз опять промолчал. Он давно уже подчинялся умственному превосходству Доба, всегда и во всем соглашался с ним. Доб это знал и, единственный человек в стране, нисколько не боялся гнева Роза.

— Но этот Моа тебя знает, — сказал Роз. — Как же ты не боишься открыть ему такую тайну?

— Он будет молчать, мой господин, — ответил Доб.

НАКАНУНЕ ТОРЖЕСТВА

Подошел, наконец, день, когда Геза по древнему обычаю должен был отпраздновать согласие Боры отдать ему в жены свою дочь.

Ден обрадовался случаю, который давал ему возможность показать свое гостеприимство и одновременно возобновить связи с влиятельными людьми, разрушить наконец стену непонимания и страха, отделившую его от всех с того времени, когда в его доме жили пришельцы. «Отверженность» давно уже тяготила Дена, да и просто была опасна. До сих пор удобного случая не представлялось. Жрецам не разрешалось устраивать в своем доме празднества, кроме редких случаев, строго предусмотренных. Одним из таких дозволенных случаев был брак жреца.

А Геза радовался еще больше, но по другой причине. В их доме соберутся все высокопоставленные лица, никто не осмелится не принять приглашение Дена. После этого Лана станет его невестой. Взять свое согласие обратно Бора уже не сможет, даже если бы и захотел.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул и Рени, когда Геза сообщил ему, что празднование состоится завтра. — Значит, мне осталось охранять тебя только до завтрашнего вечера.

— Ты устал, мой бедный Рени! Но ты видишь теперь, что твои опасения не имели оснований. Ничто не угрожало мне с самого начала.

— Ты так думаешь? А я буду еще внимательнее в этот последний день. До тех пор пока Бора при всех не скажет, что Лана твоя, пока он не выпьет за здоровье жениха его дочери. Только тогда я соглашусь, что опасности нет. Но очень прошу тебя, ничего не ешь и не пей в начале пира. Жаль, что я не смогу сам стоять за твоей спиной.

— Ты будешь рядом, — ответил Геза. — Ден разрешил поставить тебя за спиной Боры. Но я не могу не выпить за здоровье гостей.

— Я наполню твой кубок заранее. На это никто не обратит внимания.

Геза рассмеялся.

— Пусть будет так, — сказал он, — если это доставит тебе удовольствие.

Рабы в доме давно уже сбились с ног. Их заставляли работать с утра до вечера. Весь дом сверху донизу украшался цветами и гирляндами зелени. Сотни факелов и масляных светильен были искусно спрятаны в саду и должны были одновременно загореться в нужный момент. Пиршественный зал походил на оранжерею. Ден приказал любой ценой достать шкуры белых зверей, обитавших на дальнем севере: они были в их южной стране большой редкостью. Этими шкурами, собранными во многих городах, покрыли весь пол и скамьи. Все храмы страны прислали самые редкие яства и напитки из своих подвалов.

Ден решил поразить гостей роскошью. Он знал, что от него ждут чего-то необычайного, что все уверены в том, что пришельцы дали ему в руки неизвестные людям силы. И он мучился сознанием своего бессилия. Сможет ли роскошь праздника заменить отсутствующие чудеса? Не уменьшит ли это тот ореол таинственности, который окружал его и был ему так выгоден? Ведь роскошь доступна многим, не только ему.

Из затруднительного положения вывел Дена его брат. Выслушав сомнения Дена, Геза обещал подумать и действительно предложил такое, о чем сам Ден никогда бы не догадался.

— А разве это можно? — спросил Ден.

— Почему же нет? — Геза ни словом не обмолвился, что средство поразить гостей придумал Рени. — Пришелец советовал бросить шар в море. Значит, его можно брать в руки и переносить.

— Я боюсь до него дотронуться, — откровенно сказал Ден.

— Я тоже, но мы поручим это Рени.

Такое предложение в глазах Дена было вполне естественно. Если существует опасность, пусть ей подвергнется

раб. Ден не мог знать, что, говоря это, Геза выполняет просьбу самого Рени.

— А если шар здесь не загорится?

— Вот это и интересно проверить, — снова повторил Геза слова Рени. — Но я не думаю, что шар может гореть только над столом. В тайнике стола нет, а ты сам рассказывал, что там горит такой же шар.

— Когда же мы это сделаем?

— Перед самым празднеством. Можно было бы поступить еще: лучше — внести шар при всех. Но это будет нелепо, если он не загорится.

— Мы можем проверить заранее, — сказал Ден, воодушевленный выдумкой Гезы.

Если затея увенчается успехом, вся страна будет поражена. Потрясающее впечатление не развеется никогда! Такие вещи не забываются.

— Позови Рени.

Рени тотчас же явился. Низко поклонившись обоим братьям, он замер в ожидании, готовый исполнить любое приказание. И хотя он отлично знал, зачем его позвали, догадаться об этом по его лицу было невозможно.

Ден заранее удалил всех рабов. В зале никого не было.

— Рени, — сказал Геза, — поднимись в семигранную комнату и принеси сюда шар.

— Принести шар?! — Рени прекрасно разыгрывал безграничное удивление. Но, словно спохватившись, он поклонился и молча направился к двери.

Потянулись минуты напряженного ожидания. Геза волновался, вероятно, гораздо сильнее Дена. Он ни за что не хотел подвергать Рени опасности, но тот сам просил произвести этот опыт и поручить исполнение именно ему. Что касается Дена, то его беспокоил только результат задуманного.

Наконец, послышались шаги, и на пороге появилась бронзово-красная фигура молодого раба. В его руках был черный шар.

Твердыми шагами Рени вышел на середину комнаты, ступил на скамью, с нее на стол и, вытянув руки, поднял шар над головой.

— Приказывай, господин, — сказал он.

Геза понял, что осторожный Рени хочет, чтобы ответственность за то, что могло сейчас произойти, легла на самого Дена. Кто знает, вдруг шар не повиснет в воздухе, а упадет и разобьется. На Рени мог тогда обрушиться безрассудный гнев Дена.

Верховный жрец молчал, очевидно, не решаясь произнести слова, которых ждал Рени.

— Надо довести до конца, — сказал Геза.

— Отпусти шар! — приказал Ден.

Рени отнял руки и быстро соскочил на пол.

Шар не упал!

Он висел над столом, ни к чему не прикрепленный, таинственный, непонятный, одним только неестественным своим положением вызывая чувство непреодолимого страха.

Рени не мог поверить, что именно он осмелился взять в руки этот шар и принести его сюда. Собственная смелость удивляла его.

— Наши гости разбегутся, — сказал Геза,

— Они не осмелятся, — ответил Ден. — Но шар не светит.

Он совсем забыл, что сотни раз входил в семигранную комнату и каждый раз заставлял шар не светившимся. Он вспыхивал после его прихода. И действительно, едва он произнес эти слова, шар вспыхнул.

Над столом повисло маленькое солнце. Огромный зал с двумя рядами столбов, поддерживающих потолок, осветился так ярко, как не был освещен со дня своей постройки. Самые отдаленные углы оказались залитыми ослепительным белым светом.

— Этого не видел никто и никогда, — прошептал Ден. — Благодарю тебя, Геза!

Рени незаметно улыбнулся. Если бы гордый жрец мог знать, что он благодарит не Гезу, а своего раба!

— Теперь надо отнести его обратно, — сказал Геза.

— Он всегда гаснет сам, а я не знаю, как это сделать.

Рени приблизился:

— Разреши мне сказать.

— Говори!
— Позволь мне снова взять его в руки.
— Ты обожжешься! — воскликнул Геза.
— Я думаю, он потухнет, — скромно ответил Рени.
— Вот как, — заметил Ден, — ты, оказывается, умеешь думать.

Рени молчал.

— Что ж, попробуй! — решил Ден. — Нельзя же оставить шар здесь. Ты преступно избаловал Рени, — обратился он к брату, когда Рени отошел от них. — Раб осмеливается думать! Это неслыханно!

— Я часто разговариваю с Рени. — Геза тоже понял допущенную Рени оплошность и старался исправить ее. — Я сам приказал ему думать, когда он говорит со мной. Сейчас он обращался ко мне. Он выполняет мой приказ.

Ден ограничился тем, что пожал плечами.

Предположение Рени оправдалось даже раньше, чем он сам думал. Шар погас, как только он поднялся на стол.

«Похоже, что шар слышит мысли человека», — с невольным страхом подумал Рени.

Он протянул руку и дотронулся до поверхности шара. Она была холодной, будто не от нее только что исходил яркий свет.

«Все, что светит, одновременно и греет, — думал Рени, неся шар обратно в семигранную комнату. — Ручки светильен сильно нагреваются. Солнце греет. Почему же шар ведет себя иначе? Видимо, это не свет, а что-то другое. Но что?»

Успех праздника был обеспечен. Люди убедятся в могуществе верховного жреца. Ден был в восторге.

— Напрасно я велел приготовить факелы и светильни в саду, — говорил он. — Этот шар заменит собой все.

— Они не помешают, — возражал Геза. — Не будем же мы выносить его в сад.

— Этому поразились бы еще больше.

— Согласен. Но нельзя оставлять пиршественный стол в темноте.

Они долго и тщательно обсуждали церемониал появления шара. Внести его должен был Геза. Все должны думать, что дотрагиваться до шара может только жрец.

А вечером того же дня случилась беда. На Дена обрушился тяжелый для него удар:

Картины в столе исчезли!

Сколько ни нажимал Ден на оба выступа, ничего не появлялось. Шар продолжал сиять ровным светом, а не мерк, как это бывало обычно.

В отчаянии Ден позвал Гезу и обрушил на него град проклятий.

— Я не виноват, — оправдывался Геза. — Ты сам согласился, чтобы Рени принес шар вниз.

— Я сожгу твоего Рени в священном огне! — неистовствовал Ден. — Будьте прокляты, и ты, и твоя глупая выдумка!

— Ты благодарил меня за нее. Кто же мог знать? И в чем вина Рени? Он выполнил наш приказ.

— Что же теперь делать? — спросил Ден, внезапно успокоившись.

— Не знаю.

— Неужели картины больше никогда не появятся?

Ден сказал это таким тоном, что Гезе стало жаль его. Он мог бы посоветовать одно-единственное средство — позвать Рени и спросить его мнение, но этого нельзя было сделать.

— Не знаю, — повторил он. — Я подумаю об этом и, может быть, пойму, в чем тут дело.

— Иди, думай! — сказал Ден.

Сам он остался наверху и сошел только под утро. Достаточно было посмотреть на него, чтобы понять, что картины так и не появились.

А Рени, с большим интересом выслушав рассказ Гезы, задумался и сказал:

— Скорее всего, дело в расстоянии между шаром и столом. Ты говорил, что пришельцы, прежде чем повесить шар, что-то измеряли. Видимо, я положил его не в ту точку, в

которую надо. Посоветуй Дену передвигать шар до тех пор, пока картины не появятся снова. Больше я ничего не могу придумать.

— Хорошо, — ответил Геза, — я так и скажу ему. Но не сейчас, а после празднества. А то он, чего доброго, не позволит внести шар в комнату в день пира.

А в то самое время, когда происходил этот разговор, Доб стоял перед Розом и докладывал ему, что все готово и приговор, вынесенный Дену, может быть приведен в исполнение.

— Ты предусмотрел все? — спросил Роз.

— Все, господин!

— Твой человек не обманет?

— Никогда, господин!

— И ты уверен, что он будет молчать?

— Его заставит молчать сам Геза.

Роз с любопытством посмотрел на своего наперсника.

— Ты очень умен, Доб! — сказал он. Постоянно повторяя эти слова, он никогда не думал, что тем самым признает умственное превосходство Доба над собой. Такая мысль просто не могла прийти ему в голову. Доб это понимал и не опасался за себя.

— Объясни, Доб!

— Ты увидишь все своими глазами, господин.

— Каким образом?

— Окажи Гезе честь и присутствуй на пиру.

— Я не собирался там быть.

— Если ты хочешь видеть, то должен быть, — спокойно ответил Доб, уверенный, что Роз не устоит перед искушением. Присутствие Роза при смерти Дена было важной деталью плана Доба. И он не ошибся, изучив характер своего властелина до тонкостей.

— А что я должен делать? — спросил Роз.

— Ничего. Присутствовать, и только.

— Я там буду.

Доб удалился, торжествуя. Теперь его план осуществится без малейшей заминки. Роз не удержится и скажет Гезе,

что ему известно о том, что жрец нарушил закон, дав рабу образование. Остальное сделает сообразительность Гезы.

Доб заботился о своей безопасности. Он хорошо знал, что никакая близость к властителю не спасет его, если жрецы узнают о его участии в убийстве верховного жреца. Что сможет сделать Роз, если Доба однажды найдут мертвым? Погоревать и только. Пусть Роз тешит себя иллюзиями насчет своей силы. Он, Доб, знает, что по воле господина вступил в борьбу с более могущественной силой. И он защитит себя сам.

Все произойдет так, как им задумано. Моа уже находится в доме Роза, его считают новым рабом. Бора согласился взять его с собой к Дену. Как полагается по обычаю, Моа и второй раб Бора будут прислуживать на пиру Дену и Гезе. И одним ударом будут достигнуты три цели: исполнится воля Роза, приговорившего к смерти Дена и Рени, умрет исполнитель этой воли, и будет обеспечена безопасность самого Доба.

В эту ночь он спал спокойно.

И так же спокойно в комнате Гезы спал Рени. Охраняя своего брата и друга, он никак не мог думать, что смертельная опасность нависла над ним самим, а не над Гезой.

СМЕРТЬ ДЕНА

Ден пригласил на празднество более ста человек, все они занимали значительные посты в государстве. Никто не отклонил приглашения. Помимо того что это было бы небезопасно, привлекала самая таинственность этого дома, двенадцать лун пугавшего город и всю страну. Многие, правда, явились только из опасения прогневить верховного жреца, так как разделяли суеверный страх народа.

Но ничего страшного или таинственного они не увидели. Все было таким, каким всегда бывало в богатых домах. Удивляло только плохое освещение пиршественного зала. Всего лишь десять прикрепленных к стенам факелов скупо озаряли огромную комнату, оставляя стоявший на середине стол в полумраке.

Но никто не осмелился открыто выразить удивление.

Гости входили в зал, почтительно, а иногда и подобострастно приветствовали хозяев и садились к столу, кто где хотел. Большинство предпочло сесть подальше от мест, предназначенных для Дена, Гезы и Боры.

По мере увеличения числа гостей легкий шелест разговоров переходил в гул. Бесшумными тенями скользили многочисленные рабы, предлагая гостям прохладительные напитки. Вечер был жарким, а пир должен был начаться еще не скоро.

Бора должен был явиться последним. Таков был обычай. По тому же обычаю Лана не могла присутствовать на празднестве.

Все приглашенные уже явились, шло время, а Боры все еще не было. Ден начал хмуриться, ожидая какой-нибудь сумасбродной выходки склонного к глупым шуткам властителя. Неожиданно ему доложили о прибытии Роза.

Это было большой честью даже для верховного жреца. Никогда Роз и Бора не посещали кого бы то ни было вместе, считая, что и одного из них вполне достаточно, чтобы осчастливить подданного.

Встретить властителя вышел Геза. Его сопровождал Рени с факелом в руке. Оба поклонились — Геза слегка наклонив голову, Рени до самой земли.

Высокомерное приветствие первого жреца разозлило Роза, но он сдержался.

Рени стоял на коленях, подняв факел над головой. Кто такой этот раб, Роз легко догадался. Момент показался ему удобным.

Он не торопился войти в дом. Гости должны ожидать его, и как можно дольше.

— Кто этот раб? — спросил Роз.

— Его зовут Рени, — ответил Геза, удивленный странным интересом властителя к рабу.

— Он твой молочный брат?

Гезе не понравилась осведомленность Роза, но отрицать не имело смысла:

— Да, это так.

— И ты его любишь?

Незаметно для Роза, Рени бросил на своего господина предостерегающий взгляд.

— Не более, чем других, — как мог равнодушнее ответил Геза.

— Я слышал другое.

Геза вздрогнул. Роз заметил и усмехнулся. Сейчас он покажет этому лицемеру!

— Встань! — приказал он Рени. А когда тот поспешно поднялся с колен, Роз внимательно всмотрелся в его лицо. — Я никогда не видел у рабов, — обратился он к Гезе, — таких глаз, в которых светится мысль.

«Что это значит?» — ужаснулся Геза.

— Рени очень смышлен, — сказал он, только чтобы сказать что-нибудь.

— Да? — Роз повернулся к Рени. — Скажи мне, сколько человек пригласил твой хозяин?

— Не знаю, господин, — ответил Рени. — Много.

— Разве ты не сосчитал?

— Я не умею считать, господин.

— Не умеешь? Хорошо, отойди!

Рени низко поклонился и отошел в сторону.

— Ты, Геза, первый жрец храма Моора, — сказал Роз.
— И ты первый должен соблюдать законы.

— Я никогда не нарушал их.

Роз почувствовал страх в голосе Гезы. Умница Доб! Пожалуй, на первый раз достаточно.

— Тем лучше, если это так. — В глазах Роза Геза видел холодную насмешку. — Закон запрещает рабам даже учиться грамоте.

Геза был в полном замешательстве и не знал, что говорить.

Роз переменял тему. Еще несколько минут они беседовали о разных вещах, пока Роз не решил, что прошло достаточно времени, и он может войти в дом.

Геза шел за ним, терзаясь сомнениями. Что именно знает Роз? Если ему известно все, Рени грозит смертельная опасность. Но почему Роз не говорит об этом прямо?

Геза чувствовал, что Роз ведет с ним какую-то игру. Что он задумал?

Ден не сделал ни шагу навстречу Розу, но встал и поклонился ему.

Почти тотчас же доложили о прибытии Бору. Ден напрасно тревожился: Бора просто ожидал, чтобы его брат прибыл раньше.

Роз ничего не спросил, потому что был умен и осторожен. Бора, едва войдя в зал, тут же обратился к Гезе:

— Ты собираешься пировать в темноте? Если ты беден и у тебя нет факелов, я мог бы прислать их.

Все гости дружно рассмеялись шутке властелина.

— О нет! — ответил Геза. — Мы ждали твоего прихода, чтобы осветить зал.

Бора принял это как знак внимания к себе и остался доволен ответом.

Вместе с Борой прибыли два раба, богато одетые в золоченые туники.

Они поднялись на помост и встали позади мест, предназначенных для Дена и Гезы. Тотчас же по знаку Дена Рени и

другой раб, оба в белоснежных одеждах, застыли за спиной Роза и Боры.

Лицо раба, стоявшего возле Дена, показалось Гезе смутно знакомым.

— Где-то я видел его, — сказал он, обращаясь к Боре.

— Его зовут Моа, — ответил тот. — Ты мог видеть его у меня в доме.

Ден встал и в наступившей тишине торжественно сказал:

— Геза! Твой брак с дочерью великого правителя страны делает честь нашему роду. Сегодняшний праздник должен запомниться всем. Окажи честь нашим гостям, освети зал!

Геза вышел.

Слова Дена и уход Гезы удивили всех. Приказать внести факелы и светильни можно было и не удаляясь. Неясное предчувствие чего-то необычного овладело гостями. Они вспомнили, где находятся, и давний страх перед этим домом снова поднялся в их сердцах.

В зале наступила напряженная тишина.

— Что ты задумал? — тихо спросил Роз.

— Сейчас увидишь, — ответил Ден.

Четыре раба внесли небольшую лестницу, покрытую, словно ковром, черной шкурой, и поставили ее у середины стола. Сидевшие возле этого места испуганно отодвинулись. Даже в простой лестнице они видели что-то таинственное.

Появился Геза. Он медленно вошел в зал, держа на вытянутых руках черный шар.

Об этом предмете по стране ходили самые невероятные слухи. Но никто никогда не видел его. По залу прошел шепот.

Красноватый свет факелов играл бликами на черной одежде Гезы, на бронзовой коже его лица, но, странное дело, не отражался в черной и гладкой поверхности шара.

Невыносимо медленно Геза приближался к лестнице.

Даже Бора почувствовал волнение. Все встали. Жрецы, съехавшиеся со всей страны по одному от каждого храма, низко склонились перед Гезой.

Все так же медленно Геза подошел к середине стола, поднялся по лестнице и, подобно черной статуе в храме, застыл неподвижно, подняв шар над головой.

Ден восхищенно следил за братом. Геза великолепно разыгрывал придуманную ими сцену. Только бы шар не вспыхнул сейчас!

Но вот Геза опустил руки. Общий крик, вернее вопль, вырвался из всех уст. Более ста человек окаменели, не веря своим глазам.

Шар повис в воздухе!

Действительно, только сознание, что они находятся в гостях у верховного жреца, смогло удержать людей от панического бегства!

Ден встал и простер руки к шару.

Роз вскочил. Неизвестно, что он хотел сказать или сделать, это навсегда осталось тайной для него самого, но он тут же почти упал обратно на скамью.

Шар вспыхнул!

Ослепляющий свет разлился по залу.

Люди потеряли способность даже пошевелиться.

Ден сел. Геза невозмутимо сошел на пол и направился к своему месту, рядом с Борой, который невольно отодвинулся при его приближении.

— Приступим к пиру! — громко сказал Геза традиционные слова хозяина дома. — Рабы, наливайте кубки!

Но исполнить его приказ было некому. Все рабы и гости лежали на полу лицом вниз. Один Рени остался стоять за спиной Боры, который сидел, ни жив, ни мертв от ужаса.

Ден снова поднялся:

— Слушайте меня! Поднимитесь и ничего не бойтесь! Сила богов, проявившая себя в этом шаре, служит мне. Спокойно пируйте. Рабы, исполняйте свое дело!

И рабы встали. Страх перед господином пересилил суеверный ужас. За ними встали жрецы. Робко поднялись все гости, удивляясь, что остались живы.

Первый страх прошел. К людям вернулась способность мыслить, а с нею и благоразумие.

Ден спокойно опустился на свое место.

— Что это значит? — спросил Роз. Его голос заметно дрожал от волнения. — Разве пришельцы были богами?

— Они не могли ими быть, — ответил Ден так громко, чтобы его слышали все.

Никто не смотрел на шар. Его блеск ослеплял подобно блеску солнца.

Ден был полон скрытого торжества. Он знал, что с этого момента на него и Гезу будут смотреть почти как на богов.

Знал это и Роз. И он уже сомневался, что задуманное им можно выполнить.

Оправившиеся от потрясения рабы подошли к гостям и наполнили оловянные кубки. Рени налил в кубок Боры и тут же, как бы случайно, наполнил кубок Гезы, опередив раба, стоявшего за ним. Этого никто не заметил.

Бора поднялся.

— Я согласился отдать свою дочь Лану в жены Гезе, — произнес он старинную формулу, но произнес вовсе не с тем чувством, с каким сделал бы это, не будь сцены с шаром. Теперь он радовался, что мужем Ланы станет столь могущественный человек.

Он выпил первым. За ним Геза. Ден и Роз поднесли кубки к губам одновременно с гостями.

Только один человек во всем зале знал, что должно сейчас произойти. Моа, стоявший за спиной Дена, замер.

Ден выпил. Несколько мгновений он сидел неподвижно с кубком у рта, потом покачнулся и упал головой на стол.

Все вскочили со своих мест. Все, кроме Роза.

Геза поднял брата.

Ден был мертв. Зеленоватая пена застыла у краев его посиневших губ.

В зале поднялась невообразимая паника. Жрецы кинулись к Дену и Гезе. Часть гостей бросилась к выходу, не сомневаясь, что верховного жреца поразили гнев богов. Не обрушится ли этот гнев на всех, кто видел таинственный шар?..

Старейший из жрецов наклонился над трупом Дена.

— Ты видишь, — сказал он Гезе, — эту зеленую пену и синие губы твоего брата. Верховный жрец отравлен.

Едва успели прозвучать эти страшные слова, как зал опустел. Остались только рабы, три старейших жреца, два военачальника, Роз и Бора.

— Ты уверен в том, что сказал? — спросил Роз.

— Уверен, господин! Этот яд мне известен.

— Кто мог отравить верховного жреца?

В голосе Роза звучал такой яростный гнев, что не поверить его искренности было невозможно.

— Я этого не могу знать, господин, — пролепетал перепуганный жрец.

Моа опустился на колени перед Гезой:

— Позволь мне сказать, господин.

— Говори! — почти машинально ответил Геза. Он еще не в силах был осмыслить происшедшее.

— Я видел, господин. Видел, как в кубок твоего брата было что-то положено.

Роз мгновенно все понял.

— Почему же ты ничего не сказал, презренный? — спросил он.

— Я не мог указать на того, кого господин поставил прислуживать властителю.

— Кто? — грозно спросил Геза.

— Вот он! — Рука Моа протянулась к Рени.

Геза отшатнулся. Рени невероятным усилием воли сумел заставить себя спокойно сказать:

— Этот человек лжет!

Роз хорошо знал предусмотрительность Доба. Доказательство преступления Рени должно быть!

— Общайте этого негодяя! — приказал он.

Три жреца набросились на Рени, как стая волков. Не прошло и минуты, как один из них с торжествующим криком вытащил из-за его пояса маленький сверток.

В нем лежала крупица зеленого вещества.

— Яд! — сказал жрец.

— Кого еще задумал ты отравить? — спокойно спросил Роз.

Рени пошатнулся. Только бронзово-красная кожа его лица не позволила заметить, как вся кровь отхлынула к сердцу.

— Взять его! — приказал Роз.

Рени связали руки. Два раба встали возле него.

— Приказывай! — сказал Роз, обращаясь к Гезе. — Теперь ты верховный жрец.

Эти слова вывели Гезу из состояния столбняка, в котором он находился с того момента, как у Рени нашли яд.

Верховный жрец! Да, Роз сказал правду, он, Геза, верховный жрец! И именно он должен произнести приговор, осуждающий Рени на жестокую казнь. Нет возможности спасти его. Полученное доказательство бесспорно в глазах всех.

Ни на секунду Геза не поверил в виновность Рени. Крупицу смертельного яда кто-то ему подсунул. Кто? Конечно, Моа. Он выдал себя, сказав, что видел, как Рени положил такую крупицу в кубок Дена. Рени не мог этого сделать, значит, сам Моа.

В это ужасное для него мгновение Геза до конца понял, насколько прав был Рени, подозревая заговор. Рени правильно оценил все — вероломство Ланы, лицемерное поведение Боры, все, все! Он не догадывался только об опасности, угрожавшей ему самому.

А он, Геза, не послушался человека, который был во много раз проницательнее его самого. И вот расплата, он должен убить Рени, чтобы его смерть скрыла истинного виновника.

Весь замысел Роза стал ясен для Гезы. Он мог бы еще сомневаться, если бы сам Роз не затеял разговора о Рени. Цель этого разговора — держать Гезу под угрозой разоблачения, заставить казнить Рени, не пытаясь найти настоящего убийцу Дена, — была предельна ясна.

Все это промелькнуло у Гезы в какое-то мгновение. Бешеный гнев охватил его. Рени погиб, но это не спасет убий-

цу. Он, Геза, попался в ловко расставленные сети. Роз ответит за это в свое время.

Геза огляделся налитыми кровью глазами. Он был так страшен, что все, кроме Роза и Боры, невольно попятнулись.

Взгляд Гезы упал на короткий бронзовый меч на поясе одного из военачальников. Прежде чем кто-нибудь смог понять, что он хочет делать, Геза выхватил меч из ножен, и голова Моа слетела с плеч.

Расчет Доба оправдался полностью.

Словно ничего и не произошло, Роз хладнокровно повторил:

— Приказывай, Геза! — И добавил так тихо, что его мог слышать только Геза: — Опомнись! На тебя смотрят.

Не столько эти слова, сколько укоряющий взгляд Рени вернул Гезе самообладание. Он вдруг понял, что его бешеный порыв сыграл только на руку Розу. От Моа теперь уже ничего не узнаешь!

Глаза Рени молили и требовали.

«Играй! — говорили они Гезе. — Играй свою роль. Заставь всех поверить тебе. Обо мне ты успеешь подумать».

Геза почувствовал, что совершенно успокоился. Если он не проявит жестокости по отношению к Рени, это удивит всех и неизбежно возбудит подозрения.

— Я убил твоего раба, — сказал он Боре. — Прости меня.

— Не имеет значения, — ответил тот. — Я дарю его тебе.

— Я рад, что ошибся и в приступе горя не обезглавил этого. — Геза указал на Рени. — Слишком легкая смерть! Уведите его! — приказал он жрецам. — Заточите его в подземной темнице храма!

Рени увели.

Геза знал, что его несчастный брат проведет несколько дней в ужасающих условиях, без пищи и воды. Но что он мог сделать!

Роз успокоился, увидев жестокость Гезы к мнимому преступнику. Наверно, ему только показалось, что Геза не поверил обвинению.

КАК СПАСТИ РЕНИ?..

Эту ночь Геза провел без сна. Вернувшись домой из храма, куда перенесли тело Дена, он заперся в своей спальне.

Отчаяние, гнев, жалость к Рени наполняли его душу, попеременно уступая место друг другу. Геза то плакал как ребенок, то в безудержной ярости крушил все, что попадалось ему под руку. Рабы с ужасом прислушивались к грохоту ударов и треску ломаемой мебели. Рабыни молили богов, чтобы господин не вышел из своей комнаты. Никто в доме не спал.

Геза предавался отчаянию, не находя никакого способа избавить любимого Рени от грозящей ему участи. Законы страны требовали необычной казни для убийцы жреца, тем более верховного жреца. Тут невозможно было воспользоваться правом помилования и присудить Рени к вечному заточению или ссылке на необитаемый остров, откуда его можно было вызволить спустя некоторое время. Такого приговора преемник убитого верховного жреца, да еще его родной брат, не мог вынести.

Смерть Дена не очень огорчила Гезу. Они так отделились друг от друга после посещения пришельцев, что давно уже стали почти чужими.

Для Гезы смерть его брата означала только, что умер злобный, жестокий старик, вызывавший ненависть у всех, кто его близко знал. Но эта смерть влекла за собой гибель молодого, благородного человека; единственного, кого Геза искренне любил.

Сознание этого сводило Гезу с ума.

Взгляд Рени там, в зале, был так красноречив, что Геза не мог сомневаться: Рени надеялся на его помощь, А может быть, он сам что-то придумал?..

„Но что? Как узнать это?..

Свидание верховного жреца с преступником без свидетелей — вещь невозможная. Он, Геза, увидит Рени только в момент суда и приговора.

Что предпринять?

Геза сжимал голову руками, но спасительная мысль не приходила. Тогда он снова начинал неистовствовать, ища успокоения.

Под самое утро, утомленный бесплодными мыслями и приступами бешенства, Геза наконец задремал.

И то, что он тщетно пытался придумать, чего ожидал всю эту ночь, просто и неожиданно пришло ему в голову, как только он открыл глаза.

Геза радостно засмеялся. Как просто! Теперь он узнает, что думает сам Рени...

Страна не могла ни одного дня оставаться без верховного жреца. Золотая цепь — символ духовной власти — должна была быть возложена на Гезу как можно скорее.

Он вызвал одного из младших жрецов и послал его к Розу — сообщить, что ожидает его в храме. И тотчас же отправился туда сам. Их дом стоял рядом с храмом, и оба здания окружал один и тот же сад. Гезе нужно было только пройти по главной аллее.

Его ждала толпа жрецов, всю ночь проведенная у тела своего умершего главы.

Роз явился без промедления, но почему-то один, без Бору.

— Мой брат нездоров, — объяснил он удивленным жрецам. — Трагедия, происшедшая вчера, сделала его больным.

Геза откровенно улыбнулся. Так он и поверил этой нелепице! Бора и чувствительное сердце! Просто он не хочет возлагать цепь на своего будущего зятя.

— Твоего присутствия нам вполне достаточно, — ответил он Розу как мог любезнее.

Церемония не заняла много времени. Благодаря вчерашнему неудавшемуся празднеству в городе находились все первые жрецы храмов страны. Под предлогом траура Геза отказался от пышной процессии по городу и длительной процедуры преклонения перед ним высших сановников, что было принято всеми как знак искренней скорби.

Роз низко склонился перед новым верховным жрецом и удалился, торжествуя. Его план осуществлен, и верховная власть в стране снова в полной мере в его руках. Геза ока-

зывал Розу все полагающиеся знаки почтения. Властитель не сомневался, что причиной этого является вчерашнее официальное объявление Гезы женихом Ланы.

А Геза просто не думал ни о чем, кроме Рени и своего плана, к осуществлению которого он и приступил, как только Роз удалился.

— Я решил отложить приговор, — сказал он. — Моего брата, бывшего верховного жреца Дена, мы похороним со всеми почестями, которых он заслуживает. Это потребует времени на подготовку. Преступный раб будет казнен после похорон, чтобы не омрачать душе Дена путь к богам.

Это заявление было принято всеми жрецами как забота о душе брата, и не встретило возражений.

— Нужно, — продолжал Геза, — чтобы преступный раб не умер до дня казни. Душа Дена не простит мне, если его убийца умрет столь легко. Казнь должна стать вечным напоминанием всем, кто задумает что-либо подобное.

И это было вполне понятно. Жрецы радовались, видя жестокие намерения своего властелина. Народ должен знать, что покушение на жреца не проходит даром, что преступников ждет страшное возмездие.

— Развяжите его, чтобы он не умер от нарушения кровообращения, — говорил Геза. — Дайте ему воды и лепешек, чтобы он не умер от голода и жажды. Киньте ему подстилку и покрывало, чтобы он не умер от холода или сырости. Стерегите его как зеницу ока, чтобы он не мог прибегнуть к самоубийству. Вы отвечаете передо мной за его жизнь. Преступник, поднявший руку на верховного жреца страны, должен предстать перед моим судом здоровым, чтобы в полной мере ощутить свою смерть.

— Будет исполнено, господин! — ответили жрецы храма.

Геза величественно удалился. Никто не мог заподозрить, что верховный жрец полон смятения.

«Что я сделал? — думал Геза. — Избавил Рени от мучений или только усилил их? Если я ошибаюсь и Рени ничего не придумал, моя забота обернется против него. Но он должен был что-то придумать! Рени так умен!»

Мысли Гезы обратились к Розу: «Проклятый! Ты думаешь, я не знаю, кто убил Дена, а теперь убивает Рени? Я все знаю. И ты заплатишься, дай срок!»

Геза больше не любил Лану. Ее участие в заговоре было слишком очевидно. Но он не мог уже отказаться от брака с ней.

Тем лучше! Семейная близость к Розу облегчит Гезе его месть!

Верховный жрец вернулся к себе в глубокой задумчивости.

Крупица смертельного яда, от которого мгновенно умер Ден, осталась у Гезы. Он долго смотрел на зеленый кристалл. Передать его Рени в день казни так, чтобы никто не заметил, было трудно, но возможно, Рени сумеет воспользоваться страшным подарком брата и избавиться от мучений. Это в том случае, если никакого плана спасения у Рени нет.

Шли дни. Бальзамирование тела Дена было поручено лучшему мастеру. Человека этого звали Даиром.

Могилу для Дена Геза выбрал в саду храма, рядом с беседкой, которую покойный очень любил. Недалеко был похоронен отец Дена и Гезы. Так делалось всегда, кладбищ не существовало, каждый хоронил своего умершего родственника возле своего дома. Ни оград, ни памятников никто не знал. Могилы постепенно сглаживались, и люди ходили по месту захоронения своих предков, не считая это кощунством.

Накануне дня, назначенного для всенародного прощания с телом Дена, Геза получил наконец несколько слов от Рени.

Геза знал, кому из рабов Рени доверял больше всех:

— Зайди туда, где заключен Рени, — сказал он, — и посмотри на него. Я хочу знать, в каком он состоянии. Смотри внимательно и потом расскажи мне. Теперь я поручаю это дело тебе. Ты каждый день будешь заходить к Рени.

Раб склонился до земли. Он понял Гезу так же, как поняли его жрецы, которым раб передал слова господина: Геза беспокоится, достаточно ли здоров Рени, чтобы «ощутить» смерть.

Рени был здоров, как может быть здоров человек, находящийся в темном подвале без свежего воздуха и спящий на сыром полу.

Он обрадовался приходу знакомого раба, поняв, что его прислал Геза. Еще больше его обрадовало известие, что этот раб будет каждый день заходить к нему по приказу господина.

План возник мгновенно.

— Мне ничего не нужно от твоего господина, — злобно сказал Рени, отталкивая принесенную пищу.

Жрец, сопровождавший раба, усмехнулся. Бессильный гнев преступника против верховного жреца показался ему забавным. Он молча сделал рабу знак забрать корзину и удалиться.

Тяжелая дверь закрылась. Рени вскочил в сильном возбуждении. Только бы Геза правильно понял! Тогда он, Рени, будет спасен.

В полной темноте, изредка озаряемой факелом надсмотрщика, Рени снял с себя одежду — нарядную тунику, бывшую на нем в день празднества. Ее не отняли по приказу Гезы все с той же целью — не дать преступнику заболеть от сырости. Материя была плотной и крепкой. Одежда рабов всегда свидетельствовала о богатстве хозяев. Зубами надорвав кожу на пальце, Рени кровью написал на обратной стороне туники краткую, но достаточно ясную записку. Потом снова надел ее на себя и стал ждать...

Как он и надеялся, раб не посмел скрыть от Гезы ни единой подробности. Со страхом, но он передал господину и дерзкие слова заключенного.

Геза слишком хорошо знал Рени и сразу понял, что мнимый гнев должен что-то означать. Но он не смог ни о чем догадаться, пока не узнал на следующий день, что при вторичном посещении раба Рени не только оттолкнул корзину, но и ударил по ней ногой.

— Он сорвал с себя одежду, господин, — рассказывал раб, бледнея от мысли, что поведение Рени возбудит гнев Гезы и этот гнев обрушится на него самого. — Он бросил ее

в мою корзину и кричал, что не хочет одежды, которая принадлежит тебе. Жрец смеялся и велел мне отнести эту одежду тебе, господин. Я выполняю приказ жреца, господин, — умоляюще закончил раб.

Корзина стояла рядом. Геза видел в ней белую тунику Рени. Все было ясно!

Геза понимал, зачем жрец приказал отнести ему эту тунику. Вызывающее поведение заключенного могло только разгневать судью и усугубить наказание.

— Беги! — крикнул он. — Сейчас же позови ко мне трех старших жрецов. Быстро!

Перепуганный раб со всех ног бросился выполнять приказ.

Геза схватил тунику. Неровные расплывчатые буквы алели на внутренней ее стороне. Они были похожи на кровавые пятна, и даже сам Геза, увидев их при других обстоятельствах, не догадался бы, что это письмо.

Ему стоило большого труда разобрать послание Рени.

Геза свистнул. Немедленно прибежал раб.

— Убери! — приказал Геза. — Брось в огонь!

Раб унес корзину. Геза знал, что его приказание будет точно исполнено. Не только туника, но и сама корзина сгорит в огне.

Ожидая жрецов, Геза нервно ходил по комнате. Пусть увидят, что он в бешенстве. Они, конечно, знают уже об оскорблении верховного жреца заключенным. Их не удивит то, что он им скажет.

И все же, Геза был сильно обеспокоен. План Рени очень рискован! Но он прав, ничего другого невозможно придумать. Достоинство замысла состояло в том, что, выполняя его, Геза мог проявить неслыханную жестокость. Его разговор запомнится надолго! Умница Рени!

Жрецы низко поклонились. Они видели возбужденное лицо Гезы и принимали это за признаки гнева.

— Я опасюсь, — сказал Геза, — что убийца моего брата теряет рассудок. Безумный не воспримет казни.

— Он может и притворяться, господин, — успокаивающе сказал один из жрецов.

Геза резко остановился:

— А если нет?

Жрецы молчали.

— Я решил ускорить казнь. Она состоится завтра.

— Завтра мы хороним Дена, — напомнил жрец.

— Знаю. Слушайте мой приговор.

Геза говорил медленно, тщательно обдумывая каждое слово.

Жрецы слушали с удивлением. Они знали много способов подвергнуть человека мучительной смерти, но до такого еще никто не додумывался.

— Душа твоего брата будет удовлетворена, — сказали они, когда Геза замолчал.

— Проследите, чтобы все было сделано по моим указаниям, — добавил Геза. — Главное, чтобы могила не обрушилась.

— К утру все будет готово, господин.

— Пойдемте, я покажу вам место.

ПРИГОВОР ГЕЗЫ

«Жажда мести» не давала покоя верховному жрецу. В течение ночи он несколько раз подходил к работающим, проверяя, как идет дело. Жрецы, наблюдавшие за рабами, переглядывались, довольные непреклонностью Гезы.

Место для могилы было указано немного в стороне от выбранного Гезой раньше.

Утром посланцы храма разошлись по городу, всюду объявляя, что суд над преступником состоится сегодня, а вслед за этим начнется церемония похорон убитого верховного жреца.

Народ стекался толпами. Вскоре сад, примыкавший к храму, не мог уже никого вместить.

Ровно в полдень прибыли Роз и Бора. Лана была с ними.

Властителей встретили старшие жрецы и почтительно провели к приготовленной для них скамье на ступенях храма. Все знали, что церемония продлится долго. Но никто не выказывал нетерпения. Такое зрелище редко выпадало на долю горожан.

На верхней ступени широкой лестницы стояла золотая скамья, покрытая шкурой. Возле нее застыли фигуры младших жрецов. Это было место судьи.

Наконец появилась стража, ведущая преступника. Впереди с горящими факелами, хотя ярко сияло солнце, шли четыре жреца. За ними шел Рени.

Замыкали шествие десятка два воинов.

На Рени была только набедренная повязка. Его обнаженное тело и спутанные волосы, освобожденные впервые в жизни от рабского обруча, были испачканы землей. Рени поставили перед скамьей судьи, несколькими ступенями ниже, и заставили опуститься на колени.

Толпа с жадным интересом рассматривала убийцу. Его красивое и мужественное лицо поразило всех своим спокойствием.

— Он красив, — сказала Лана. — Я пожалела бы его, если бы он не был рабом.

— Геза его не пожалеет, — злорадно ответил ее отец.

— Что-то он долго не выходит, — сказал Роз.

Но как раз в этот момент в дверях храма показался верховный жрец в полном облачении, с золотой цепью на плечах. Его сопровождала толпа старших жрецов.

Народ шумно приветствовал властелина.

Теперь, когда наступила решительная минута, весь план Рени казался Гезе ошибкой. Он боялся, что его нервы не выдержат, когда он увидит того, кого любил сейчас больше, чем когда-либо раньше.

С величавой медлительностью верховный жрец подошел к своему месту и сел на скамью. Жрецы окружили его с трех сторон.

Рени низко опустил голову. Его поза выражала покорность.

Один из жрецов, черная одежда которого была украшена тонкой золотой цепочкой, выступил вперед.

— Великий судья! — закричал он как можно громче, чтобы его слышали все. — Перед тобой раб по имени Рени, уличенный в убийстве верховного жреца страны, Дена. Вынеси ему свой справедливый приговор. И будет так!

Геза сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, застывший, как изваяние. Живое олицетворение правосудия!

Наступила напряженная тишина ожидания.

Геза заговорил, отделяя каждое слово длинной паузой. Четыре жреца, повернувшись на четыре стороны, протяжно и громко повторяли за ним.

— Я забыл сейчас, — говорил Геза, — что убитый был моим братом. Я помню только, что он был моим властелином, верховным жрецом, первым человеком в стране после Роза и Боры...

Братья переглянулись, очень довольные таким проявлением покорности Гезы. Этого они не ожидали.

— ...Я помню сейчас только то, что Ден был молод, что он долго еще мог жить. Презренный и низкий раб заставил его умереть прежде времени. Душа Дена требует от меня сурового, наказания его убийце. Я решил...

Геза надолго замолчал, волнение душило его. Он не решился опустить глаза и посмотреть на Рени, как и прежде, смотрел прямо перед собой.

— Я решил, — повторил он. — Убийца будет похоронен раньше Дена. Его опустят в могилу живым, снабдят водой и пищей. Чтобы не задохнулся, в его могилу будет проникать воздух. Потом сверху мы положим тело Дена. В темноте и холоде своей могилы убийца долго будет ждать смерти. У него будет время вспоминать свое преступление и жалеть о нем. Будет так!

Приговор произвел потрясающее впечатление. Такая утонченная пытка никогда не применялась. Заживо похороненный человек мог прожить целую луну.

Жрецы и воины приблизились к Рени. Он встал сам. Жестокий приговор, казалось, нисколько не поколебал его спокойствия.

— Благодарю тебя! — сказал он, обращаясь к Гезе.

Дерзость осужденного вызвала гневный ропот в толпе жрецов.

Рени гордо вскинул голову. Он хорошо знал, что никто ничего ему не сделает. Что можно сделать человеку, приговоренному к такой казни! Впервые в жизни Рени был абсолютно свободен, недаром сняли с него рабский обруч.

— Я умру, благословляя твое имя, — продолжал он с явной насмешкой: — Ты мудр и справедлив. Моя душа придет к тебе, когда покинет тело.

— Позволь заткнуть ему рот, — прошептал жрец, наклонившись к уху Гезы.

Верховный жрец ответил гневным взглядом. Жрец помешал ему прислушиваться к словам Рени, тайный смысл которых понимал он один.

— Не трогай! — ответил Геза сквозь зубы. — Он хочет вызвать более легкую смерть. Пусть говорит.

— Я буду говорить, — сказал Рени, услышав эти слова. — О нет, я не ищу легкой смерти. Я доволен твоим приговором, великий судья! Ты выполнил мое тайное желание. Мне будет хорошо под телом твоего брата. Оно охранит

меня от злых духов. Но не думай, что меня ожидают долгие мучения. Я перестану дышать воздухом, которым ты великодушно меня обеспечил, через три дня. И умру, радуясь, что обманул твои ожидания.

— Уведите его! — сказал Геза, словно ему надоели речи преступника.

Рени сказал все, что Геза хотел знать.

Роз удивился, что Рени ни словом не обмолвился о своей невинности. Смутные подозрения проснулись в нем.

— Проверь, — приказал он Добу, — нет ли из могилы подземного хода.

— Его не может там быть, мой господин. За рытьем могилы наблюдали три жреца. Все делалось открыто.

— Исполни то, что тебе приказано, — сердито сказал Роз.

Геза слышал этот разговор. Он усмехнулся. Пусть Роз проверяет. Его посланный не увидит ничего, что могло бы раскрыть замысел Рени.

Между тем жрецы расчищали широкий проход к могиле. Народ теснился, уступая им дорогу.

Началось шествие к месту казни.

Впереди воины вели Рени. За ними медленно шел Геза. Затем следовали Роз, Бора и Лана. Замыкала шествие толпа жрецов.

Народ переключил свое внимание на властителей, которых ему редко приходилось видеть так близко. Раздались крики нескольких человек, зажатых толпой.

Опасаясь, как бы не смяли высоких особ, воины окружили их. Сквозь ряды протиснулся Доб и тихо сказал Розу:

— Все в порядке, мой господин. Могила выложена камнями. Из нее не выскользнет и змея.

Роз успокоился. Видимо, Геза поверил в виновность Рени.

Могила была очень глубока. В самом низу она действительно была укреплена камнями, чтобы земля не осыпалась и не завалила ее. Возле могилы лежала тяжелая, из толстых досок, крышка.

Геза внимательно посмотрел на нее. Выдержит ли?

Такой же взгляд бросил на крышку и Рени. Очевидно, он решил, что крышка надежна, потому что громко сказал, ни к кому не обращаясь:

— У меня нет надежды умереть скоро.

Геза понял, что эти слова адресованы ему, и теплое чувство благодарности наполнило его. Рени в своем ужасном положении думал о спокойствии друга. Ведь если крышка не выдержит тяжести, Рени будет раздавлен.

Воины опустили в могилу длинную лестницу.

— Ты проверил надежность трубы? — тихо спросил Геза у жреца, наблюдавшего за приготовлением могилы. — Я не хочу, чтобы преступник задохнулся.

— Она надежна, господин, — ответил жрец.

— Куда она выведена?

— Как ты приказал, в беседку. Чтобы ее случайно не засыпало.

Геза кивнул головой. Кто мог догадаться о действительной причине его тревоги?

— Проследи, чтобы крышку хорошо укрепили.

— Я сделаю это, господин. Преступник проживет долго.

Рени остановился у верхней ступеньки. Словно прощаясь с землей и небом, он медленно обвел взглядом все, что его окружало. Он старался как можно лучше сыграть свою роль, дабы ни у кого не могло возникнуть ни малейшего подозрения.

— Иди! — Геза заставил себя произнести это слово, напрягши всю волю.

Словно поняв наконец, что его ожидает, Рени стоял, тяжело дыша и низко опустив голову.

Один из воинов слегка тронул его острием копья.

— Иди же! — прошептал он. — Или нам придется столкнуть тебя!

В голосе солдата было волнение.

Человек не может смотреть на казнь спокойно. Наступила глубокая тишина. Толпа затаила дыхание.

Тряхнув головой, Рени быстро спустился по лестнице, которую тотчас же убрали.

Каменное ложе было достаточно велико, чтобы он мог двигаться ползком. Стояли два сосуда с водой и блюдо с грудой лепешек. Этой пищи могло хватить дней на пятнадцать.

Рени постарался запомнить расположение камней. Не ошибся ли Геза? Правильно ли указал он место могилы?..

Из отверстия трубы тянуло свежим воздухом. Все было в порядке.

Рени лег, повернувшись головой в нужном ему направлении. Подземный ход, о существовании которого знали только он и Геза, должен был проходить недалеко, но все же в таком отдалении, чтобы его не обнаружили рабы, рывшие могилу.

А если Геза ошибся?!

Впервые Рени ощутил страх.

Крышка медленно опускалась... Рени закрыл глаза, чтобы не видеть ее приближения. Черная мгла скрыла от него весь мир...

Как только крышка опустилась, лестница снова была установлена, и по ней спустился жрец, чтобы проверить, правильно ли она легла.

Потом крышку забросали землей.

Можно было приступить к похоронам Дена.

Ритуал похорон, казалось Гезе, тянется невыносимо медленно. Все его мысли были там, в глубине могилы, где лежал Рени. Страх и тревога терзали верховного жреца.

Грубо набальзамированное тело брата не произвело на Гезу никакого впечатления, он его просто не замечал. Но обычай обязывал, и Геза в момент опускания тела снял с себя золотую цепь, как бы превращаясь из верховного жреца в родственника покойного. Он разорвал одежды и посыпал голову землей в знак скорби. Все были убеждены, что он заплакал, хотя из его глаз не выкатилась ни одна слезинка.

Когда наконец церемония окончилась и все разошлись, Геза, оставшись один, долго сидел опустошенный. Выполняя желание Рени, он не думал о том, что будет дальше, теперь он осознал в полной мере, что потерял брата и друга

навсегда. Рени останется жив, это прекрасно! Но ему придется скрыться из страны и никогда в нее не возвращаться. Он, Геза, не увидит его никогда!

Что он будет делать среди чужих людей, не имея ни одного друга? Жизнь с ненавистной ему теперь Ланой ужасала Гезу.

Огромные трудности ожидали его и Рени. Как сделать, чтобы вышедший из могилы не попался никому на глаза? Как скрыть бегство его из страны?

Записка, переданная Рени из темницы, ничего не говорила об этом. Не получится ли так, что Рени сразу же будет схвачен? Тогда его вторично постигнет казнь, а сам Геза потеряет все, может быть и жизнь. Роз и жрецы не простят такого обмана.

Смерть не пугала Гезу. Но жизнь была ему нужна, чтобы отомстить Розу. Жизнь и сан верховного жреца.

Из задумчивости его вывел приход раба.

— Что тебе нужно? — спросил Геза.

— Тебя хочет видеть какой-то человек, господин.

— Кто он?

— Он назвал себя Даиром.

— Хорошо, введи его.

Даир вошел. Это был глубокий старик, много лет назад поселившийся в стране Моора.

— Ты пришел за наградой?

— Я получил ее, господин. Будь добр, удали раба.

Геза сделал знак рукой.

— Мы одни, — сказал он. — Говори, что привело тебя в день моей скорби?

— Прости меня, господин. Но то, что я хочу сказать, важно для тебя.

— Говори, я слушаю.

— Тело твоего брата, — понизив голос, сказал Даир, — не бальзамировано. Я только придал ему вид, который должно иметь тело после этой операции. И то с большим трудом.

Геза был так удивлен, что забыл притвориться гневным. Признание в обмане было опасно для Даира. Что же побудило его пойти на это? Уличить его теперь уже никто не мог.

— Ты не умеешь этого делать? — спросил он насмешливо.

— Умею, господин. Но тело твоего брата нельзя было бальзамировать.

Внезапно Геза все понял. Безумец, как мог он забыть! Теперь великую тайну Дена знает этот старик.

Тайна, о которой знает третий человек, уже не тайна.

— Да, — сказал Геза, — об этом я забыл в своем горе. Ты прав, старик. Благодарю тебя за то, что ты не разгласил великую тайну милости богов к моему брату.

Чуть заметная усмешка тронула губы Даира. Но как ни мимолетна она была, Геза заметил ее.

— Я никому ничего не сказал. — Даир поклонился. — И никто не узнает, если ты, господин, будешь щедр к своему рабу.

— Ты хочешь продать мне свое молчание?

— Мне нужен корабль, чтобы вернуться на родину. Я хочу умереть на родной земле. Слишком долго я жил здесь.

— Разве у тебя нет средств?

— Увы, нет, господин.

— Хорошо, — сказал Геза, — ты получишь корабль. Но если тебе дорога жизнь, молчи!

— Я буду нем, как могила, господин.

— Приди ко мне через три дня.

— Твой раб повинуется тебе.

Даир с поклоном удалился.

Как только он скрылся за дверью, Геза вскочил. Настало время воспользоваться властью, бывшей в его руках. Как хорошо, что он не успел еще назначить себе преемника на посту первого жреца храма Моора. Он может достигнуть нужной ему цели, не посвящая никого в страшную тайну.

Вошедшему на его свисток рабу Геза приказал позвать жреца, имя которого назвал.

— Быстрее!

Жрец явился без промедления. Это был один из тех, кто приводил в исполнение тайные приговоры храма. Невозмутимый, готовый на все, суровый как сама смерть, жрец низко поклонился.

— Ты знаешь человека по имени Даир? — спросил Геза.

— Знаю, господин.

— Даир проник в одну из тайн нашего храма.

Эти слова сказали жрецу все, что ему нужно было знать.

Со смирением он произнес:

— Приказывай, господин.

— Даир должен умереть не позднее наступления утра.

— Он умрет через два часа, господин.

Ни малейшего удивления не вызвал у жреца приговор,
вынесенный

без суда. Так было всегда. Первый судья храма Моора
знает, кто и когда должен умереть.

Жрец поклонился и вышел.

Одной загадочной смертью в городе станет больше,
только и всего!

ПРОЩАНИЕ

Время тянулось томительно. Геза знал со слов Рени, что увидит его через три дня. Видимо, этот срок Рени считал необходимым, чтобы проделать выход из могилы в подземный ход.

Тревога и нетерпение гнали Гезу в беседку. Он проводил в ней все свободное время. Все принимали это за скорбь брата по брату — могила Дена была рядом.

Но взгляд Гезы был устремлен не на могилу, а на едва заметное отверстие трубы, случайно оказавшееся почти рядом с замаскированным люком. Хорошо, что никто люка не заметил!

Геза понимал, что его спасла случайность, что в своей тревоге за судьбу Рени он допустил ряд ошибок.

Но теперь ошибки уже недопустимы. Выход Рени на поверхность земли надо подготовить так тщательно, чтобы исключить возможность провала.

Чем больше Геза думал об этом, тем сильнее была его тревога.

Куда и как спрятать Рени?

Геза не принадлежал бы к правящей касте, если бы не знал, что за всем, что происходит в домах высших сановников, внимательно следят глаза Роза. Он знал о Добе и его роли старшего шпиона при властителе. Он знал, что и у него в доме есть рабы, выполняющие указания Доба. Появись в доме «воскресший» Рени, Роз тотчас же узнает об этом.

Препятствия казались Гезе непреодолимыми. Он остро ощущал невозможность посоветоваться с Рени.

В конце концов, Геза решил ждать, ничего не предпринимая, пока не увидится с Рени и не получит его указаний. Несколько дней Рени вполне может провести в подземном ходе, не показываясь наверху.

На второй день, сидя в беседке, Геза вдруг подумал о том, что труба, ведущая в могилу, может служить не только для подачи воздуха — через нее, наверное, слышно, что происходит там, под землей. Если это так, то с Рени можно разговаривать.

Геза внимательно огляделся. Как будто никого! Но все же он не решился предпринять что-либо среди дня. Незаметно для него кто-нибудь может увидеть странное поведение верхового жреца, и этот человек может оказаться как раз шпионом Доба.

Глухой ночью Геза снова пришел в беседку. Мысль, что Рени спит, почему-то не пришла ему в голову. Ведь там, в могиле, нет ни дня, ни ночи.

Было темно, небо скрывали густые облака, и Геза не опасался, что его могут увидеть. Он проскользнул в угол беседки и принял ухом к отверстию.

Тишина!

Холодный пот выступил на лбу Гезы. Страшная мысль, что Рени задохнулся, пронзила его мозг. Жрецы были внимательны, но работу производили не они, а рабы — товарищи Рени. Могло случиться, что кто-нибудь из них, жалея Рени, сделал так, чтобы труба перестала пропускать воздух, и этим ускорила смерть заживо погребенного.

Геза приблизил губы к отверстию и позвал:

— Рени!

Полная тишина!

— Рени, ты меня слышишь?

Ни звука в ответ. Холодом смерти веяло из отверстия трубы.

Геза провел рукой по влажному лбу. Что же делать?

Весь во власти одной мысли — спасти Рени, если он еще жив, — Геза нащупал и поднял крышку люка.

Сходить за факелом? Нельзя, могут увидеть.

Он спустился в подземный ход. Влажной сыростью дышали стены. Руки скользили по комьям земли. Геза осторожно шел вперед. Где, в каком месте этот ход примыкает к могиле, он не знал. Место было указано приблизительно, по косвенным признакам.

Неожиданно Геза на что-то наткнулся. Наклонившись, он нащупал рукой обнаженное плечо человека. Плечо было холодным.

Человек, лежавший на земле, пошевелился. Геза почувствовал, что тело приняло сидячее положение. И тотчас же раздался голос Рени:

— Кто здесь?

Геза чуть не задохнулся от радости. Комок подступил к горлу, и он не смог сразу ответить.

Мрак был непроницаем. Геза не видел, но каким-то шестым чувством понял, что Рени сейчас бросится на него. Ведь он не знал, кто перед ним, и мог заподозрить все что угодно.

— Рени! — выдал из себя Геза. — Милый Рени! Это я.

Две руки коснулись его лица. В следующую секунду Геза оказался в объятиях друга. Он содрогнулся, почувствовав, как слабы эти объятия. Куда делась могучая сила его брата?

— Милый Рени! Ты выбрался! Ты жив!

— Еще вчера, — ответил Рени, — а может быть, и сегодня. Я спутал время в этой темноте. Что сейчас: день или ночь?

— Ночь.

— Зачем ты пришел сюда?

— Я хотел говорить с тобой через трубу. Но ты не ответил, и я испугался.

— Геза! Ты должен уйти отсюда. Кто-нибудь может прийти из храма.

— Никто не придет. Ты очень мучился?

— Я очень ослабел, — ответил Рени своим обычным голосом.

— Я сам мучился, милый Рени.

— Я знаю. Но ты, Геза, хорошо вел себя во время суда. Я доволен тобою, мой брат.

Впервые Рени назвал Гезу братом. Раньше он всегда называл его по имени. Геза понял, чем это вызвано. Рени больше не был рабом. Он был свободен, как может быть свободен умерший.

— Да, — сказал он, — я твой брат, Рени. И этот брат сделает все, что ты ему прикажешь. А что ты сам думал делать?

— Не знаю, Рени. Я ничего не мог придумать. Я ждал завтрашнего дня, вернее, ночи, чтобы решить вместе с тобой.

— Я уже решил, — сказал Рени.

— Что ты решил?

Вместо ответа Рени заговорил о другом:

— Ты хорошо рассчитал, Геза. Могила оказалась совсем рядом с подземным ходом. Я легко проник сюда. Мне показалось, что здесь теплее, чем там. Но теперь...

Геза вспомнил — Рени почти обнажен, на нем только набедренная повязка. Сняв с себя плащ, он накинул его на плечи Рени.

— Спасибо! Мне кажется, что я болен, Геза.

— Болен?!

Непредвиденное осложнение привело Гезу в полное отчаяние. Больного немислимо оставить здесь!

— Что же теперь делать?

— Может быть, мне это только кажется, — сказал Рени.

— Я продрог. Теперь, в твоём плаще, мне гораздо лучше.

— Где спрятать тебя?

— Там.

Геза не видел, куда указывает Рени, но легко догадался.

— В тайнике?!

— Больше нигде. Спрятать меня необходимо, уйти некуда. Наверху мне нельзя появляться, пока обо мне не забудут.

— Не можешь же ты провести там несколько лет.

— А сколько лет, по-твоему, нужно, чтобы обо мне забыли?

— Много, Рени.

— Но сколько?

— Не знаю.

— Ты ещё не понял моего плана, Геза, — неожиданно сказал Рени.

— Я думал, что понял все.

— Нет, не все. Ты понял и осуществил первую его часть. Но она бессцельна без второй. Ты помнишь рассказ Дена?

— Какой рассказ?

— О том, как Ден проник в подземный ход и открыл дверь тайника.

— Помню.

— Ты должен помнить и то, что, пробыв в тайнике одну минуту, Ден вышел из него через сорок дней.

— И это помню, — ответил Геза, все еще не понимая.

— Он вышел таким, — продолжал Рени, — как если бы действительно пробыв там одну минуту. А мы знаем, что прошло сорок дней. А если бы Ден пробыв там весь день?

Геза вздрогнул. Теперь он понял безумный план Рени.

— Я не пущу тебя!

— Значит, ты хочешь, чтобы меня вторично казнили, а тебя самого выгнали из храма?

— Тебя постигнет там смерть.

— А что ждет меня наверху? Мы видели Дена после его выхода из тайника. Мы знаем, что он пробыв там полторы луны. Я верю пришельцам.

— Они исчезли оттуда.

— Через шесть лун. А я пробуду там полтора часа. Как ты думаешь, узнает меня кто-нибудь, если я появлюсь через сто двадцать лун точно таким, каков я сейчас?

— Ты безумен, Рени!

— Нет, просто я верю, что существует многое, чего мы не понимаем.

— Ты знаешь, какая болезнь постигла Дена после того, как он побывал в тайнике.

— Пришельцы тоже были «больны» и находили это нормальным.

В голосе Рени звучала решимость. Геза понял, что он все равно выполнит задуманное.

— Я буду ждать тебя полтора часа.

Рени засмеялся:

— Ты забыл, что для тебя пройдет не полтора часа, а сто двадцать лун!

— Так долго я не увижу тебя!

— Лучше долго, чем никогда. Я давно бы вошел туда, но мне хотелось дождаться тебя и проститься с тобой. Чтобы ты знал, что я вернусь.

— Я убью Роза! — со злостью сказал Геза. — Я стану единственным властелином страны. И как только добьюсь этого, приду за тобой. Мы придумаем, что сделать, чтобы твое «воскрешение» укрепило страх передо мной, увеличило мою власть. И ты не будешь рабом, Рени. Я сделаю тебя жрецом.

— Все это мечты, Геза, — ласково сказал Рени. — Рабом я уже перестал быть. Но бывший раб не может стать жрецом. Благодарю тебя за добрые намерения. Не будем терять времени. Научи меня, как надо нажать на выступ, чтобы дверь открылась. Я совсем забыл, что без тебя не могу этого сделать.

— Я сам открою, — сказал Геза.

— Нет, ты уйдешь. Кто знает, может быть, открыв дверь, ты выйдешь наверх спустя долгое время.

— Ты прав, Рени, прав, как всегда. Иди! Я буду ждать тебя. И ускорю твое возвращение, насколько могу.

— И я буду ждать тебя полтора часа.

— А как ты определишь время?

— Я буду считать. Что еще делать там?

Они ни в чем не сомневались, готовясь привести в действие неведомые им силы. Ребенок не боится огня, пока не обожжет пальцы. Невежество подобно ребячьему недомыслию!

— Прощай, Геза!

— Ты прощаешься со мной на полтора часа, а я...

— Думай обо мне и приводи в исполнение свой план. Отомсти Розу за нас обоих.

Геза услышал удаляющиеся шаги.

— Не забудь заделать отверстие! — донесся до него голос Рени.

Послышался шорох осыпавшейся земли. Видимо, Рени сильно задел за стену.

Раздался резкий металлический звук, точно столкнулись железные палицы.

Ярко вспыхнул свет. После полной темноты он казался ослепительным.

Геза увидел, как темный силуэт Рени исчез за дверью загадочного тайника.

И снова могильный мрак охватил его со всех сторон...

Прошло много времени.

Смерть Дена и страшная казнь его убийцы изгладились из памяти людей. Пришельцы давно были забыты.

По приказу верховного жреца была уничтожена семигранная комната, а стол и шар в специальном ящике, куда для тяжести положили камни, были отвезены на корабле подальше от берега и брошены на дно океана.

Жизнь шла по-прежнему, как и до появления пришельцев.

Но страх перед Гезой все еще владел людскими сердцами, хотя никто не мог бы сказать, чем именно вызван этот страх.

Роз умер внезапно и непонятно, но никто не связал мысль о его смерти с именем Гезы. Верховный жрец был вне подозрений. Даже его жена Лана ничего не заподозрила, хотя и хорошо знала о тайной ненависти своего мужа к Розу.

Бора правил один, со всей полнотой власти, на которую Геза, казалось, и не думал посягать. Все, что когда-то было сделано Деном для возвеличения жреческой касты, кануло в Лету.

Так казалось. Но тайные мысли верховного жреца были известны ему одному.

Геза ждал.

У Боры не было сына, и после его смерти, ждать которой по всем признакам оставалось уже недолго, власть перейдет к Гезе естественно, сама собой.

На смену одной династии придет другая.

Его не тяготило ожидание, так как и теперь его власть мало уступала власти Боры. Каждое слово верховного жреца было законом для страны Моора.

И никто не подозревал, что грозные и действительно могущественные силы природы готовили гибель не только отдельным людям, а всей стране.

Омываемая со всех сторон океаном, страна Моора доживала последние годы своего существования.

Но этого никто не знал. Едва зарождавшаяся наука не могла предупредить людей о грозящей им участи.

Геза все время помнил о Рени. В его сознании никак не укладывалось, что все эти луны прошли для Рени как минуты. Но он верил, что это так.

Наконец он решил, что настало время. Если Рени даже узнают, никто не осмелится ничего сказать.

Подземный ход еще существовал, но был сильно разрушен временем. Из осторожности Геза уничтожил люк и снес беседку. Он давно не жил в их старом доме.

Геза приказал расчистить ход к двери.

И вот снова, как в давно прошедший день, Геза остановился перед загадочной дверью.

Там ли Рени?

Как ни странно, но Геза сомневался, что его молочный брат все еще находится в тайнике.

Нет, Геза не подозревал, что Рени мог исчезнуть, как исчезли пришельцы. Он думал, что Рени мог уйти отсюда, скрыться из страны тайно от него, Гезы.

Время и всесильная власть испортили когда-то мягкий и благородный характер Гезы. И предполагаемая «измена» Рени его не возмущала. Если скрылся, то хорошо сделал!

Он привык к мысли, что все, что он делает, правильно. И, не задумываясь, трижды нажал на выступ.

Если Рени окажется прав и он, Геза, выйдет отсюда через долгое время, никому и в голову не придет спрашивать, где он был.

Дверь не открылась...

В ЦИЛИНДРИЧЕСКОЙ КАМЕРЕ

Рени был молод и силен. Но длительное пребывание в кошмарной подземной темнице храма, а потом в крошечной мгле и пронизывающей сырости могилы подорвали его здоровье. Нажимая на выступ сбоку от овальной двери цилиндрической камеры, он дрожал всем телом от лихорадочного озноба, помешавшего ему почувствовать даже естественный страх.

Глаза, отвыкшие от света, нестерпимо резнуло ослепительное сияние вспыхнувшего шара. Рени упал на пол камеры.

С резким звоном за ним захлопнулась дверь.

Ему казалось, что он стремительно летит в какую-то бездонную пропасть. Нескончаемое «падение» вызывало тошноту. С трудом открыв глаза, юноша увидел перед самым своим лицом неподвижный и твердый пол камеры. Он никуда не падал, но ощущение падения не прекращалось.

Собрав все силы, Рени поднялся. Стены кружились перед его глазами в бешеном хороводе. Они выглядели каким-то вертящимся туманом, и нельзя было определить, где же они находятся: здесь, рядом, или в бесконечном отдалении?

А стоявшие перед ним четыре ложа оставались неподвижными.

Рени сразу обратил на это внимание и понял, что стены то ли и впрямь вертятся, то ли производят впечатление вертящихся. Если бы у него кружилась голова, четыре ложа, похожие на саркофаги, кружились бы тоже.

В измученном, утомленном мозгу не возникало вопросов. Рени относился к окружающему с тупым безразличием. Он заранее знал, что здесь, в этом помещении пришельцев, его ожидает то, чего понять он не сможет.

Машинально сделав шаг, юноша опустился на ближайшее ложе и лег, закрыв глаза, чтобы не видеть вращения стен.

Но прежде чем он успел сомкнуть веки, шар погас, и абсолютная темнота ринулась на него, гася сознание...

Сколько прошло времени до того, как, открыв глаза, Рени почувствовал, что снова способен соображать, он не знал. Был ли он без сознания или заснул? Если заснул, то сколько времени проспал?

В камере был свет. Шар висел над его головой, испуская бледное желтое сияние. Стены казались неподвижными, только временами их скрывали как бы волны тумана, и тогда снова нельзя было понять, близко они или далеко.

Рени чувствовал себя совершенно здоровым. Не было лихорадочного озноба, не испытывал он и слабости, от которой шатался, когда входил в эту камеру. Голова была ясна, и мысли текли четко.

Его тонкий слух улавливал какие-то звуки, едва различимые, но несомненные, похожие на шелест сухих листьев или на человеческие голоса, доносящиеся с большого расстояния. Один раз он отчетливо услышал, как очень далеко, на пределе слышимости, раздался металлический звук закрывшейся двери.

Человечество еще не придумало слово «галлюцинация», и Рени не мог подумать о ней, но мысль, явившаяся ему, близко подходила к этому понятию. Он снова закрыл глаза и погрузился в свои мысли, стараясь не обращать внимания на звуки, которые, как он был уверен, только чудятся ему. А может быть, эти звуки издавал шар, что было вполне возможно.

Прошло ли намеченное им время? Не пора ли ему открыть дверь и выйти на поверхность земли?

Голода он не ощущал. Значит, никак не могло пройти очень много времени.

И Геза не появлялся еще, как обещал, чтобы выпустить его. Вероятно, полтора часа еще не прошли. Рени было досадно, что он заснул и потерял представление о времени. Так может случиться, что он выйдет не через сто двадцать лун, а через двести или более. Но тогда почему же не пришел Геза и не разбудил его?

Рискнуть?..

— Нет, — сказал Рени самому себе, — этого нельзя делать. Я могу ошибиться. Могло пройти всего несколько ми-

нут. А тогда меня сразу узнают там, наверху. Меня схватят и казнят. Я погублю не только себя, но и Гезу. Надо ждать.

И вдруг... Рени с ужасом понял, что без помощи Гезы вообще не сможет выйти отсюда.

Дверь была хорошо видна, но никаких выступов или запоров на ней не было. Не было и ручки, а открывалась дверь внутрь камеры. Не за что уцепиться даже ногтями — место соприкосновения двери со стенами виднелось как тончайшая нить.

«Если с Гезой что-нибудь случилось, — подумал Рени, — я погиб. Я задохнусь здесь».

Воздух был чист, но Рени понимал, что его очень мало и не может хватить надолго.

— Об этом мы не подумали, — сказал он громко.

Избежав смерти от рук жрецов, Рени не хотел умирать сейчас.

Он попытался вскочить, но не смог этого сделать. Какая-то сила удерживала его на ложе. Он не мог поднять даже руки, не мог вообще пошевелиться.

Его мускулы были крепки, как всегда. И все же подняться он не мог. Его ничто не давило, ничто не притягивало к ложу, дыхание было свободно, но у него было такое впечатление, что сам воздух камеры приобрел большую плотность, и силы мускулов оказалось недостаточно, чтобы преодолеть ее.

Испугался ли Рени? Нет, чувство, которое его охватило, не было страхом. Это было гнетущее сознание беспомощности и обреченности.

«Пришельцы сказали правду, — подумал он, — всякий, кто сюда войдет, обречен на смерть. Но почему не умерли они сами?»

Он не знал, что случилось с пришельцами. Но был непоколебимо убежден, что четыре белолицых незнакомца не пошли на верную смерть, входя в эту камеру. Они говорили, что уходят к другим людям.

Эти слова были непонятны, но полны уверенности.

«Где они? — думал Рени. — Они вошли сюда. Куда же они делись?»

Он не мог даже приблизиться к решению этой загадки. Исчезновение пришельцев из помещения, закрытого со всех сторон, было выше его понимания. Только приход Гезы мог спасти его. Рени стал думать о том, что происходит над его головой, на поверхности земли.

Вероятно, прошло уже много лун. Что случилось за это время, что делает Геза? Удалось ли ему отомстить Розу за смерть Дена?

В том, что каждая минута пребывания в камере равняется на земле сорока дням, Рени был уверен. Он верил рассказу Дена, сам видел его после сорокадневного отсутствия.

Как это происходит, Рени не понимал, но его трезвый ум раз навсегда сказал ему, что эта область знания еще недоступна людям его времени, но ничего сверхъестественного тут нет и быть не может. Рени обладал скептическим взглядом на все, что темному уму его современников казалось проявлением воли добрых и злых духов.

Он не подозревал, что в том положении, в каком он находился, скептицизм был его спасением. Другой на его месте мог сойти с ума от ужаса. Впрочем, этот другой никогда бы и не вошел в камеру.

Рени лежал спокойно, покорившись своей участи. И этим не мешал силам, во власти которых находился.

А силы эти переносили неподвижное тело человека сквозь время, из одной эпохи в другую.

Давно уже исчезли с лица земли Геза и все люди, которых знал Рени.

Исчезла, поглощенная океаном, страна Моора, где он родился и вырос.

Поколения сменяли друг друга. Века проносились над цилиндрической камерой.

Рени не ощущал ничего. Времени не существовало, но он думал, что минуты текут, как обычно. И они казались ему очень длинными.

Он продолжал на что-то надеяться. На Гезу?.. Рени забыл о нем. Он думал теперь о пришельцах. Ведь эти странные и могущественные существа были здесь, в этой камере.

Они исчезли из нее, но могут опять вернуться. И тогда он будет спасен.

Шелестящие звуки становились громче, отчетливее, но Рени по-прежнему не улавливал в них никакого смысла.

И вдруг шар снова погас. Снова абсолютная тьма словно набросилась на Рени, и он перестал что-либо ощущать.

Но если бы он даже сохранил сознание действительности, если смог бы понимать и оценивать происходящее, то все равно никогда бы не догадался, что эта тьма означает конец пути, о котором он не подозревал, означает, что обычное время снова вступает в свои права относительно него. Точно так же, как раньше, совсем недавно по его восприятию, такая же внезапная темнота указывала на то, что путь в будущее начался.

Переход в нулевое пространство и обратно, в обычный мир, вреден для психики человека, и точные механизмы камеры выключали на время таких переходов сознание человека.

Но Рени не знал этого. И когда открыл глаза и увидел возле себя четырех пришельцев, он подумал со вздохом облегчения:

«Я недаром надеялся. Они вернулись!»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАНЕТНЫЙ ГОСТЬ

Фантастическая повесть

5

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

Фантастическая повесть

(Отрывок)

173

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

Фантастическая повесть

Журнальный вариант

233

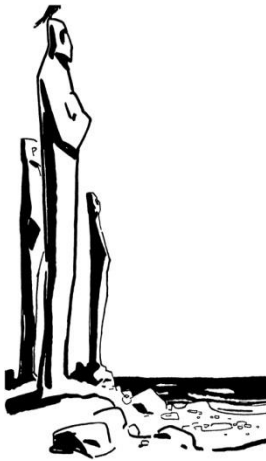
Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста

Георгий Сергеевич МАРТЫНОВ
ПЛАНЕТНЫЙ ГОСТЬ
*Фантастические произведения
Журнальные варианты*

Издательство «Спутник™»
Дзуреченск, ул. Славная, 88

Подписано в печать 29.11.2020
Ответственный редактор А.Невструев
Генеральный директор издательства
所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии с качеством представленного электронного оригинал-макета в типографии ООО «Шер-Хан», субсегмент Энлиль, пр. Голконды Таврической, 177

